

В. В. Синюков

Александр Васильевич КОЛЧАК



часть 2

Ученый и патриот

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА

В.В. Синюков

**Александр
Васильевич
КОЛЧАК**

Ученый и патриот

В двух частях



МОСКВА НАУКА 2009

В.В. Синюков

**Александр
Васильевич
КОЛЧАК**

Ученый и патриот

В двух частях

Часть 2

Командующий

Черноморским флотом

и Верховный правитель России

Ответственный редактор
академик А.П. ЛИСИЦЫН



МОСКВА НАУКА 2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
С38

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Рецензент:
член-корреспондент РАН Ю.Н. АВСЮК

Синюков В.В.

Александр Васильевич Колчак : Ученый и патриот : в 2 ч. / В.В. Синюков ; отв. ред. А.П. Лисицын ; Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. – М. : Наука, 2009. – ISBN 978-5-02-035739-6.

Ч. 2 : Командующий Черноморским флотом и Верховный правитель России. – 231 с. – ISBN 978-5-02-035761-7 (в пер.).

Книга посвящена жгучей теме современной России – патриотизму, бескорыстному служению Отечеству. А.В. Колчак в царской России прошел путь от мичмана и исследователя Арктики до адмирала Российского флота. Его известность и популярность в народе превосходили популярность вождей пролетариата, что и обусловило его назначение на пост Верховного правителя России. А.В. Колчак до конца жизни сохранил честь и достоинство русского офицера. Книга написана увлекательно, живым образным языком с привлечением архивных материалов, многие из которых публикуются впервые.

Для широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-035739-6
ISBN 978-5-02-035761-7 (ч. 2)

© Институт истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2009
© Синюков В.В., 2009
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2009

Предисловие

Среди политических и военных деятелей Белого движения и смутного периода лихолетья, связанного с революционными событиями 1917 года и Гражданской войной, одно из самых заметных мест занимает адмирал Александр Васильевич Колчак. В этой незаурядной личности сочетались талант и значимость военачальника с выдающейся практической деятельностью ученого-исследователя.

Изучению, осмыслению и правдивой оценке этой личности в отечественной истории XX в. крайне препятствовало резко отрицательное отношение к ней Советской власти и ортодоксальной коммунистической пропаганды. В течение более 70 лет общественности страны преподносилась личность Колчака как непримиримого врага Республики Советов, принявшего в годы Гражданской войны титул Верховного правителя России и звание Верховного Главнокомандующего морскими и сухопутными силами.

О деятельности Колчака как русского офицера-патриота, проявившего мужество и стойкость в ратных делах в русско-японскую и Первую мировую войну, вовсе не упоминалось в советской печати.

Не доводились до читательской аудитории и научного общества заслуги Колчака как ученого-океанолога, отважного исследователя Арктики. Замалчивались и его научные труды, нашедшие признание мировой общественности.

Так, в дореволюционные годы на географических картах существовал остров Колчака. Вместо него в советское время на картах появился остров Расторгуева. Этому переименованию не помешал даже тот факт, что остров с таким названием уже был на картах и находился он в Пясинском заливе совсем неподалеку от острова Колчака. И такая топонимическая несуразица была возможной в годы неограниченной власти коммунистической партии.

В свете сказанного заслуживает огромной и искренней благодарности труд Валерия Васильевича Синюкова, который на ос-

нове обнаруженных им архивных документов и малоизвестных публикаций сумел раскрыть реальный облик и многогранную деятельность А.В. Колчака.

В двух томах книги читатель знакомится с жизнью и служебной карьерой Колчака как морского офицера, а также с его весомым вкладом в науку в области географии, океанологии и навигации.

Автор указывает на изумительные человеческие качества Александра Васильевича, его порядочность и честность в сочетании с удивительной скромностью. О скромности и порядочности гардемарина Колчака свидетельствует, например, его отказ от положенной ему премии за отличное окончание Морского корпуса в пользу более нуждавшегося в деньгах другого отличника учебы.

Автор книги приводит слова Колчака, сказанные на допросе за несколько дней до расстрела в Иркутске: «с 1914 года я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении».

Удивительно насыщенной была жизнь Колчака, и это убедительно показывается в книге. После окончания Морского кадетского корпуса в 1894 г. мичман, а позже лейтенант Александр Колчак плавает вахтенным начальником на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер», совершает поход из Кронштадта во Владивосток. В пути занимается углубленным изучением океанографии и гидрологии, проводит практические исследования физических параметров морской воды.

По возвращении в Петербург Колчак публикует свою самую первую научную работу в журнале «Записки по гидрографии» за 1899 г.

Как пишет автор книги, «Колчак смолоду мечтал открыть Южный полюс, но судьба распорядилась иначе и он многие годы своей жизни отдал Арктике».

На шхуне «Заря» по Северному Ледовитому океану, а затем на собаках по тундре лейтенант Колчак участвует в трехгодичной полярной экспедиции, которую возглавляет барон Э.В. Толль. Одновременно с поисками легендарной Земли Санникова экспедиция картографирует обширные участки побережья Карского моря и моря Лаптевых.

После пропажи Толля с санной экспедицией Колчак организует и возглавляет ее поиски. Рискуя жизнью, он проходит на ездовых полярных собаках и пешком многие сотни километров. В результате были найдены следы группы Толля и доставлены в Академию наук ценные материалы пропавшей экспедиции.

Из книги читатель узнает, что за исследования в Арктике и спасательную экспедицию Александр Колчак пожалован Орденом Св. Владимира 4-й степени, а Русское Географическое общество наградило его Золотой Константиновской медалью.

С началом русско-японской войны в феврале 1904 г. Александр Колчак добровольно отправляется в Порт-Артур, где становится в ряды защитников крепости. Участвует в боевых действиях на кораблях эскадры, а затем на сухопутном фронте в качестве командира артиллерийской батареи.

Раненый, с обострением ревматизма попадает в японский плен. По возвращении на родину Колчак награждается двумя боевыми орденами и золотой саблей с надписью «За храбрость».

На длительное время Колчака откомандировывают для научной работы в Российскую Академию наук. В 1907 г. выходит в свет фундаментальная монография Колчака «Лёд Карского и Сибирского морей», получившая признание ученого мира.

В книге В.В. Синюкова отмечается, что «спустя два десятилетия после опубликования монографии в России Географическое общество США перевело и издало одну из ее основных глав в специальном сборнике «Проблемы полярных исследований».

К сожалению, этот ценный для науки и практики освоения Арктики труд Колчака в течение семи десятилетий находился в СССР под строжайшим запретом. Более того, ни один из советских авторов не решался даже давать ссылку на этот труд в своих публикациях.

Заслугой автора настоящей книги стало не только доведение до широкой общественности факта существования монографии Колчака, но и ее подробный анализ и непреходящее значение для мореплавания в арктическом бассейне.

Именно в этой монографии было впервые высказано Колчаком предположение, что в Северном Ледовитом океане, кроме движения льда с востока на запад, существует еще круговорот льда по часовой стрелке с центром траектории около полюса относительной недоступности. Предположение Колчака впоследствии полностью подтвердилось движениями советских и американских дрейфующих станций.

В.В. Синюков ратует за современное переиздание этого фундаментального труда Колчака. «Необходимо сделать его достоянием широкой научной общественности и мореплавателей». Кроме того, ее переизданием мы отдадим дань признанию и памяти великого патриота и моряка, каким был Александр Колчак.

В 1909–1910 гг. капитан 2-го ранга А. Колчак, будучи командиром ледокольного судна «Вайгач», совершает дальнейшее плава-

ние по маршруту Петербург–Владивосток и далее к Берингову проливу, где проводит гидрографические исследования в районе мыса Дежнева.

Ознакомившись со статьями Колчака «Какой нужен России флот», опубликованными в журнале «Морской сборник» за 1908 г. и увидев в них новизну взглядов на будущее военное кораблестроение, Морской Генеральный штаб отзывает Колчака с «Вайгача». Ему предлагают участвовать в разработке новой судостроительной программы страны.

После 1912 г. Колчак окончательно отходит от научной деятельности, полностью и увлеченно занимается работой в Морском Генеральном штабе и службой во флоте.

Он командует эсминцами «Уссуриец» и «Пограничник», получает назначение флаг-капитаном оперативной части штаба Балтийского флота.

Буквально накануне начала Первой мировой войны, по инициативе капитана 1-го ранга Александра Колчака Балтийский флот проводит минно-заградительную операцию с целью недопущения прорыва германских кораблей в Финский залив.

Осенью 1915 г. Колчак вступает в командование Минной дивизией. Скоординированными, не без участия Колчака, действиями моряков и сухопутных частей было остановлено наступление немцев на Ригу, а Рижский залив стал полностью контролироваться Балтийским флотом. Колчак командует всеми морскими силами залива.

За отличия по службе и в боевых действиях его награждают орденом Св. Георгия 4-й степени, а в апреле 1916 г. производят в контр-адмиралы.

Через два месяца Колчак назначается командующим Черноморским флотом с одновременным присвоением ему звания вице-адмирала.

В короткий срок под его руководством перекрыт район Босфорского пролива плотным минным заграждением. Поставлено более 2000 мин. Была обеспечена безопасность основных русских портов и баз на Черном море от набегов германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау». Проведено также массивное минирование турецких портов.

После Февральской революции 1917 г. Колчак присягает на верность Временному правительству. «Присягу я принял по совести, – заявил Колчак на допросе в Иркутске перед расстрелом, – считая это правительство как единственное, которое надо было признать».

В высшей степени беспокойная обстановка в Кронштадте и Петрограде с непрерывными митингами и самосудами матросов и солдат над офицерами пока не касалась Черноморского флота. И в этом была заслуга Командующего флотом, к которому, как пишет автор книги, «многие матросы относились не только с большой симпатией, но даже с любовью и восхищением».

Когда под влиянием большевистских агитаторов, прибывших в Севастополь с Балтийского флота, началось разоружение офицеров, Колчак оставляет пост Командующего флотом и выезжает в Петроград.

В книге приведен малоизвестный и любопытный факт: до отъезда из Севастополя состоялась встреча Колчака с видным теоретиком марксизма и лидером меньшевиков Г.В. Плехановым. На встрече обсуждались вопросы ослабления влияния большевиков на матросские массы флота. К сожалению, желаемых результатов эта встреча не принесла.

В Петрограде Временное правительство утвердило Колчака Начальником военно-морской миссии в США, куда он и прибыл в сентябре 1917 г. Здесь он увидел, что США не намерены помогать России в войне. Колчак решает вернуться в Россию на японском судне.

В Йокогаме к нему приходит весть о большевистском перевороте в Петрограде и свержении Временного правительства. И он объявляет себя непримиримым врагом новой власти «германобольшевиков, позорящих мою Родину».

С апреля по сентябрь 1918 г. Колчак находится в Харбине, где заявляет, что «для борьбы с Советами надо создавать хорошо обученные вооруженные отряды».

В Омске Колчак свергает эсеро-меньшевистское Сибирское правительство и Директорию и получает безграничную власть Верховного правителя России и чин полного адмирала. В его подчинение как Верховного Главнокомандующего поступают все сухопутные и морские силы белой армии. Власть Колчака признают союзники России по Антанте.

В многочисленных боях и сражениях с Красной армией войска Колчака добиваются наибольшего успеха к апрелю 1919 г., доходят до Самары и Казани. За освобождение от большевиков Урала его награждают орденом Св. Георгия 3-й степени. Однако мощным контрнаступлением красных, имевших преимущество в личном составе и вооружении, колчаковские войска в мае–июне были отброшены на восток.

15 января 1920 г. одна из частей чехословацкого корпуса задерживает поезд, в котором находился адмирал Колчак. Чехи

передают его эсеро-меньшевистскому Политическому центру, а центр – большевистскому иркутскому Военно-революционному комитету. По указанию из Москвы Комитет после допроса Колчака приговаривает его к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в 5 часов утра 7 февраля 1920 года. Руководил расстрелом чекист С.Г. Чудновский.

Колчак вел себя перед расстрельной командой в высшей степени достойно, отказался завязать глаза и до конца не терял присутствия духа.

В.В. Синюков подарил свою книгу внуку адмирала Александру Ростиславичу Колчаку, проживающему в Париже, который ответил автору содержательным письмом.

Вместе с выражением искренней благодарности за книгу внук высказывает свое видение и некоторые свои оценки тем событиям, которые сопровождали жизнь и деятельность его деда.

В целом читатель увидит в книге Валерия Васильевича Синюкова облик полностью восставшего из советского небытия выдающегося сына и патриота великой России адмирала Александра Васильевича Колчака.

Профессор Академии военных наук,
капитан 1-го ранга *В.Н. Краснов*

Вице-адмирал А.В. Колчак — командующий Черноморским флотом. Февральская революция 1917 г.

Первые шаги командующего Черноморским флотом

Наконец, пришел день, когда Колчаку вручили долгожданные золотые адмиральские погоны. За отличие по службе он был произведен в контр-адмиралы со всеми вытекающими отсюда благоприятными финансовыми и карьерными последствиями. Это радостное для Колчака событие произошло 10 апреля 1916 г.

А через два с половиной месяца новый феерический взлет самолюбивого флотоводца. Колчак приказом от 28 июня 1916 г. назначен командующим Черноморским флотом и одновременно произведен в вице-адмиралы. Новый командующий отбыл в Могилев в Ставку Николая II для получения соответствующих инструкций и наставлений, а также Императорского Благословения. Необходимо было обезопасить черноморское побережье и порты Новороссийска, Севастополя, Одессы от разбойных набегов германских крейсеров «Бреслау» и «Гебен», действовавших под турецким флагом. Шла Первая мировая война.

Вице-адмирал А.В. Колчак принял командование Черноморским флотом 9 июля 1916 г. Его приезд в Севастополь был ознаменован не торжественными встречами, как это обычно бывает, а быстрой подготовкой к морской боевой операции. Дело в том, что Колчак получил срочное радиосообщение о движении крейсера «Бреслау» через Босфор курсом на Новороссийск. Командующий тут же принял решение на флагманском линкоре «Императрица Мария» вместе с крейсером «Кагул» и шестью эсминцами атаковать непрошенного гостя.

На меридиане Синопа эскадренные миноносцы, под прикрытием дымовой завесы идущие впереди «Императрицы Марии», обнаружили германский крейсер.

«С дистанции 114 каб.¹ линкор открыл огонь из 305-мм орудий. С первых же залпов “Бреслау” был взят в вилку. Снаряды рвались в небольшом удалении от крейсера. Противник, прикрывшись дымовой завесой и развив максимальную скорость, вышел из зоны боя и, пользуясь превосходством в скорости, ушел в Босфор. Это был последний выход германского крейсера в Черное море за время командования Колчака» [98, с. 447].

На следующий день удовлетворенный ходом военных действий на Черном море главнокомандующий объявил свой первый приказ всему личному составу Черноморского флота.

«Повелением Государя Императора я 9 июля вступил в командование флотом Черного моря.

Государь Император преподал мне как Верховный Командующий указания и предначертания о деятельности флота Черного моря и изволил высказать свое мнение о значении флота Черного моря в настоящей войне и о задачах его, сводившихся к великим историческим целям.

Я не буду ни называть, ни говорить о них, но пусть каждый из нас помнит и знает, что Государь Император верит, что Черноморский флот, когда ход событий войны приведет его к решению исторической судьбы Черного моря, окажется достойным принять участие в этом решении» [118, с. 15].

Вице-адмирал В.А. Канин, командующий Балтийским флотом, незамедлительно прислал ему поздравления из Гельсингфорса (Хельсинки).

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Мы все с таким участием следим за тем, что у Вас делается и как Вам Бог помогает. Поздравляю Вас с хорошим вступлением в должность. Выйти в море для преследования неприятеля в первое же утро по подъеме флага – очень хороший признак и вполне соответствует Вашему активному характеру и образу действий. Конечно, жаль, что не удалось захватить “Бреслау”.

Ваш В. Канин» [Там же].

Десятки поздравлений получал Колчак в связи с назначением на должность командующего Черноморским флотом.

Даже светская дама баронесса В. Черкасова пишет в Севастополь из Петербурга:

«Искренне и сердечно поздравляю Вас с высоким назначением и Монаршей милостью. Слава Богу, справедливость начинает торжествовать, и Россия понемногу отделяется от засосавшей ее рутины. Вот уже вторично призывают Вас “спасать положение”. 10 лет тому назад Вас выбрали для работы в Генеральном штабе, тогда очень нуждались в Вашей помощи.

Да хранит Вас Бог от двух врагов: от зависти и злобы людской, а с остальным Вы справитесь сами.

Глубоко Вас уважающая баронесса В. Черкасова» [118, с. 16].

¹ Кабельтов (голл.) – 1 К. = 0,1 мили (морской) = 185,2 м.

А.В. Колчак, вступив в должность командующего Черноморским флотом, энергично взялся за выполнение оперативно-стратегических задач, связанных с тем, чтобы перекрыть доступ германского флота через Босфор в Черное море. С помощью блокады пролива он надеялся остановить проникновение вражеских крейсеров и подводных лодок в черноморские воды.

А.В. Колчак приобрел большой опыт в постановке минного оружия еще на Балтике. Наличие в Босфоре небольших глубин давало возможность еще более успешно использовать минное оружие. В первую очередь необходимо было поставить минные заграждения в «горле» пролива, а далее в виде трех минных полей в 20–40 каб. от выхода из пролива. В наиболее узкой зоне пролива постановку заграждения должен был выполнить подводный минный заградитель «Краб», а в прибосфорском районе главное минное заграждение поручалось выполнить дивизиону эскадренных миноносцев.

Для прикрытия этих опасных работ выделялись два новых линейных корабля и дивизион эскадренных миноносцев, осуществлявших оборону линкоров, и две подводные лодки «Нерпа» и «Кит» [98, с. 448].

Вражеские подводные лодки могли атаковать линкоры, и поэтому наблюдатели и дозорные тщательно следили за возможным появлением неприятельских субмарин.

Черноморский флот вступает в новую фазу

Важное место в планах Колчака занимала разведка. Для проведения минно-заградительных работ отводилось ночное время. В целях выявления систем обороны противника к проливу Босфор была направлена подводная лодка «Нерпа». Она установила, что германцы в районе намеченных постановок не держат дозорных кораблей, а наблюдение с береговых постов весьма слабое и в ночное время корабли могут незаметно подходить к берегу. Разведка, проведенная подводной лодкой, дала возможность успешно выполнить программу постановок минных заграждений на выходе из Босфора.

В справочнике «Флотоводцы России» читаем: «Трудность выполнения этой постановки заключалась в том, что миноносцы должны были ночью пройти в узких проходах между ранее поставленными заграждениями и выставить мины в виде полукруга

в горле пролива. Это требовало от экипажей миноносцев большой смелости и высокой точности кораблевождения.

Несмотря на все трудности, миноносцы, проникнув к горлу пролива, скрытно выставили 72 мины, после чего благополучно вернулись в свою базу. Таким образом, трудная по замыслу и очень важная по назначению минная постановка была выполнена блестяще. В 1916 г. Черноморский флот наряду с минированием Босфора производил активные минные постановки у Варны, на которую базировались германские подводные лодки. В этом районе было выставлено свыше 1000 мин, что серьезно затруднило развертывание немецких подводных лодок и заставило их отказаться от базирования на Варну.

В период с июля 1916 по июль 1917 г. Черноморский флот произвел у Босфора 17 минных постановок и выставил 4000 мин, из них 1750 было поставлено тральщиками, 1712 – миноносцами, 480 – малыми кораблями-катерами и баркасами и 60 – подводной лодкой «Краб». Активные минные постановки Черноморского флота у Босфора, выполненные под руководством А.В. Колчака, привели к коренному изменению обстановки на Черном море в пользу русского флота. Важнейшим итогом минирования Босфора, который буквально был завален русскими минами, явилось полное прекращение выходов германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в Черное море и отказ немцев после гибели на русских минах у Босфора подводной лодки «UB-46» от использования своих подводных лодок в Черном море.

Комбинированная блокада Босфора с широким использованием минного оружия, надводных кораблей, подводных лодок и авиации оказалась настолько эффективной, что противник вынужден был отказаться от перевозки угля в Константинополь из района Зонгулдака и в конце 1916 г. в целях ликвидации наступившего топливного кризиса перейти к доставке угля в Константинополь из Германии по железной дороге. На минах, поставленных в районе Босфора, враг потерял до 10 боевых кораблей, 2 крупных транспорта и много мелких судов.

Таким образом, Черноморский флот, заблокировав Босфор, добился важных оперативно-стратегических результатов. Большая заслуга в этом принадлежала адмиралу А.В. Колчаку, который смог в течение года успешно решить важную задачу Черноморского флота, чего не смог добиться Эбергард за два года войны. В блокаде Босфора, носившей глубокий и комбинированный характер, особенно ярко проявилось флотоводческое искусство адмирала Колчака.

Вторым оперативным направлением, на котором действовал Черноморский флот в 1916 г., являлось нарушение коммуникаций противника, проходивших вдоль Анатолийского и Румелийского побережий. Черноморский флот начал борьбу на коммуникациях противника с начала войны и вел ее до 1917 г. Для решения этой задачи впервые использовались разнородные силы флота: надводные корабли, подводные лодки, авиация в оперативном взаимодействии.

Боевые действия на коммуникациях наиболее интенсивно велись в 1915 и 1916 гг., до того как Черноморский флот заблокировал Босфор. При адмирале А.В. Колчаке наиболее активными они были на восточном участке анатолийской коммуникации, примыкавшей к Кавказскому фронту. На этом участке действовали главным образом эскадренные миноносцы, тогда как на западном – преимущественно подводные лодки, а в районе Босфора ставились мины.

Боевые действия эскадренных миноносцев на коммуникациях отличались большим разнообразием способов их применения. Производились выходы на коммуникации для перехвата неприятельских судов по данным разведки; практиковались внезапные набеги на сообщения противника в юго-восточной части театра; наносились внезапные удары несколькими группами эскадренных миноносцев по всей юго-восточной части анатолийской коммуникации и другие.

Различные методы применяли и подводные лодки. Позиционный метод использовался в районе порта Зонгулдак и Босфора; маневренный, в виде крейсерства одиночных подводных лодок, в районах между портами Зонгулдак, Варна, Босфор, где попеременно в течение 10 суток крейсировали две подводные лодки, после чего им на смену приходили две другие лодки, и так, сменяя друг друга, они непрерывно крейсировали в назначенных для них районах. Наиболее эффективным методом использования подводных лодок на коммуникациях оказалось крейсерство в ограниченном районе. Первыми этот метод применили черноморские подводники еще в 1915 г., а вслед за ними его стали применять подводники Германии и других стран.

В результате активных действий разнородных сил Черноморского флота на коммуникациях противник в 1916 г. потерял 10 боевых кораблей, 6 транспортов, 16 пароходов и буксиров, 4 моторных и 865 парусных судов.

Одновременно с нарушением коммуникаций противника Черноморский флот в 1916 г. решал другую, не менее важную задачу защиты своих путей сообщения на театре. Эта задача

приобрела особую остроту в связи с усилением боевых действий германских подводных лодок на Черном море. Поэтому не случайно Ставка Верховного командующего в своей директиве потребовала от командования флота принятия эффективных мер по защите кораблей и судов от неприятельских подводных лодок.

В феврале 1916 г. адмирал А.А. Эбергард издал приказ и утвердил положение об организации борьбы с подводными лодками. Однако разработанное штабом флота положение не было реализовано. И только с приходом А.В. Колчака на Черном море началось создание противолодочной обороны на театре. По указанию нового командующего флотом были разработаны и осуществлены мероприятия по борьбе с подводными лодками противника. Эти мероприятия включали в себя: оборудование противолодочных кораблей, вооруженных артиллерией и глубинными бомбами; вооружение судов артиллерией с комплектами ныряющих снарядов, предназначенных для стрельбы по подводным лодкам; оборудование судов-ловушек; введение системы конвоирования и оборудованных и защищенных якорных стоянок для укрытия в них судов в случае подводной опасности; применение боново-сетевых и минных заграждений для защиты баз и портов; развертывание корабельных дозоров и воздушное патрулирование в районах обычного нахождения подводных лодок с использованием для этой цели гидросамолетов; развертывание специальных постов наблюдения за подводными лодками и другие. Все эти мероприятия, разработанные и осуществленные штабом флота под руководством А.В. Колчака, позволили преодолеть подводную угрозу, созданную противником на Черном море в 1916 г.

Силами противолодочной обороны Черноморского флота в 1916 г. были уничтожены 4 германские подводные лодки «UB-7», «UD-45», «UC-15» и «UB-46» и несколько надводных кораблей [98, с. 449–450].

Гибель линкора «Императрица Мария»

Говорят, существуют законы равновесия не только в самой первозданной природе, но они распространяются и на весь цивилизованный мир. В их непредсказуемую сферу воздействия попадает и каждый субъект независимо от уровня благополучия и внутреннего содержания, которым наполняет человека Всевышний.

Вице-адмирал А.В. Колчак был самым преуспевающим в России молодым командующим флотом. Быстрый взлет после почти десятилетнего лейтенантского застоя открыл его и заставлял волноваться и задумываться над смыслом жизни.

Адмирал с грустью говорил: «За все в жизни надо платить, просто так только птички поют», а в наше время еще добавляют про бесплатный сыр в мышеловках.

Феерическая смена адмиральских мундиров была прервана величайшей трагедией в жизни Колчака.

Он с большой любовью относился к своему флагману «Императрица Мария». Ему нравилось вечерами сживать в просторной адмиральской каюте, писать письма любимой женщине, задумчиво смотреть на ее фотографию и мечтать о встречах.

Еще в молодости Колчак прочитал у Ф. Шатобриана: «Аристократия проходит через три последовательных возраста: возраст превосходства, возраст привилегий, возраст тщеславия; по выходе из первого она вырождается и угасает в третьем». Колчак все чаще задумывался над тем, когда же угасать начнет он.

И вот пришел странный, почти мистический день 20 октября 1916 г. Генерал-лейтенант академик А.Н. Крылов в статье «Гибель линейного корабля «Императрица Мария» так описывает трагедию, подкрашивая к стоящему на рейде линкору:

«Вскоре после утренней побудки нижние чины, находившиеся вблизи первой носовой башни, услышали подозрительное шипение и заметили вырывающийся из люков и вентиляторов дым, а местами и пламя.

Через две минуты после начала пожара внезапно произошел сильный взрыв, причём столб пламени и дыма взметнулся на высоту до 150 сажень² (320 м. – В.С.). Этим взрывом вырвало участок палубы позади первой башни, снесло переднюю трубу, носовую рубку и мачту. Большое количество нижних чинов, находившихся в носовой части корабля, погибло. Паровая магистраль вспомогательных механизмов была перебита, электрическое освещение вышло из строя, пожарные насосы прекратили работу» [102, с. 234–244].

Записи в журнале линкора «Евстафий», находившегося рядом и пытавшегося оказать помощь, детально зафиксировали все этапы развития пожара и взрывов на «Императрице Марии».

Командующий флотом Колчак находился на корабле и отдавал распоряжения. Значительно более мощный взрыв раздался в 7 ч 02 мин, после этого корабль стал быстро садиться носом и

² 1 сажень = 3 аршина = 7 футов = 2,1336 м.

крениться на правый борт. Корабль, утратив остойчивость, стал медленно опрокидываться и, перевернувшись вверх килем, затонул на глубине 10 саженей (21 м) в носовой части, 8 саженей (17 м) в корме, причем носовая его оконечность ушла в ил на 25 футов (7,6 м), кормовая на 3–4 фута (0,9–1,2 м), и корабль лег на дно. Катастрофа привела к гибели более 225 нижних чинов, двух командиров и нескольких офицеров.

Колчак руководил спасательными работами, но выровнять крен и дифферент, затопляя другие отсеки, ему не удалось, гибель корабля оказалась непредотвратимой.

Попытки созданной комиссии найти причины гибели корабля не увенчались успехом, образно говоря, судовой черный ящик, если бы даже он и был, вряд ли прояснил бы картину, возможно, это была диверсия германских спецслужб или чистая случайность.

Вскоре Колчак отправил письмо Морскому министру И.К. Григоровичу, которого он считал одним из самых ярких и деятельных министров в предреволюционной России. Командующий Черноморским флотом писал:

«Глубокоуважаемый Иван Константинович!

Мое личное горе по поводу гибели лучшего корабля Черноморского флота так велико, что временами я сомневаюсь в возможности с ним справиться. Я всегда думал о возможности потери корабля в военное время в море и готов к этому, но обстановка гибели корабля на рейде и в такой окончательной форме действительно ужасна. Самое тяжелое, что теперь осталось, и, вероятно, надолго, если не навсегда, – это то, что действительных причин гибели корабля никто не знает и все сводится к одним предположениям. Самое лучшее было бы, если оказалось возможным установить злой умысел, по крайней мере было бы ясно, что следует предпринять, но этой уверенности нет, и никаких указаний на это не существует. Ваше пожелание относительно личного состава “Императрицы Марии” будет выполнено, но я полагаю высказать свое мнение, что суд желателен был бы теперь же, так как впоследствии он потеряет значительную долю своего воспитательного значения.

В настоящее время я свел все линкоры в одну бригаду, выделив “Императрицу Екатерину” как свой флагманский корабль в непосредственное подчинение Штабу. С вступлением в строй линкора “Император Александр III” приходится подумать о втором флагмане, и я пока никого не имею в виду. Больных офицеров необыкновенно много, и я не знаю, чем объяснить это явление.

Хочу просить Ваше Превосходительство – помогите Черноморскому флоту в отношении ремонтных средств. Положение становится чрезвычайно трудным: число тральщиков постоянно убывает, так как в ремонт судов вступает больше, чем выходит, так же в отношении подводных лодок – фактически я могу располагать не более двух лодок, в отношении миноносцев нового типа: максимум, когда у меня бывает их пять – обыкновенно три-четыре.

А. Колчак» [118, с. 16–17].

Письмо Морскому министру И.К. Григоровичу по тону выглядит довольно сдержанным, но что творилось в душе адмирала, знала и чувствовала только одна Анна Васильевна Тимирева³.

Фрагменты из писем А.В. Тимиревой и комментарий А.В. Смолина:

«В гибели линкора А.В. Колчак винил только себя. Психологическая травма была так велика, что, по словам А.В. Тимиревой, у него изменился даже почерк. “Пожалейте меня, мне тяжело”, – эти слова, обращенные к Анне Васильевне, лучше всего передают душевное состояние адмирала. Ему казалось, что его “несчастье должно возбуждать что-нибудь вроде презрения”. “В несчастье я считаю лучше остаться одним”, – писал он А.В. Тимиревой. Откровенность Колчака привела ее в смятение. Больше всего она боялась, выйдя из кризиса, он не простит себе проявленной слабости, о которой знает близкий ему человек, и это приведет к разрыву. В ответных письмах, проявив чуткость и такт, не задевая его самолюбия и при этом сохраняя выдержку и хладнокровие, Анна Васильевна сумела найти такие слова утешения, которые смогли восстановить в адмирале утраченную веру в себя. Ситуацию осложняло и то, что у Колчака существовало убеждение, что “милостивое” и “снисходительное” отношение Анны Васильевны к нему покоится на его военных заслугах и высоком звании. Поняв это, она написала: «Если бы Вы, помимо признания “некоторых военных достоинств”, были как человек неприятны или абсолютно мне безразличны, вряд ли я стала бы ну хотя бы просто писать Вам». И в другом письме она добавляла: “Мне абсолютно ничего от Вас не надо”.

...В апреле 1917 г., после почти девятимесячной разлуки, А.В. Тимирева и А.В. Колчак наконец встретились в Петрограде, где он находился по вызову Временного правительства» [119, с. 7].

Трагедия любви адмирала А.В. Колчака и мужественной, хрупкой, очаровательной Анны Васильевны Тимиревой-Книпер имеет давнишнее начало. Тюрьмы, ссылки, продолжавшиеся почти тридцать лет, не смогли расплескать, уничтожить и вытравить из ее сердца великую любовь, которую ей, несомненно, предпослал, как неиссякаемый живительный источник, сам Господь Бог [1].

Удивительная женщина – Анна Васильевна. Многие годы она любила Колчака.

Отречение Государя.

Брожение среди матросов Российского флота

«Несмотря на эту тяжелую потерю, Черноморский флот кампанию 1916 г. в целом завершил неплохо. Серией минных постановок у турецкого побережья, активностью эсминцев и подводных лодок черноморцам-колчаковцам удалось взять под контроль

³ Гражданская жена А.В. Колчака.

большую часть акватории Черного моря. Впоследствии немецкий историк Г. Лорей так охарактеризовал результаты их боевой работы: “Турецкий флот находился в неблагоприятном положении. Вследствие неприятельской оградительной деятельности большие корабли были вынуждены к бездействию”.

Главную задачу, поставленную Императором Николаем II и Верховным Главнокомандующим генералом Алексеевым, – к весне 1917 г. быть готовым к выполнению десантных операций в Босфоре и овладеть Черным морем – адмирал Колчак выполнил.

Свержение самодержавия в России Черноморский флот пережил относительно спокойно. Не было массовых избиений офицеров и тем более убийств, не было безумия, творившегося на Балтийском флоте. Черноморцы ограничились сменой “Боже, царя храни” на “Марсельезу”, да офицеры и адмиралы сняли погоны. Командующий флотом присягнул Временному правительству, сразу сняв с себя подозрения в нелояльности к новой власти» [118, с. 17].

Февральская революция 1917 г. застала Колчака на Черноморском флоте. «Когда совершился переворот, – говорил Колчак на допросе в 1920 г., – я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной Думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало предшествующие месяцы, ... не в состоянии справиться с задачей ведения войны, и я вначале приветствовал самый факт выступления Государственной Думы как высшей правительственной власти.

Лично у меня с Думой были связи, я знал многих членов Государственной Думы, знал как честных политических деятелей, совершенно доверял им и приветствовал их вступление, так как я лично относился к существующей перед революцией власти отрицательно, считая, что из всего состава министров единственный человек, который работал, это морской министр Григорович. Я приветствовал перемену правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал, и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения Государя, ясно было, что уже монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда нашему Временному правительству. Присягу я принял по совести, считая это правительство как единственное правительство,

которое необходимо было признать, и первый эту присягу принял» [9, с. 283–284].

Весной, а именно 28 февраля 1917 г., в Кронштадте разыгрались страшные события. Все началось с забастовки на судостроительном заводе. Вечером на улицы стали выходить солдаты гарнизона, поддержанные матросами минного отряда. Город оказался к утру 1 марта в руках восставших. Матросы жестоко расправились с офицерами, у рва за памятником адмиралу С.О. Макарову на Якорной площади были расстреляны свыше 50 офицеров и арестованы около 200 золотопогонников. По всему Кронштадту стихийно возникали самосуды, грабежи богатых домов, захваты винных складов; пьяные матросы не щадили никого. Главный комендант порта и генерал-губернатор Кронштадта адмирал Р.Н. Вирен (1870–1917) был заколот штыками на Якорной площади утром 1 марта [63, с. 170].

Однако эти события стали известны на кораблях Черноморского флота далеко не сразу, и когда они получили широкую огласку, то страсти уже поутихли. На Черноморском флоте обстановка оказалась более спокойной, чем на Балтике, и, конечно, главное определялось лояльным поведением командующего флотом А.В. Колчака, к которому многие матросы относились не только с большой симпатией, но даже с любовью и восхищением. Достаточно сказать, что в последующие месяцы, когда Колчак покинул Севастополь, жена и сын командующего скрывались в матросских семьях под чужой фамилией [116].

Военный и морской министр Временного правительства А.И. Гучков (1862–1936) вызвал Колчака в Петроград, возлагая на него надежды и видя в нем человека, способного навести порядок на Балтийском флоте. На Балтике ожидалось новое избиение морских офицеров, и Гучков надеялся, что если Колчак будет назначен командующим Балтийским флотом, то он сможет предупредить нарастающий беспорядок. На это Колчак заметил, что развал Балтийского и Черноморского флотов продолжает нарастать, и теперь уже нет силы, которая смогла бы ослабить или полностью нейтрализовать надвигающуюся трагедию. И добавил, что и в Черноморском флоте далеко не все так благополучно, как кажется на первый взгляд.

Даже встреча Колчака с Г.В. Плехановым и обсуждение с ним способов ослабления влияния на флот большевиков-пропагандистов, способствовавших разложению и неподчинению матросов, не привели к желаемым результатам.

Плеханов в беседе с Колчаком подчеркнул, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его, а по-

тому остается единственный путь – активного противодействия разлагающей пропаганде. Плеханов пообещал Колчаку прислать на Черноморский флот «опытных руководителей митингов, опытных агитаторов, которые могли бы разбивать тех людей, что ведут разлагающую флот пропаганду» [9, с. 301].

Вскоре Колчак вернулся в Севастополь.

За внешним спокойствием, которое царило в Севастополе, таилось тяжелое предчувствие грядущей беды.

«25 апреля адмирал выступил в Союзе офицеров с докладом о положении на Балтике, в столице и на флоте⁴. Он определил главную сторону, заинтересованную в развитии революции в России, и главный смысл всей революции: “Она ведет нас к поражению, к гражданской войне и к государственному разложению и к гибели. Это нужно и полезно прежде всего Германии”. Колчак не ограничился одним докладом, он убедил верные ему команды флагманского корабля “Георгий Победоносец” и штаба флота обратиться ко всем с призывом “Отечество в опасности!”. Призыв поддержали команды эсминца “Фидониси” и крейсера “Очаков”, некоторые флотские и армейские части. Доклад адмирала был перепечатан многими газетами Крыма и Кавказа, вызвав большой общественный резонанс.

Окрыленный первым успехом, командующий флотом направил на Балтийский флот многочисленную делегацию черноморцев – агитировать против большевиков и сепаратного мира. В ответ большевики направили в Севастополь всего пять моряков-балтийцев... И уже через месяц Колчак понял, что его безграничной власти на Черноморском флоте пришел конец» [118, с. 17–18]. На одном из матросских митингов командующему были предъявлены обвинения в личном обогащении. Колчак смело выступил в свою защиту. Вот как он рассказывал о том событии: «В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое материальное положение определяется следующим. С самого начала войны, с 1914 г., кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Ливавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Ливаве. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей. В первые дни был обстрел Ливавы, и моя жена с некоторыми другими женами офицеров бежала из Ливавского порта, бросивши все. Впоследствии это все было разграблено ввиду хаоса, который произошел в порту...

... Если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь имущество или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы

⁴ Доклад полностью приводится в Приложении 7.

обнаружит, то я могу их охотно передать, потому что их не существует в природе» [9, с. 316–317].

Это выступление командующего произвело впечатление, и вопрос о его благосостоянии больше не поднимался.

На Черноморском флоте были проведены выборы Совета матросских и солдатских депутатов, и командиры кораблей свои решения должны были теперь уже согласовывать с Советом. Все чаще стали происходить случаи неподчинения команды и «отказ корабля исполнить боевое приказание». Так, миноносец «Жаркий» отказался от задания постановки мин; это был, конечно, плохой симптом, подобный отказ произошел и на миноносце «Новик».

Очередное собрание матросов под руководством Совета приняло решение разоружить всех офицеров. Командующий в известность не был поставлен, и это возмутило Колчака. Несколько офицеров в знак протеста застрелились. Командующий потребовал собрать команду на флагманском судне «Георгий Победоносец» и выступил перед матросами. Он сказал, что приказ сдать оружие не имеет никакого смысла, поскольку офицеры на судах в меньшинстве (на 15–20 матросов приходится один офицер), и разговор о заговоре офицеров просто абсурд. Командующий сказал и о том, что подобные распоряжения матросов он воспринимает как личное оскорбление, которое наносится прежде всего ему как старшему из офицеров. «С этого момента, – заявил Колчак, – командовать больше не желаю и сейчас об этом телеграфирую правительству». Затем он взял свою золотую саблю и бросил ее в воду [9, с. 319].

В этот же день Колчак вызвал контр-адмирала Лукина, командующего линейными кораблями, и сообщил, что поставлен фактически в положение невозможности далее командовать и ему – Лукину – следует вступить в командование флотом и поднять свой флаг.

Вскоре на городскую квартиру Колчака явились несколько матросов, заявив, что уполномочены Исполнительным комитетом сделать обыск на предмет обнаружения секретных документов. Они произвели обыск, но ничего подозрительного не обнаружили.

Вечером один из флаг-офицеров прибыл к адмиралу и сообщил, что принято постановление Совета о его аресте. Колчак, не желая быть арестованным на глазах жены и сына, уехал на корабль, но там ночь прошла спокойно, и ареста не последовало.

В это время в Петроград прибыла американская военная миссия во главе с сенатором США Руттом. В ее состав входил адмирал Гленнон, который отправился в Севастополь для встречи с Колчаком и изучения вопросов постановки минного дела и методов борь-

бы с подводными лодками. Колчак, находясь сам в очень сложном положении, конечно, отказался принять Гленнона и начать с ним какие-либо переговоры о сотрудничестве. Ночью Колчак беспрепятственно сел в поезд и отправился в Петроград. В этом же поезде ехали американский адмирал Гленнон и его помощники.

Колчак был приглашен правительством Керенского в Мариинский дворец для обстоятельного доклада о состоянии Черноморского флота на данный момент. Вместе с Колчаком на заседание прибыл начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М.И. Смирнов.

Колчак сообщил Совету министров Временного правительства, что положение на Черноморском флоте такое же тяжелое, как и на Балтийском, и он был бессилён что-либо сделать; единственным его козырь, который как-то помогал защищаться, — это его авторитет среди рядовых матросов. Командующий отмечал, что экипажи кораблей в последнее время были достаточно дисциплинированными, исполнительными. Все конфликтные ситуации разрешались в низших инстанциях. Правительство поблагодарило Колчака за обстоятельный доклад. На этом совещание закончилось. Прибывшая из Севастополя правительственная Комиссия, выезжавшая для ознакомления с обстановкой на местах, предложила Колчаку вернуться на Черноморский флот и принять командование, но он категорически отказался.

В Петрограде в июне–июле 1917 г. с Колчаком начал вести переговоры адмирал Гленнон, пригласив его для консультаций по минному делу и другим вопросам приехать в США.

Колчак, несмотря на некоторые препятствия со стороны Временного правительства, принял предложение американской стороны и выехал в США под чужой фамилией, поскольку за ним следила немецкая разведка.

В состав делегации, возглавляемой А.В. Колчаком, вошли морские офицеры М.И. Смирнов, Д.В. Кольчицкий, И.Э. Вуич, А.М. Меженцев, В.В. Макаров, Лечинский⁵ и В.В. Безуар [8, с. 117]. Российская военная миссия на крейсере «Глочестер» отплыла из Глазго в Галифакс 20 августа 1917 г. [16, с. 58].

Колчак находился в США в сентябре–октябре 1917 г., первоначально в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне. Плавал на флагманском линкоре «Пенсильвания» и участвовал в маневрах Американского флота.

«По приезде в Вашингтон 10 сентября миссия представилась морскому министру США Дж. Дэниэлсу. Оказалось, что амери-

⁵ Инициалы неизвестны.

канские официальные лица не понимали цели приезда миссии. Колчак увидел, что заручиться поддержкой союзников ему не удастся, и сосредоточился на сборе технической информации об американских военных приготовлениях. С одобрения Дэниэлса он две недели занимался в Нью-Портском морском военном колледже, изучая чертежные разработки и типы кораблей, которые наиболее соответствуют флоту США. Для предполагавшейся американской операции в Дарданеллах Колчак и его начальник штаба М.И. Смирнов представили детальный план с чертежами специального мотора для транспортно-десантного катера и с комбинацией действий минных заградителей» [Там же].

Перед отъездом 16 октября Колчак и его миссия нанесли официальный визит президенту США В. Вильсону и обсудили с ним некоторые вопросы военного характера.

Обратное возвращение миссии состоялось из Сан-Франциско на японском лайнере «Каре-Мару» в Йокогаму. Колчак узнает подробности потрясшего многих большевистского переворота, свержения Временного правительства и захвата власти Советами. Колчак убежден, что заключение мира с Германией есть полный отказ от проведения независимой национальной политики. Именно этого он опасался последние годы, в его понимании это было буквально национальным бедствием для России.

Оказавшись на Японских островах, Колчак отправляется в Токио и встречается с английским посланником сэром Грином. Колчак сообщил ему, что не признает новое правительство Советов и просит принять его в английскую армию. «Я не ставлю никаких условий, – заявил Колчак, – а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу» [9, с. 341].

Недели через две приходит ответ от военного министра Англии: Колчаку сообщают, что его охотно принимают на службу в армию и уточняют, какую должность он хотел бы получить. «...Желаю идти в армию хотя бы простым солдатом», – был его ответ, полный решимости.

Стоит обратить особое внимание на нравственно-патриотическую позицию Колчака. Обладая исключительно высоким самосознанием гражданина и патриота Отечества Российского, он считал, что даже при выполнении миссии «простого солдата» будет неукоснительно отстаивать свои офицерский долг и честь и все иные клятвы, закрепленные воинской присягой [120].

Колчак решает ехать на Месопотамский фронт для защиты английских колониальных интересов и добирается на пароходе до Сингапура. А далее он был отозван телеграммой в Пекин к

посланнику России кн. Н.А. Кудашеву. Князь Кудашев сообщал Колчаку, что его предполагают ввести в состав правления Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и как военному человеку поручают формирование вооруженных отрядов для охраны полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут обучены и подготовлены, следует двинуть их за пределы китайской полосы на Владивосток.

Генерал-лейтенант Д.Л. Хорват (1858–1937) – предводитель правления КВЖД, возглавлявший ее с 1903 г., летом 1918 г. в Харбине объявил себя «Временным Верховным Российским правителем» и пытался распространить свою власть, кроме полосы отчуждения, и на соприкасающуюся с ней Приморскую область.

Колчак находился в Харбине с апреля 1918 г. до 21 сентября. Он считал, что для борьбы с «германо-большевиками» надо создавать хорошо обученные вооруженные отряды. Его воззвание к сербским солдатам отражало непримиримую позицию Колчака по отношению к большевикам: «Я, адмирал Колчак, в Харбине готовлю вооруженные отряды для борьбы с большевиками и немцами... Я обращаюсь к вам, сербские воины, помочь мне в предстоящей борьбе с шайками большевиков, позорящих мою Родину. Необходимо очистить наш Восток от позора большевизма, и, может быть, среди вас найдутся желающие прибыть в мои военные отряды» [см.: 16, с. 59].

Адмирал А.В. Колчак – Верховный правитель России. Переворот 18 ноября 1918 г.

А.В. Колчак устремился с моря на сушу

В Сибири и на Урале к власти приходят Сибирское правительство и Директория, где основной состав был представлен эсерами и меньшевиками. В первой половине октября 1918 г. Колчак вместе с английским генералом А. Ноксом прибыл в Омск. Омское правительство Сибири Указом от 4 ноября 1918 г. назначает Колчака военным и морским министром.

В ночь на 18 ноября Колчак, принимавший участие в осуществлении переворота, получает безграничную власть, и ему присваивают титулы – «Верховный правитель России», «Верховный Главнокомандующий сухопутными и морскими силами» – и звание полного адмирала [121].

Своеобразный фундамент для осуществления переворота заложила Директория – Временное Всероссийское правительство. На совещании в Уфе 23 сентября 1918 г. был образован Верховный орган для управления страной и предпринята попытка сплотить все разрозненные партии в единую организацию. Многие понимали, что отпор большевикам могут дать только единство и сплоченность.

В спешке рожденная Директория, так называемый «Совет пяти министров», начала функционировать в Уфе в конце сентября 1918 г.

Председателем был избран правый эсер Н.Д. Авксентьев (1878–1943), в его состав входили кадет Н.И. Астров, генерал В.Г. Болдырев, близкий к кадетам по своим политическим взглядам П.В. Вологодский и народный социалист Н.В. Чайковский.

В связи с тем что Астров и Чайковский находились за линией фронта, их заместителями были избраны В.А. Виноградов

и эсер В.М. Зензинов, фактически они и стали членами Директории.

«Директория обосновалась в Омске. Председателем Совета министров стал П.В. Вологодский, бывший прежде, как уже отмечалось, председателем Временного Сибирского правительства. Заместителем Вологодского был избран известный ученый-ботаник профессор В.В. Сапожников.

С созданием Директории Белое движение на востоке России консолидировалось, хотя сепаратизм различных организаций не был устранен и в дальнейшем остро сказывался. Директория по составу и направленности политики была кадетско-эсеровской. Но реальной властью обладал Совет министров при Директории, который фактически стремился выйти из-под ее контроля и встать над ней. Совет министров, имея поддержку военных, в том числе казачьих кругов, испытывал их давление, придерживался куда более радикальных ориентаций, нежели Директория. Разнородные силы в сложившейся системе власти, в Совете министров как-то уравновешивал его председатель и член Директории П.В. Вологодский» [122, с. 108].

Деятельность Директории сопровождалась банкетами, потоками речей и бесконечными прениями. Между тем обстановка требовала энергичных действий. В омских общественных и офицерских кругах появились опасения за успех дела борьбы с большевиками при управлении страной Директорией.

Директория и Совет министров были не в состоянии сплотить разрозненные силы в единый могучий, мобильный и боевой организм. Нужен лидер, возможно, диктатор, человек с громким именем и сильным характером. Только он сможет повести за собой тех, для кого слово Отечество содержит величайший нравственно-патриотический смысл и высочайший потенциал физических возможностей человека. Еще недавно солдаты России шли в бой с врагом и готовы были умереть «За Веру, Царя и Отечество», но и они уже начали уставать от бессмысленного кровопролития и все продолжающегося земельного опустошения и крестьянской неприкаянности.

Древние греки говорили: «Армия без полководца, что тело без души». Окружающим Колчака становилось все более понятно, что только он в данной ситуации может спасти Россию.

Во время гибели линкора «Императрица Мария» самое неприятное чувство, которое охватило молодого командующего флотом, было чувство собственного бессилия, особенно когда тебе даны все рычаги власти над Черноморским флотом, но и их оказалось мало, чтобы спасти от гибели новейший линкор.

«Но ведь Россия – это не линкор», – думал Колчак и верил, что Всевышний поможет ему в борьбе с большевиками отстоять Отечество.

Щедро лили бальзам на душу человеческую бесхитростные льстецы и коварные искатели личных выгод, они убеждали Колчака, что только он сможет блестяще соединить в один ансамбль и тело и душу российской армии. А древним грекам останется только позавидовать его полководческому таланту.

А.В. Колчак, поднявшись на вершину государственной власти, все больше проникался верой в свой предстоящий успех. Вот в таком тревожно-радостном настроении он издал свой первый Приказ. Приводим его дословно.

«ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ВСЕМИ СУХОПУТНЫМИ И МОРСКИМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РОССИИ

№ 1, Омск

18 ноября 1918 г.

1. Сего числа постановлением Совета министров Всероссийского Правительства я назначен ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ.

2. Сего числа я вступил в ВЕРХОВНОЕ командование всеми сухопутными и морскими силами России.

Верховный Главнокомандующий
всеми сухопутными и морскими вооруженными силами
адмирал *Колчак*».

Этому неординарному событию предшествовали ночные аресты и некоторая растерянность среди эсеров и меньшевиков.

А.В. Колчак поездом с фронта прибыл в Омск в 17 ч 30 мин 17 ноября 1918 г.

На заседании Чрезвычайной следственной комиссии 4 февраля 1920 г. арестованный Колчак так вспоминал трагические события, которые его ввергли в эпицентр надвигающегося «цунами», разрушавшего до основания многовековой уклад государства Российского.

«Насколько мне помнится, – говорил Колчак, – 17-го ноября был у меня Авксентьев, накануне своего ареста. Он приезжал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке назад. Я ему совершенно определенно сказал: “Я здесь уже около месяца военным министром, и до сих пор не знаю своего положения и своих прав. Обязанности свои в отношении обслуживания армии я более или менее себе представляю, но самые права военного министра мне неизвестны. Подчинены ли мне здесь войска или нет, в каких взаимоотношениях я нахожусь с командованием фронта – непосредственных или я с ними только сношусь и т.д., – словом, целый ряд технических вопросов. Вместо чисто деловой работы здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участия

не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере и обстановке работать даже в той должности, которую я принял”. Так мы с ним и не договорились. Я продолжал упорно настаивать на том, что я не буду больше военным министром и жду только приезда Болдырева. Я делаю оговорку: мне кажется, что это было в то время, о котором я говорю, но может быть, это было накануне моего отъезда на фронт.

Переворот совершился 18-го числа вечером, с воскресенья на понедельник. Об этом перевороте слухи носились, – частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил, что меня просит к телефону Вологодский. Было еще совершенно темно. От Вологодского я узнал по телефону, что вечером около 1–2 часов были арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский и увезены за город, что он сейчас созывает немедленно Совет министров и просит, чтобы я прибыл на это экстренное заседание Совета министров. Когда я спросил: “Кем арестованы?” – он сказал: “Я точно вам сказать не могу и прошу вас как можно скорее одеться; около 6-ти часов я, вероятно, всех соберу”. – Я спросил: “Какими частями произведен арест?” – Он ответил, что не знает. Тогда я приказал соединиться и вызвать сейчас же Розанова, который был начальником штаба Болдырева.

Он в это время спал, но когда я его вызвал, он сразу подошел к телефону. Я спросил его, знает ли он о том, что произошло в городе. Он ответил, что в городе полное спокойствие, разъезжают усиленные патрули, но что он никак не может добиться ни штаба, ни ставки, ни управления казачьими частями, так как их телефоны, по-видимому, не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и перед тем, как поехать в Совет министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним переговорить. Затем я попытался соединиться со ставкой и спросить там, известно ли там, что делается, но со ставкой соединиться мне не удалось. Тогда я бросил эту попытку, вызвал себе автомобиль из гаража и около пяти часов заехал к Розанову. К Розанову же приехал и Виноградов, с которым я затем поехал в Совет министров. Виноградов сообщил мне, что ночью, по-видимому, казачьими частями на своей квартире были арестованы члены Директории, но где они находятся, – неизвестно. В городе все спокойно, разъезжают только казачьи патрули, стрельбы и вооруженных выступлений не было. Розанов, по-видимому, не был совершенно в курсе дела; жаловался на то, что нет сообщения по телефону, и что он не мог добиться никакого толку. Он посылал своих ординарцев, но и они не могли ничего узнать, кроме того, что мне сообщили Вологодский и Виноградов. Я спросил Виноградова: “Вас не арестовывали?” – “Нет, ко мне никто не являлся”.

Около шести часов Совет министров собрался в здании губернатора, около собора, где он тогда помещался, и Вологодский сообщил всему составу Совета министров о событиях, которые произошли ночью. Весь состав Совета министров и все лица, к нему причастные, были налицо; между прочими были Розанов, Матковский, помощник военного министра, генерал Сурин. Матковский был совершенно не в курсе дела; по-видимому, ничего не знал. Он присутствовал в заседаниях Совета министров постоянно, как командующий войсками. В этот день было большое заседание, были и министры, и товарищи министров, а так как должность командующего войсками давала ему права товарища министра, то и он поэтому присутствовал на заседании.

Вологодский не мог сообщить больших подробностей, а сказал в общих чертах, что ночью дом, где находились четыре арестованных лица, около

здания гимназии, где они жили, был оцеплен сильным разездом казаков 1-го сибирского казачьего полка; были еще части красильниковского отряда партизан, конная часть и т.д. Затем он сообщил, что на вокзал, где находились специально подобранные чины государственной охраны Роговского и стоял один их эшелон, который все называли боевой эсэровской дружиной, прибыла одна казачья часть, которая оцепила этот эшелон, разоружила его, никого не арестовывала, так как сопротивления эта охрана казакам не оказала, и сдала оружие и денежные ящики.

Тогда поднялся вопрос о том, где могут находиться арестованные члены Директории. На это никто определенно указать не мог. Потом уже кто-то из прибывших сообщил, что они находятся в здании сельскохозяйственного института, за Загородной рощей, где находилась часть партизанского отряда Красильникова. Вологодский поставил вопрос, как относится к этому аресту Совет министров. Было высказано несколько мнений. Первое мнение – факт ареста ничего не означает, тем более, что три члена Директории, большинство, остается: Виноградов, Вологодский и Болдырев. Второе мнение было таково, что Директория после того, что случилось, остаться не может у власти, и что власть должна перейти к Совету министров Сибирского правительства. Об арестованных пока никто не говорил, участь их была неизвестна. Раз члены правительства подверглись какому-нибудь аресту и не могли этому противодействовать и предупредить арест, то тем самым они должны сложить с себя полномочия. Раз они арестованы, то тем самым они перестают быть властью. Затем высказывались еще, что вся власть должна перейти к Совету министров, что власть Директории отпадает, – это было третье мнение.

Во время этих прений встал Виноградов и сказал, что он считает невозможным оставаться более в составе Директории ни при каких обстоятельствах после того, что произошло, и слагает с себя обязанности и никакого участия больше в заседании принимать не считает возможным. Был поднят вопрос о том, чтобы Виноградов оставался в Совете министров, но он сказал: “Я свои полномочия слагаю и выхожу из состава”. После этого он оставил зал заседания. Уход Виноградова поставил ту часть голосов, которые говорили, что Директория остается, в затруднительное положение. Оставался только один Вологодский здесь и Болдырев на фронте. Тогда вопрос об оставлении Директории сам собою стал отпадать.

Затем часов около восьми поднялся вопрос о том, что надо выработать текст обращения к населению, что такое положение является совершенно нетерпимым, что в такой переходный момент может наступить анархия, и во что она выльется – неизвестно. Пока в городе все спокойно, но все казачьи войска находятся под ружьем. Они посылают в город караул; отдельные части ходят по городу, хотя это ни в чем не проявляется; другие части находятся тоже под ружьем, хотя они не выходят из казарм, и если такое неопределенное положение продолжится, то можно ожидать каких-нибудь крупных и серьезных событий. Тогда поднялся вопрос такой, – что следует сделать, и как на это реагировать? Вопрос был поставлен таким образом: необходимо для того, чтобы вести и продолжать борьбу, отдать все преимущества в настоящее время военному командованию, и что во главе правительства должно стоять лицо военное, которое объединило бы собою военную и гражданскую власть, т.е. был поднят вопрос определенно в форме объединения военной и гражданской власти в одном лице. Кем был поставлен этот вопрос, я точно не могу сказать, но кажется, что он был поставлен одним из военных. Когда ко мне обратились, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения. Я только что

вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие Директории, и малейшее столкновение между Директорией и правительством отозвалось бы сейчас в войсках. Тогда вопрос стал принимать конкретную форму, — желает ли Совет министров, чтобы власть была вполне единоличной, стоя во главе всего Совета министров?

Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение, я высказался за это совершенно определенно и сказал, что я считаю это единственным выходом из положения. Не помню, чтобы кто-нибудь возражал против этого. Затем большинство членов Совета министров, учитывая ту обстановку, в которой мы находились тогда, страшно напряженное и тяжелое положение на фронте, брожение в самом Омске, только что случившийся ночью арест Директории, очень неопределенное и тревожное состояние во всех войсках омского гарнизона, — говорило, что необходимо хотя бы временно, но сейчас же, чтобы вступила в управление единая военная власть, в виде одного определенного лица. Ответ был вынесен положительный, без каких бы то ни было возражений с чьей бы то ни было стороны.

Тогда у нас верховным главнокомандующим был Болдырев, и я сказал, что этому верховному главнокомандующему и должна быть передана вся военная и гражданская власть. Верховный главнокомандующий, получив всю полноту гражданской власти, явится тем лицом, которое станет во главе правительства. Такое решение было принято всем Советом министров без каких бы то ни было серьезных возражений; пока шел вопрос чисто принципиальный. В дальнейшем уже шло обсуждение вопроса о том, кто персонально должен быть верховным главнокомандующим и облеченным такой властью. После обмена мнений большинство членов Совета министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность. Тогда я считал своим долгом высказать свое мнение по этому поводу в том смысле, в каком я его высказал и раньше, — надо прежде всего стараться без всякой ломки сохранить то, что уже существует и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особенных возражений и сомнений, т.е. власть существующую в лице верховного главнокомандующего генерала Болдырева. Я говорил, что генерал Болдырев является верховным главнокомандующим, что им организован штаб и что при существующем отношении к генералу Болдыреву со стороны войск против него особых возражений не будет.

Говорили про него, что он находится в руках партийных представителей с.-р., отзывались о нем довольно безразлично, но против него серьезно ничего не говорилось в войсках, и фактически он существует уже, как верховный главнокомандующий. Гораздо проще для армии и ее органов, чтобы осталось то лицо, которое уже имелось, и хотя речь идет о моем назначении, но я должен сказать, что я — человек новый. Власть должна опираться прежде всего на широкую популярность и доверие войск; между тем, хотя мое имя известно, но в общем ни казаки, ни армия меня не знают, и как они отнесутся к этому, не знаю. Я считаю долгом сказать, что если бы со стороны армии явилось какое-нибудь противодействие, то оно поставило бы меня в самое тяжелое положение, совершенно с моей точки зрения неприемлемое. Я добавил, что я высказываюсь таким образом, исходя из интересов самой армии, чтобы не вносить в нее каких-нибудь новых потрясений.

Тогда Вологодский обратился ко мне и сказал: “Я принимаю во внимание все, что вы сказали, но я вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим необходимым детально и более подробно обсудить этот вопрос, и так как нам придется говорить о вас, то вам неудобно здесь присутствовать”. Я оставил это



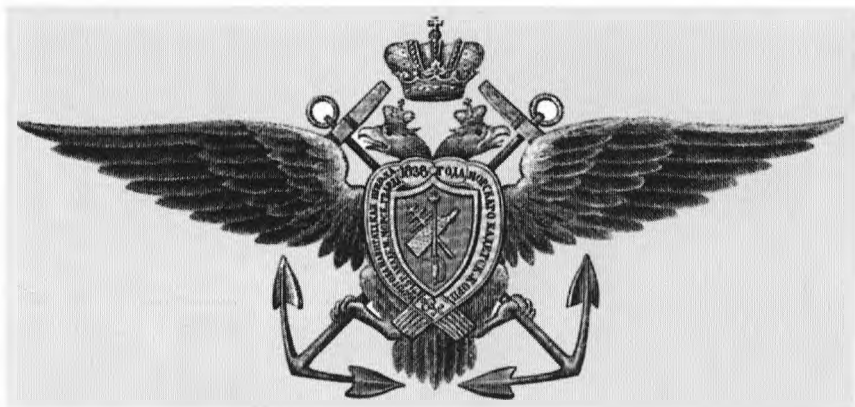
Ледокол «Ермак» на кронштадтском рейде



Броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» до аварии



Авария броненосца «Генерал-адмирал Апраксин»



Герб Морского кадетского корпуса, Высочайше утвержденный в 1843 г.



Знамя Морского кадетского корпуса. В связи с юбилейными торжествами 1701–1901 гг.



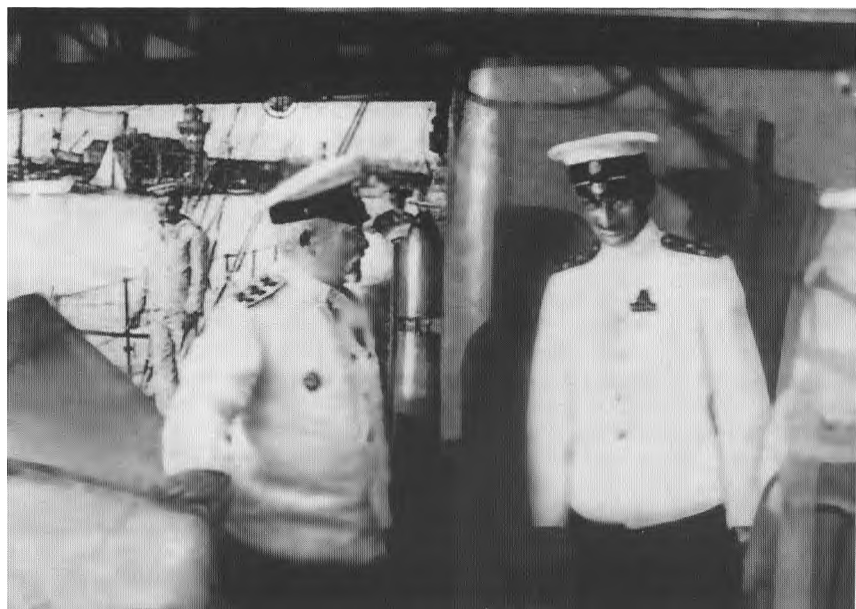
Офицерский военный орден
Св. Георгия. А.В. Колчак
награжден за высадку морско-
го десанта 7 октября 1915 г.
в немецкий тыл в районе мыса
Домеснес (Калкарагс)

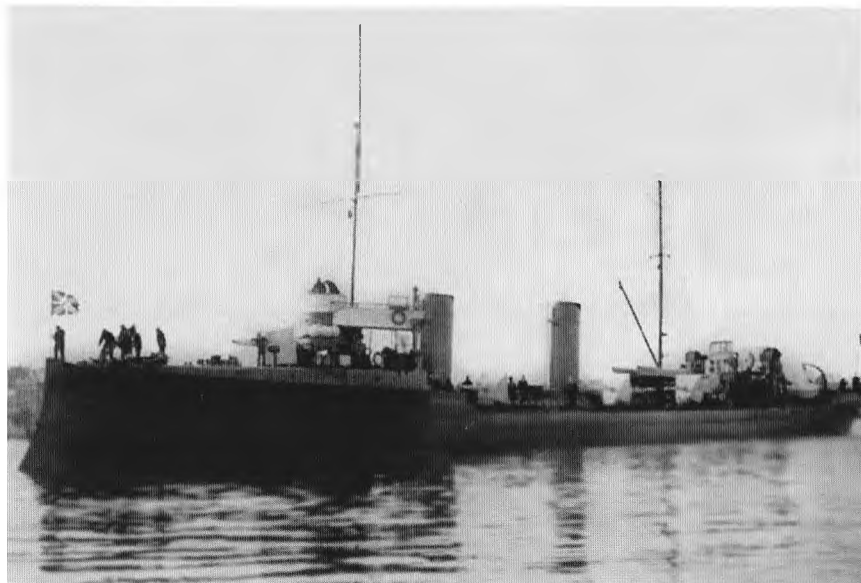
Адмирал Н.О. фон Эссен и капитан 1-го ранга А.В. Колчак на палубе миноносца
«Пограничник». 1914 г.

Адмирал Николай Оттович фон Эссен (1860–1915). В 1909–1915 гг. командовал Балтфлотом. В Финском заливе совместно с А.В. Колчаком организовал глубокоэшелонированную оборону, опирающуюся на минно-артиллерийские позиции. В 1914 г. Эссен поддерживал идею реорганизации Российского флота, все передовое и прогрессивное в деле активного строительства боевых кораблей после Цусимской трагедии 27–28 мая 1905 г., когда японцы разгромили 2-ю Российскую тихоокеанскую эскадру вице-адмирала З.П. Рожественского



Бал цветных париков у графини Шуваловой. Санкт-Петербург. 1914 г.





Эскадренный миноносец «Пограничник», которым командовал капитан 2-го ранга А.В. Колчак в 1913–1914 гг.



Броненосный крейсер «Рюрик», на котором ходил в боевые походы капитан 1-го ранга А.В. Колчак в 1914–1915 гг.



Группа штабных и корабельных офицеров Балтийского флота на крейсере «Россия». В центре Николай II, справа от него Н.О. Эссен, во втором ряду слева третьим стоит А.В. Колчак. 1915 г.



Крейсер «Россия»



Капитан 1-го ранга А.В. Колчак –
начальник минной дивизии
Балтийского флота. 1915 г.



Эскадренный миноносец «Новик», на котором держал свой флаг начальник минной дивизии Балтийского флота контр-адмирал А.В. Колчак. 1916 г.



Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак. 1916 г.

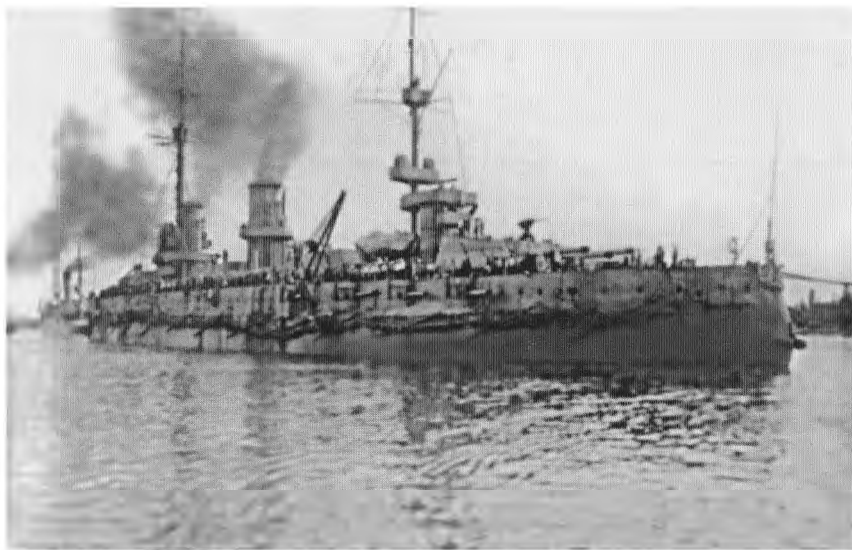


Минные заграждения, поставленные А.В. Колчаком, вынудили германотурецкий линейный крейсер «Гебен» покинуть Черное море. 1916 г.

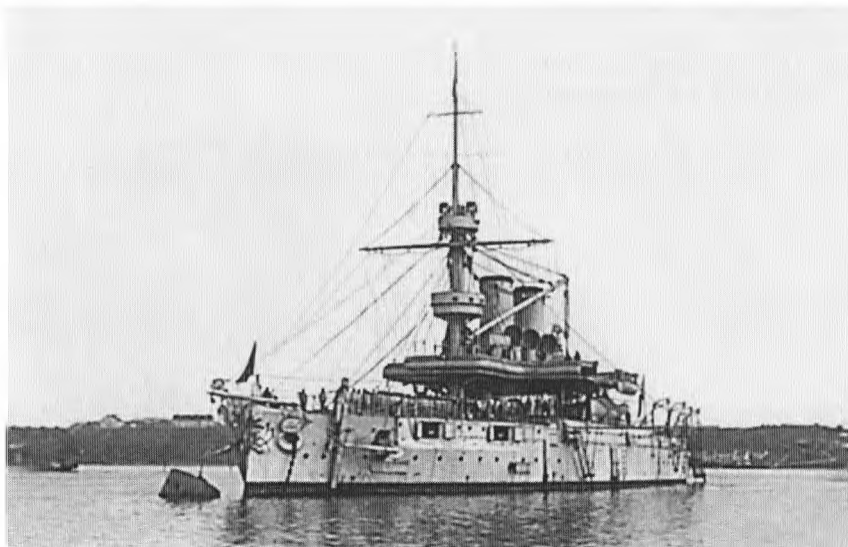


Вице-адмирал А.В. Колчак
в новой форме Российского
флота. 1917 г.

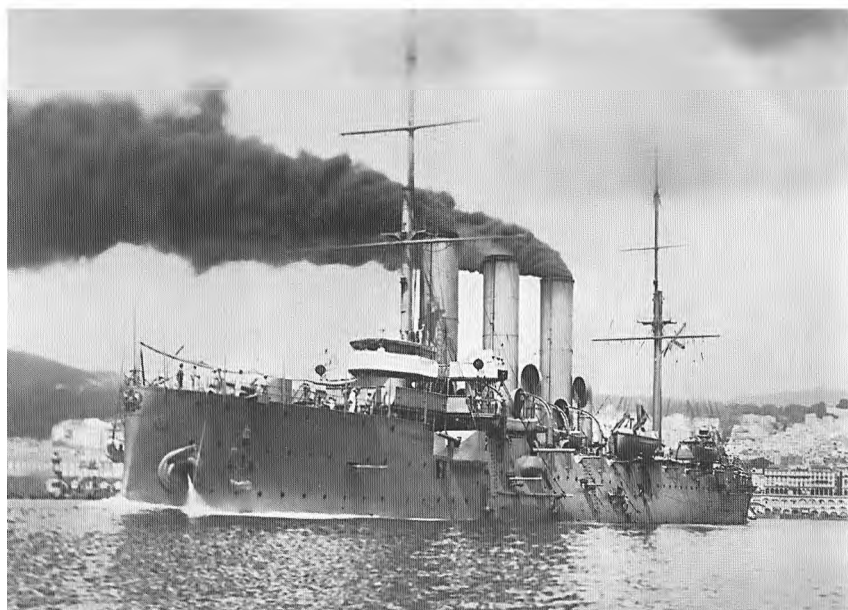
Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак. 1916 г. (Была выпущена открытка, не сохранилась)



Линейный корабль «Императрица Мария». Флагманский корабль командующего Черноморским флотом А.В. Колчака. 1916 г.



Линейный корабль «Георгий Победоносец» (бывший эскадренный броненосец).
Флагманский корабль командующего Черноморским флотом. 1917 г.



Крейсер «Аврора»



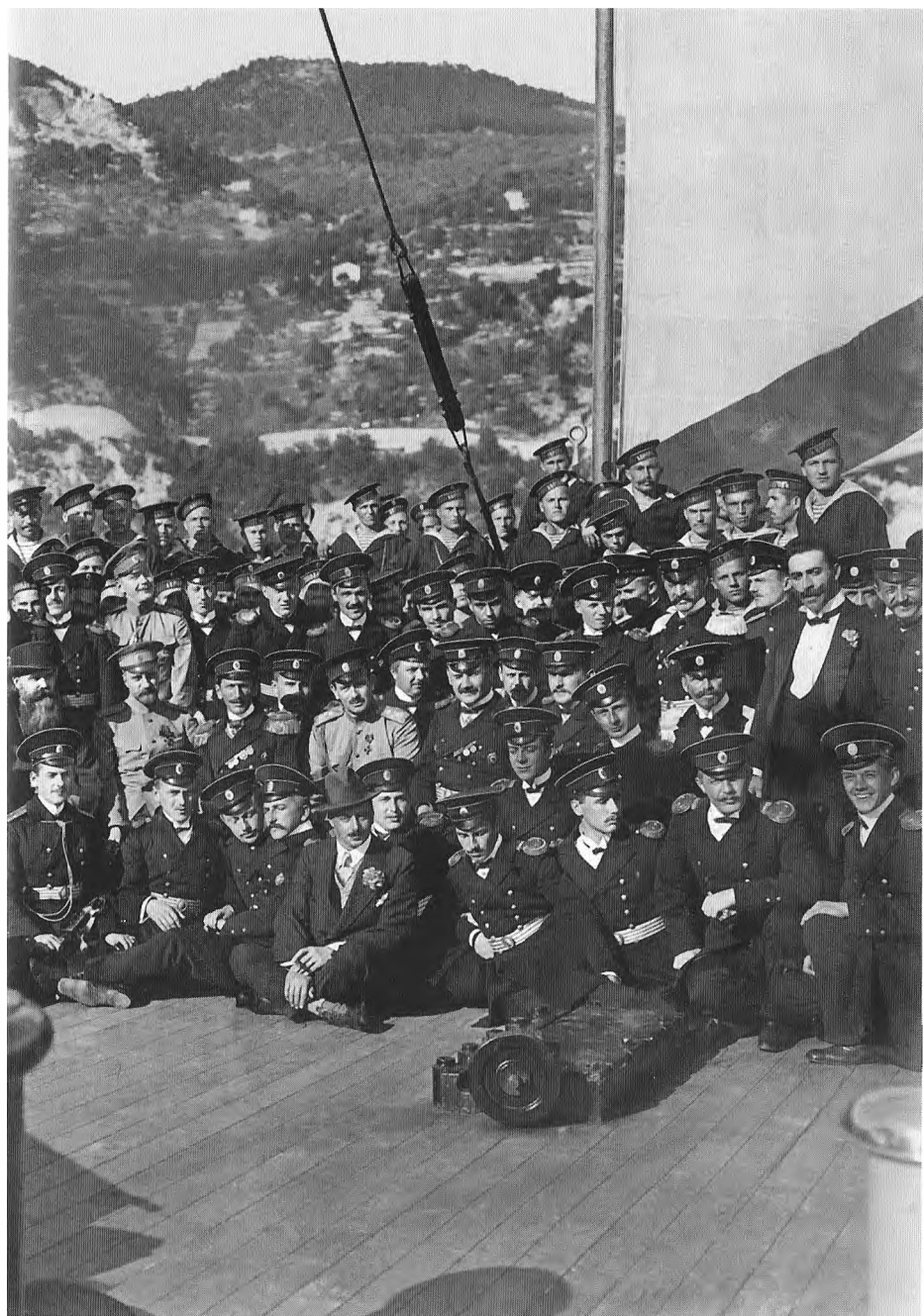
Командующий Черноморским флотом А.В. Колчак с военным и морским министром Временного правительства А.Ф. Керенским (сидят слева). Май 1917 г.



А.В. Колчак и Д.Л. Хорват (сидят в центре) среди членов правления КВЖД и предпринимателей. 1918 г.



Моряки и офицеры на крейсере «Аврора». 1917 г.





Вице-адмирал А.В. Колчак – военный министр Временного Всероссийского правительства со своим ближайшим окружением. Крайний справа (сидит) начальник охраны А. Удинцов. 1918 г.

Аня Сафонова. 1910 г.



Анна Васильевна Тимирёва.
1914 г.





Анна Васильевна Тимирёва. Гельсингфорс. 1915 г.
(ныне г. Хельсинки)



Анна Васильевна Тимирёва. 1917 г.



Анна Васильевна с сыном Володи́ей. Москва. 1922 г.



Анна Васильевна Книпер (Тимирёва). Фото из следственного дела № Н-501.
1938 г.



Анна Васильевна Книпер (Тимирёва) с племянником Ильей и сестрой Еленой на вечере памяти отца В.И. Сафонова в Московской консерватории. 1959 г.



Фотография А.В. Тимирёвой из фондов киностудии «Мосфильм». 1962–1963 гг.



Анна Васильевна Тимирёва с одной из ближайших подруг М.Р. Капнист. Москва. 1974 г.

заседание, которое продолжалось довольно долго. Я вошел в кабинет Вологодского, а затем через некоторое время ко мне пришли Петров или Михайлов, — не помню, — Матковский и Розанов, и передали мне, что меня просят пожаловать в зал заседания, что Совет министров единогласно признал Директорию несуществующей, принял на себя всю полноту власти и, исходя из тех положений, которые обсуждались, признает необходимым передать власть одному лицу, которое стояло бы во главе всего правительства в качестве Верховного правителя, и просит меня принять этот пост. Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета министров, заявивши, что Совет министров считает это единственным выходом из настоящего положения.

Тогда я увидел, что разговаривать не о чем, и дал согласие, сказав, что я принимаю на себя эту власть и сейчас же еду в ставку, для того чтобы сделать распоряжение по войскам, и прошу Совет министров уже детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом министров, и затем назначить сегодня же днем заседание, для того, чтобы можно было обсудить целый ряд вытекающих из этого вопросов. Я должен был уехать в ставку и оттуда телеграфировать по войскам о случившемся» [9, с. 410–415].

А.В. Колчака без всякого преувеличения можно смело назвать «Рыцарем без страха и упрека».

Официальные документы, рожденные в день переворота, лаконичны и строги, а потому в наших комментариях не нуждаются.

Совет министров, трезво оценивая чрезвычайно тяжелую политическую ситуацию в стране, издал ряд вердиктов. Предоставляем читателю возможность ознакомиться с копиями подлинных текстов.

«УКАЗ СОВЕТА МИНИСТРОВ

18 ноября 1918 г.

ПРОИЗВОДИТСЯ: военный и морской министр вице-адмирал Александр Васильевич Колчак в адмиралы.

Председатель Совета министров
Петр Вологодский.

Управляющий делами Совета министров
Георгий Тельберг».

«ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

18 ноября 1918 г.

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства,

ПОСТАНОВИЛ: принять на себя всю полноту верховной государственной власти.

Председатель Совета министров Петр Вологодский.

Члены Совета министров: Л. Устругов, А. Гаттенбергер, А. Колчак, Ю. Ключников, Г. Гинс, И. Серебренников, С. Старынкевич, Н. Зефирюв, И. Михайлов, Н. Шукин, Г. Краснов, Н. Петров, Л. Шумиловский.

Управляющий делами Совета министров Георгий Тельберг.

Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной Власти в одних руках Совет министров ПОСТАНОВИЛ: передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему звание Верховного правителя.

Председатель Совета министров Петр Вологодский.

Члены Совета министров: Л. Устругов, Н. Зефилов, Ю. Ключников, С. Старынкевич, Л. Шумиловский, Г. Краснов, Н. Петров, Г. Гинс, И. Михайлов, И. Серебренников, А. Гаттенбергер, Н. Щукин.

Управляющий делами Совета министров Георгий Тельберг».

Вот таким фейерверком, вдохновляющим на труд и на подвиг, рассыпались в морозном омском небе различные реляции, обещая открыть новую страницу в истории Белого движения [123–125].

Трагический финал эпопеи адмирала А.В. Колчака

Идеи освоения Арктики сопровождали А.В. Колчака всю жизнь, и даже в 1919 г. он обдумывал план новых экспедиций в Арктику.

«Карта полярных экспедиций, – пишут К. Громов и С. Боголепов, – висела в омском кабинете А.В. Колчака. Подготовка арктических экспедиций совместно с архангельским правительством Е.К. Миллера¹ велась буквально с первых дней омской власти А.В. Колчака. Для гидрографического обслуживания экспедиции в конце 1918 г. создали Дирекцию маяков и лоций. 23 апреля 1919 г. при правительстве Колчака организован Комитет Северного морского пути, во главе которого вскоре был поставлен С.В. Вострин – золотопромышленник, член III и IV Государственной Думы, отстаивавший там и в своих книгах идею морского пути в Сибирь, участник экспедиций И. Виггинса (1894 г.) и Ф. Нансена (1913 г.).

“Белогвардейскую Карскую экспедицию 1919 года”, как ее называют в советской научной литературе, возглавил Б.А. Вилькицкий. Экспедиция преследовала, кроме военных (доставка оружия) и торговых (сопровождение английских и шведских пароходов), еще и гидрографические цели (специальным отрядом командовал К.К. Неупокоев)» [63, с. 165].

¹ Миллер Евгений Карлович (1867–1937), ген.-лейт., губернатор Архангельского края (1919–1920). С 1920 г. эмигрант, с 1930 председатель «Русского общевойскового союза» (РОВС). В 1937 г. тайно выкраден агентами НКВД и вывезен из Парижа в Москву. Осужден на Лубянке, расстрелян в ее подвалах.

Знаменитая эстрадная певица Надежда Васильевна Плевицкая (1884–1940) активно помогала чекистам в похищении Е.К. Миллера. Парижский суд приговорил ее к 20 годам, покончила жизнь самоубийством во французской тюрьме.

Однако реализовать планы экспедиций в Арктику Колчаку практически не удалось. Тяжелая военная обстановка, экономические трудности и многие другие препятствия оказались для освоения Северного морского пути непреодолимыми преградами.

О своих профессиональных поисках в этот период Колчак достаточно подробно рассказывает после своего ареста на заседании Чрезвычайной следственной комиссии в январе–феврале 1920 г.

Боевой соратник и помощник Колчака контр-адмирал М.И. Смирнов, бывший начальник штаба Черноморского флота и участник совместной командировки в августе–октябре 1917 г. в США, знал его несколько десятилетий. Впервые они встретились в Морском кадетском корпусе, когда фельдфебелю Колчаку поручили быть наставником в младших классах.

Омская трагедия еще больше сблизила их, М.И. Смирнов стал морским министром в правительстве Колчака. Ему чудом удалось вырваться из пылающей России через Харбин в Европу. Он считал своим долгом написать о Колчаке первую биографическую книжечку, всего 60 страниц [14].

Приведем из этой биографии несколько фрагментов, освещающих жизнь Верховного правителя России.

«Провозглашение адмирала Колчака не прошло вполне гладко. Находящиеся в Уфе и в Екатеринбурге члены Учредительного Собрания, во главе с Черновым, заявили, что они не признают власти адмирала Колчака, что они открывают фронт большевикам и будут всеми силами противодействовать новой власти. Чернов и его сподвижники были арестованы Сибирскими войсками, но по пути отбиты от них чехами.

Чернов пробрался в Советскую Россию. С этого времени деятельность партии социалистов-революционеров ушла в подполье. Они заявили, что им ближе большевики, чем националисты, и во всем дальнейшем течении гражданской войны в Сибири они занимались агитацией в армии, возбуждением против власти земств и кооперации и подготовкой заговора.

В Омске был произведен суд над деятелями переворота 18-го ноября казачьим полковником Волковым и войсковыми старшинами Красильниковым и Катанаевым, которые сами заявили адмиралу Колчаку о своем участии в перевороте. На суде выяснилась картина деятельности партии социалистов-революционеров – давление их на Директорию, выразившееся, между прочим, в телеграмме Чернова Зензинову о необходимости свержения Сибирского правительства и в объяснении Зензинова, почему это нельзя сделать сразу, поведение товарища министра внутренних дел социалиста-революционера Роговского, занимавшегося организацией полиции партийного социального состава, сведения о хищениях социал-революционерами денег из казначейств на партийные цели и т.п. – все это свидетельствовало о подготавливавшемся захвате власти партией социалистов-революционеров. На суде также выяснилась негласная поддержка, оказывавшаяся Чехо-Словацким национальным комитетом в Сибири этой партии. Волков, Красильников и Катанаев были по суду оправданы.

В тылу также произошли неблагоприятные события. Атаман Семенов, командир корпуса в Забайкалье, заявил, что не признает власти адмирала Колчака, прислал ему дерзкую телеграмму с требованием передачи власти одному из указанных им лиц: генералу Хорвату, атаману Дутову или генералу Деникину. В ответ на это Семенов был отрешен от должности, но он не сдал ее. Тщетны были уговоры других казачьих генералов и атамана Дутова – Семенов был не уступчив. Когда Колчак послал войска против него из Иркутска, то японцы заявили, что не допустят военных действий против Семенова. В этом происшествии была видна антирусская рука Японии. Только весной 1919 г. в период успехов Сибирской Армии на противобольшевистском фронте Семенов признал свое подчинение адмиралу Колчаку.

В ноябре прибыл во Владивосток представитель общесоюзного командования французский генерал Жанен. В интервью, данном представителям печати, он, между прочим, сказал: “В течение ближайших пятнадцати дней вся Советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать”. Вместе с генералом Жаненом прибыл Чехо-Словацкий военный министр генерал Стефанек, который заявил представителям печати: “Мы имеем задачей вернуть чехо-словацкое войско домой. Но мы действовали бы против традиций наших предков, если бы не согласовали наших поступков с чеством солдата и совестью Славянина”. Русским генералам Стефанек заявил, что он умрет в Сибири, но заставит чехов помочь борьбе с большевиками. Казалось бы, что столь категорическое заявление союзных представителей давало основание рассчитывать на искреннюю поддержку союзников в борьбе с большевиками.

По прибытии в Омск, генерал Жанен предъявил адмиралу Колчаку инструкцию, полученную им от своего правительства и подписанную Клемансо и Ллойд-Джорджем. Эта инструкция сводилась к следующему: Жанену предписывалось вступить в командование всеми русскими и союзными войсками, действующими в Восточной России и в Сибири, с целью образования нового противогерманского восточного фронта. Инструкция заканчивалась указанием, что союзные правительства предвидят, что вновь образовавшиеся на территории России правительства не пожелают подчиниться требованиям генерала Жанена, в таком случае им должно быть заявлено, что они не получат никакой помощи от союзников.

Инструкция, предъявленная генералом Жаненом, явно не соответствовала создавшейся обстановке. На противобольшевистском фронте действовали только русские войска, чехо-словаки после заключения перемирия в Европе перестали сражаться и начали отходить в тыл, в Сибири уже существовало единое Русское Правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком. Подчинение этого правительства иностранному генералу дискредитировало бы его, так как оно являлось носителем Русской Государственной идеи. Поэтому адмирал Колчак заявил генералу Жанену, что он скорее откажется от иностранной помощи, чем признает его инструкцию. Генерал согласился, что его инструкция не соответствует обстановке и предложил пересмотреть ее и в новом виде телеграфировать в Париж для утверждения. В результате дальнейших переговоров и сношений с Парижем в Омске было опубликовано следующее правительственное сообщение: “Прибывший по поручению союзных правительств генерал Жанен, представитель высшего междусоюзного командования, вступает в исполнение своих обязанностей в качестве Главнокомандующего войсками союзных с Россией государств, действующими на Востоке России и в Западной Сибири, и для достижения единства действий на фронте, высшее Русское командование,

осуществляемое Верховным Главнокомандующим адмиралом Колчаком, будет согласовывать с генералом Жаненом общие оперативные директивы, о чем Верховным Главнокомандующим даны соответствующие указания начальнику штаба. Одновременно вступает в исполнение своих обязанностей генерал Нокс, сотрудник генерала Жанена по вопросам тыла и снабжения, предоставляемого союзными правительствами для нужд русского фронта, вследствие чего Верховным правителем предписано военному министру согласовать свою работу с задачами, возложенными на генерала Нокса”.

Как выше сказано, чехо-словацкие войска в это время уже уходились с фронта в тыл. Генерал Стефанек приложил все усилия, чтобы заставить их продолжать действовать на фронте, но его старания были тщетны. Деморализация чешских войск шла полным ходом при участии русских социалистов-революционеров, членов Учредительного Собрания, убеждавших чехов в недемократичности антибольшевистского правительства, Верховного правителя. Через некоторое время генерал Стефанек заявил адмиралу Колчаку, что нет никакой возможности заставить чехов продолжать воевать и всего лучше вывести их из Сибири. Но для этого у союзников не имелось пароходов, которые были заняты перевозками демобилизуемых союзных войск, поэтому в ожидании освобождения пароходов было решено разместить чехо-словацкие войска вдоль железной дороги от Ново-Николаевска до Иркутска для ее охраны.

Так как других союзных войск на противобольшевистском фронте не было, то власть союзного главнокомандующего генерала Жанена фактически сводилась к охране вышеуказанного участка железной дороги. Не ограничившись командованием чехо-словацкими войсками, генерал Жанен начал формировать в тылу войска других национальностей: польские, сербские, украинские (?), румынские и т.п. Эти формирования только отвлекали снабжение от русской армии и загромождали железную дорогу воинскими грузами, предназначенными для частей, не воюющих с большевиками на фронте.

Крайне неблагоприятным фактором в борьбе с большевиками в Сибири явилось преступное поведение социалистов-революционеров. Как выше сказано, после переворота 18-го ноября деятельность этой партии ушла в подполье. Центральный комитет партии выпустил из Уфы следующее секретное постановление: “Партийным организациям вменяется в обязанность немедленно реорганизоваться применительно к условиям нелегальной работы, не отступая на полумерах, способных разлагать энергию, не выводя организацию из-под репрессий. Партийные организации должны вернуться к методам и формам работы, практиковавшимся при самодержавном режиме, объявив беспощадную борьбу на жизнь и на смерть режиму единоличной диктатуры, не отступая ни перед какими способами борьбы”. Далее говорится: “Энергичные шаги должны быть предприняты фракциями, группами членов партии, местных городских и земских самоуправлений и особенно членами наличных, не успевших ликвидироваться областных правительств”. Затем предписывается вести противоправительственную агитацию среди чехо-словаков и в армии. Таким образом, земские и городские самоуправления, в которых было значительное число членов этой партии, избранных еще по законам Временного Правительства в 1917 г., с этого момента стали органами партийной борьбы.

Вся энергия адмирала была направлена на организацию армии и на добычу для нее снабжения. Первоначально военные действия развивались успешно. В конце декабря была взята Пермь. Весной началось быстрое продвижение Южной Армии на Запад, были заняты Уфа, Белебей, приближались к Бузулуку, на Каме заняли Елабугу. Все предвещало быстрый успех. В конце мая про-

изошло неожиданное событие. Часть войск Южной Армии, перебив своих офицеров, перешла на сторону большевиков, получился большой разрыв фронта, в который влились наступающие большевики, грозившие тылу Сибирской Армии. Началось общее отступление. При отступлении армия таяла, так как мобилизованные жители местностей, оставляемых неприятелю, уходили в свои деревни. Катастрофа надвигалась. Были сделаны две неудачные попытки удержаться, одна у Златоуста, другая на реке Тюмень. В конце октября стало ясно, что Омск – столица Сибири – не может быть удержан. Было принято решение перенести столицу в Иркутск. 10 ноября Сибирское Правительство выехало из Омска на восток. Адмирал Колчак решил остаться еще два дня при армии, а затем тоже переехать в Иркутск. Прибыв в Ново-Николаевск, адмирал задержался, ожидая подхода армии, которая долго не подходила. Тем временем в тылу произошли грозные события.

Когда Совет министров прибыл в Иркутск 18-го ноября, Чехо-Словацкий Национальный Комитет в Сибири выпустил меморандум, обращенный ко всем союзным правительствам, в котором заявил, что вследствие реакционности Правительства адмирала Колчака Чехо-Словацкое войско прекращает оказывать ему поддержку и принимает меры к выезду из Сибири.

Чехо-словаки захватили весь подвижной состав, все паровозы и вагоны от Ново-Николаевска до Иркутска и таким образом лишили отступавшую Сибирскую армию единственной линии сообщения с тылом. Они также воспрепятствовали адмиралу Колчаку двигаться быстро на восток и согласились, чтобы его поезда шли, не обгоняя чехословацкие эшелоны. Адмирал Колчак двигался в пяти поездах²» [14, с. 47–53].

Вряд ли оправданной была система правления, установленная Колчаком в Сибири и на Урале: жесточайшая диктатура, широко использующая репрессии, казни, массовые расстрелы, пытки, что порождало ненависть и вражду среди самого широкого населения рабочих, крестьян, мелких собственников и прочих разночинцев. Недовольство населения усугублялось партийными антагонистическими взаимоотношениями. Так, в некоторых занятых колчаковцами городах были расстреляны большие группы меньшевиков и эсеров.

Наибольшего успеха колчаковская армия добивается в апреле 1919 г. при подходе к Самаре и Казани. Авторитет Колчака растет. К Пасхе (27.IV 1919) Совет министров правительства Сибири награждает Колчака орденом Св. Георгия 3-й степени за освобождение Урала.

Население Сибири стремилось решить главный вопрос для русского крестьянства – вопрос «о земле». Большевики в своих обещаниях оказались мудрыми и гибкими. Любимый лозунг В.И. Ленина «Фабрики – рабочим, земля – крестьянам» оказался тем могучим магнитом, который привлек на его сторону милли-

² В отдельных работах указывается, что первоначально из Омска вышло семь составов.

оны обездоленных, жаждущих получить пашни помещиков и богатых, преуспевающих крестьян, так называемых кулаков.

Наивный в политике Колчак говорил, что его задача – подвести Россию к Учредительному Собранию, а оно решит, как разделить земельное богатство в полуголодной стране. Слишком честным, слишком благородным и порядочным правдоискателем был Колчак для победоносных земельных сражений за раздел пахотных и лесных угодий, делящихся на Руси многие века.

«Земля – обширный театр, на котором одна и та же трагедия дается под разными названиями», – сказал великий Ф. Вольтер (1694–1778), почетный член Императорской Академии наук (1746) и друг Екатерины II.

Но Колчак был пропитан и одержим чувством «великой Справедливости», он даже не догадывался, что это такая же утопия, как лозунг Великой Французской Революции: «Свобода, Равенство и Братство».

Каждый из них (Колчак и французы) шли к достижению своих идеалов по трупам, через голод, пытки, казни, жесточайший террор и слезами облитые души.

«3 июня 1919 г. Верховный правитель получил сообщение пяти держав, подписанное В. Вильсоном, Ш. Клемансо, Д. Ллойд-Джорджем, В.Э. Орландо и К. Сайондзи, заключавшее заверения в дружественном отношении к “Национальной России” и категорически подтверждавшее невозможность установления каких-либо отношений с советской властью. Генерал Жанен обещал Колчаку дипломатическую поддержку и стабильное снабжение вооружением. Однако в результате летнего контрнаступления Красная Армия в мае–июне 1919 г. разбила главную группировку колчаковских войск менее чем за два месяца, нанеся поражение двум самым сильным армиям Верховного правителя – Западной и Сибирской» [16, с. 61].

Красная Армия отбросила войска Колчака на многие сотни километров, заняв практически всю территорию, которая была захвачена его армией весной. Постепенно и широкие слои населения все активнее переходили на сторону советской власти и становились могучей противоборствующей силой, с которой колчаковский режим был уже не в силах справиться [16, с. 29–30].

«Однополчанин» Колчака, его бывший военный министр, барон А.П. Будберг о характере своего главнокомандующего писал: «Несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив – озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего (...) Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие (...) Жалко адмирала,

когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то быстро и тухнет, то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников (...) Врывать у него решение очень легко, но нет никакой уверенности в том, что оно не будет изменено через полчаса докладом кого-либо из ближайшего антуража (...) Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи» [126, с. 72, 95, 97–98].

Далее А.П. Будберг вспоминает:

«Вечером адмирал разговорился на политические темы и выказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение как на посланный небом Подвиг и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

Он с восторгом рассказал случай с отказом принять предложение помощи К.Г. Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндии; когда же я ему высказал, что не было ли такое решение крупной военной и государственной ошибкой, то он весь вспыхнул, страшно огорчился и ответил, что идеею Великой, Неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, что это его кредо» [126, с. 224].

Искренний и правдивый портрет Колчака рисует в своих воспоминаниях Н.В. Устрялов³. То были дни, когда войска Колчака одерживали победы на всех фронтах, но настроение командующего все равно оставалось весьма далеким от ликования, он понимал все и видел далеко. Описываемые события относятся к 1919 г.:

«Омск, 19 апреля (Великая Суббота)... Вчера в два часа дня был в соборе. Торжественная служба в присутствии Верховного правителя, министров и «чинов до четвертого класса включительно». Прошел удачно и стал напротив этих особ, совсем недалеко от Адмирала. Всмотривался, как и все, в его лицо. Физиономия не совсем русского человека. Интересные черты. Худой, сухой какой-то, быстрые черные глаза, черные брови, облик, напоминающий собою хищную птицу... Если вдаваться в фантазию, можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности... За всю службу он перекрестился один раз, да и то как-то наскоро, небрежно, да еще в конце, когда прикладывался к плащанице, дважды опустился на колени и крестился уже, кажется, как следует...

Омск, 20 июля. Сейчас вместе с делегацией омского «блока» был у Верховного правителя – в домике у Иртыша. Длинная беседа на злобу дня. Хорошее и

³ Устрялов Николай Васильевич (1890–1938), российский политический деятель, кадет с 1917 г., публицист. С 1920 г. в эмиграции (Харбин), один из идеологов «сменовеховства»; в 1935 г. вернулся в СССР. В 1938 г. расстрелян.

сильное впечатление. Чувствуется ум, честность, добрая воля. Говорил очень искренно, откровенно. Об “отсутствии порядочных людей”, о “трудном положении армии” (“развал”), о союзниках. “Мое мнение – они (союзники. – В.С.) не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна...”. О Японии, о наивности тех, кто думает, что стоит лишь ее попросить и она пришлет дивизии... Об отвратительных злоупотреблениях агентов власти на фронте и в тылу. “Худшие враги правительства – его собственные агенты”. То же и у Деникина, то же и у большевиков – “это общее явление, нет людей”... У большевиков это устраняет чрезвычайка, но и она не может устранить преступлений агентов. Мы же мечтаем о законе. “У меня полнота власти, я фактически могу расстрелять преступников, но я отдаю их под суд, и дела затягиваются...”. Беседовали около двух часов...» [127, с. 297].

«Омск, 21 июля. “Диктатор”... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обыкновенного человека, но простительных для гения свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг “Цель оправдывает средства” ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение... Что это? Излишняя искренность “абсолютно честного человека”? Недостаточная напряженность воли? Ни того ни другого свойства не было у Наполеона, нет и у Ленина. Дай Бог, чтобы оба эти свойства не помешали их обладателю стать “историческим человеком”. А может быть, я ошибаюсь... Но не скрою – не столь историческим величием, сколько дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного правителя и всей его личности. Конечно, трудно судить современникам. Исторических людей создают не только их собственные характеры, но и окружающие обстоятельства. Но я боюсь – слишком честен, слишком тонок, слишком “хрупок” адмирал Колчак для “героя” истории...» [127, с. 305].

Колчак 12 ноября 1919 г. покидает Омск. Приближается Красная армия. Одновременно с Верховным правителем России особым поездом за литерой «Д» отправляется золотой запас. В Омске погрузка специального сверхсекретного «золотого поезда» происходила с 28 октября по 8 ноября 1919 г. Все золото разместили в 40 вагонах. По состоянию на июнь 1918 г. весь запас составлял 501 233 кг золота в монетах и слитках, 32 800 кг золота и серебра разного вида на общую сумму 645 256 387 руб. На осень 1919 г. оставалось ценностей на сумму 408 189 912 руб. [16, с. 64]. Поезда (всего семь составов) – литеры «А», «В», «С», «Д», «Е» с золотом, поезд Верховного правителя и дополнительный блиндированный поезд (бронепоезд) взяли под свою охрану командующий союзными войсками французский генерал М. Жанен и белочешский генерал Р. Гайда, гарантировавшие Колчаку полную безопасность [Там же].

На деле же они поступили коварно, предав Колчака и премьер-министра В.Н. Пепеляева за право своего свободного поезда во Владивосток.

«Меморандум чехословаков, – пишет М.И. Смирнов, – напечатанный в газетах Сибири, явился ударом в спину Сибирского правительства. В реакционности его обвинять было никак нельзя. Оно выражало национальные тенденции всех слоев русского народа, оно не стремилось ни к какой реставрации и не проводило никакой политической программы. Оно работало только для поддержки армии, борющейся с большевиками.

Чтобы понять поступок чехов, надо знать историю формирования Чехословацкого войска в России. Оно формировалось во время революции по законам Временного правительства, т.е. на основании комитетской системы. Его политические лидеры всегда были в тесной связи с партией социалистов-революционеров Черновского толка. Со времени заключения перемирия в Европе естественным желанием чехо-словаков было уйти из Сибири на родину и перестать воевать. После ухода партии социалистов-революционеров в подполье чехо-словаки продолжали сношения с лидерами этой партии. Во время освобождения Сибири от большевиков чехо-словацкое войско смотрело на ценное имущество освобождаемых ими местностей как на свою военную добычу. В их распоряжении на путях Сибирской дороги стояли поезда, нагруженные русским богатством – мехами, бензином, деньгами, резиной, медью и т.п. Адмирал Колчак как-то заявил, что считает это имущество достоянием России. Как впоследствии выяснилось, Чехо-словацкий национальный комитет вошел в соглашение с партией социалистов-революционеров, по которому чехи помогут социалистам свергнуть правительство Колчака и придти к власти, взамен чего социалисты помогут чехам эвакуироваться.

Когда отступавшая Сибирская армия стала подходить к Ново-Николаевску, то чехо-словакам надо было или принять участие в борьбе с большевиками, или уходить; они предпочли уходить.

Тем временем в тылу образовался социалистический политический Центр, который выставил своей программой – мир с большевиками и прекращение Гражданской войны. Политический Центр надеялся образовать в Сибири буферное социалистическое государство, которое было бы признано Советским правительством.

24 декабря на окраинах Иркутска произошло восстание. Железнодорожный вокзал и предместье Глазково были захвачены повстанцами. Правительство оказалось в осаде. Союзные представители, находившиеся в своих поездах на вокзале, объявили, что повстанцы не большевики и что они останутся нейтральны в сношениях Сибирского Правительства с повстанцами. Союзные представители смотрели на все глазами чехов. На самом деле, они были не нейтральны, а содействовали повстанцам, обвявив полосу железной дороги нейтральной и находящейся под охраной чешских войск. Правительство не могло пользоваться дорогой, а повстанцы могли. Когда Начальник Гарнизона Иркутска хотел начать действия против повстанцев, захвативших вокзал, то генерал Жанен заявил, что не допустит этого и начнет действия против правительственных войск при помощи чехов. Положение создалось безвыходное. К сожалению, наш верный и лояльный союзник английский генерал Нокс в это время уже не находился в Сибири, получив приказ от своего правительства вернуться в Англию. В это время поезд адмирала Колчака и поезд с золотым запасом стояли в Нижнеудинске, в 250 верст. к западу от Иркутска. Генерал Жанен послал телеграмму адмиралу Колчаку с просьбой не двигаться до выяснения обстановки. У адмирала Колчака было при нем около 1500 человек солдат. Этого было бы достаточно для восстановления порядка на железной дороге. Но чехи не позволили применить силу, считая, что это задержит их эвакуацию. Иркутск был

взят повстанцами 5-го января 1920 года. Союзные представители дали письменную инструкцию генералу Жанену провезти адмирала Колчака под охраной чешских войск на Дальний Восток в то место, куда он сам укажет. Сами представители выехали из Иркутска на восток. Генерал Жанен предложил адмиралу Колчаку оставить его поезд и поезд с золотым запасом под охрану чехословаков, а самому с теми лицами, которых он хочет взять с собой, перейти в один вагон, который был прицеплен к поезду 8-го чехо-словацкого полка. На вагон были подняты флаги: английский, французский, американский, японский и чешский, означавшие, что адмирал находится под охраной этих государств. Адмирал взял с собой из поезда 80 человек, все они поместились в одном вагоне» [14, с. 54–56].

В Нижнеудинске поезд задерживают около двух недель и, согласно распоряжению генерала Жанена, для дальнейшего следования оставляют Колчаку всего лишь один вагон – и без охраны. Адмирал возмущен, заявляет протест, но его уже никто не слышит. 3 января 1920 г. во время стоянки эшелона в Нижнеудинске Колчак получил телеграмму от Совета министров с требованием отречения от власти [128].

Очевидно, Колчак был к этому готов. 4 января он издает Указ об отречении и передает все атрибуты власти, так сказать жезл и скипетр Верховного правителя, генерал-лейтенанту А.И. Деникину (1872–1947), который с января 1919 г. был главнокомандующим Вооруженными силами юга России. Преемником Колчака на территории восточной окраины России становится атаман Г.М. Семенов (1890–1946).

«УКАЗ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

4 января 1920 года
г. Н.-Удинск

Ввиду предрешения мною вопроса о передаче Верховной Всероссийской власти Главнокомандующему вооруженными силами юга России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной Окраине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей Россией:

1. Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окраины, объединенной Российской Верховной властью.

2. Поручаю генерал-лейтенанту атаману Семенову образовывать органы Государственного управления в пределах распространения его полноты власти.

Верховный правитель Адмирал *Колчак*
Председатель Совета министров *В. Пепеляев*
Директор канцелярии Верховного правителя
Генерал-майор *Мартьянов*»

Власть Колчака, распространившаяся на всю Сибирь, съезжилась, как шагреневая кожа, пока не превратилась сначала в жалкий клочок земли вдоль Сибирской железнодорожной магистра-

ли, а затем в несколько квадратных метров вагона – без каких-либо видимых перспектив на расширение.

Под охраной чехов, превратившейся в вооруженный конвой, А.В. Колчак и русское золото выехали 10 января 1920 г. из Нижнеудинска. Чтобы российскому адмиралу было не очень обидно фактически стать заложником иностранцев, ему объявили, что он взят под «высокое покровительство союзных держав» [127].

Это была «лебединая песня» Верховного правителя России.

Последний указ великого флотоводца и неудачливого политика как бы подводил печальный итог его деятельности. Колчак вручил власть другим, но, как оказалось, таким же беспомощным и слепым политикам, как и он сам.

Поезд благополучно прибыл на станцию Иннокентьевскую и дальше не двигался.

Адмирал не раз в дороге говорил, что у него есть предчувствие предательства, но это предчувствие не могло подавить в нем веру в человеческое благородство. Предательство казалось ему слишком низким.

Белочехи, пренебрегая всеми нормами чести и морали, при очередном задержании поезда, в котором находился Колчак, на станции Иннокентьевская 15 января 1920 г. арестовывают его и передают эсеро-меньшевистскому Политцентру.

Вот как это трагическое событие описывает М.И. Смирнов:

«Помощник коменданта чешского поезда вошел в вагон и заявил, что адмирал выдается Иркутским властям. Адмирал воскликнул: “Значит, союзники меня предают”. Как впоследствии выяснилось, выдача адмирала его противникам была заранее предусмотрена соглашением Чешского представителя в Иркутске, доктора Благоша с Политическим Центром.

Куда же делся золотой запас, который следовал за адмиралом Колчаком? Всего с ним было около 408 миллионов рублей. Эвакуировать его из Омска заранее адмирал отказался, так как в тылу началась бы борьба за обладание золотом, поэтому адмирал решил вывезти золотой запас из Омска под своей личной охраной. Этот запас перешел под охрану чехо-словацких войск на станции Нижнеудинск. По соглашению чехо-словаков с большевиками, последние гарантировали чехам беспрепятственный выезд из Сибири, если чехи передадут им золотой запас. По опубликованным большевиками сведениям, они получили из золотого запаса, следовавшего с адмиралом Колчаком, приблизительно на десять процентов меньше, чем было вывезено из Омска. Истории предстоит выяснить, куда девались остальные 40 миллионов.

После ареста адмирала перевезли в Иркутскую тюрьму. 21-го января началось следствие над ним. 25-го января власть Политического Центра уже пала и перешла в руки большевиков. В начале февраля остатки Сибирских армий, под командой генерала Войцеховского, подходили к Иркутску; они собирались взять Иркутск, но чехо-словаки заявили, что они своими войсками не допустят этого. Большевики переполошились возможностью взятия Иркутска и решили убить адмирала Колчака и находившегося с ним министра В.Н. Пепеляева» [14].

В те дни власть переходила из рук в руки несколько раз, а с 21 января все движение на железной дороге контролирует уже Военно-революционный комитет большевиков. Так Колчак неожиданно для себя очутился в Иркутской губернской тюрьме, в застенках большевиков, не оказав при этом ни малейшего сопротивления.

Колчак мечтал о восстановлении Великой и Единой России, смотрел на свое «положение как на посланный небом» счастливый жребий и был убежден, что ему удастся вернуть России ее величие и славу.

Вечером 6 февраля после наспех проведенного дневного допроса (по опубликованному тексту чувствуется, что допрос оборвался неожиданно) было получено экстренное распоряжение. Председатель иркутской Чрезвычайной комиссии Губчека С.Г. Чудновский доверительно сообщил членам Комиссии: «Ревком постановил Колчака и Пепеляева расстрелять».

Вскоре председатель иркутского Военно-революционного комитета А.А. Ширямов передал письменное распоряжение С.Г. Чудновскому и И.Н. Бурсаку, начальнику гарнизона, одновременно являющемуся комендантом Иркутска:

«(...) Иркутский Военно-революционный комитет постановил: 1) бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и 2) бывшего председателя Совета министров Пепеляева – расстрелять» (Постановление Ревкома № 27 от 6 февраля 1920 г.).

Последней просьбой адмирала Колчака перед расстрелом было: «Я прошу сообщить моей жене, которая живет в Париже, что я благословляю своего сына». – «Сообщу», – ответил руководивший расстрелом чекист С.Г. Чудновский [129, с. 209].

И.Н. Бурсак так описывает момент казни:

«Полнолуние, светлая морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак ответил отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне, что пора. Дается команда взводу: «По врагам революции – пли! Оба падают....» [130, с. 280].

Примечание.

Перечень имущества А.В. Колчака и А.В. Тимиревой, оставшегося при аресте в вагоне

«Морской штандарт, черное шелковое знамя (коммунистическое? – И.П.⁴), английский флаг, три андреевских флага, полотенце с вышитой надписью, саше для вязания, грелка для чайника, ермолка для платков, две вышитые бисером полоски, палитра с красками, Святое Евангелие с собственной надпи-

⁴ Плотников Иван Федорович.

сью, два кошелька вышитых, японский подсвечник деревянный лакированный, чайный сервиз деревянный лакированный из 16 предметов, серебряный кинжал, модель из кости куска хлеба с двумя мышами, четыре штуки вееров, гребенка дамская, маленький резной ножик слоновой кости, костяные бусы, брошь костяная, одна каменная коробочка, один карандаш, связка кожаных пуговиц, блюдечко фарфоровое, солоница, бисерная ермолка, альбом для стихов, три штуки спиц с клубком, грелка с салфеткой, японская шпилька головная, печать, кубики китайские, семь штук яиц пасхальных, стеклянная чашка, коробочка с 7 орденами, открытки 228 штук, четыре штуки часов поломанных, одна часовая цепочка, три рюмки, два бокала, 27 серебряных монет, 21 медная монета, чехол для ручки, вышит бисером, пенсне, печать медная, звезда наградная, футляр для мундштука, мелочь (запонки, булавки и т.п.) в коробке, семь штук разных альбомов, выжженная коробочка, коробочка, лакированная яйцом, деревянная коробочка с рисунком большая, портрет неизвестной женщины, каталог автомобильный и картины, микроскоп и физический прибор, 29 икон и одна лампада, два портрета, седло, восемь картин разных» [см.: 122, с. 18].

Список вещей по «описи», изъятых у А.В. Колчака в камере
и снятых с него после расстрела.
Составлен 7 февраля 1920 г.

«Шуба (имеется в виду подбитая мехом шинель. – *И.П.*), шапка, подушечка, два носовых платка, две щетки, электрический фонарь, банка вазелина, один платок носовой, чемодан с мелкими вещами, расческа, машинка для стрижки волос, портсигар серебряный (тот самый, который Колчак, возможно, взял с собой и положил на снег за несколько минут до расстрела. – *И.П.*), кольцо золотое, четыре куска мыла, именная печать, часы с футляром, бритва с футляром, кружка, чайная ложка, губка, помазок, мыльница, одеяло, чай, табак, дорожная бутылка, френч, полотенце, простыня, Георгиевский офицерский крест, зубная щетка, чайная серебряная ложка, банка консервов, банка сахара, кожаные перчатки, белье: три пары носок, две простыни, две рубахи, три носовых платка, платок черный, две пары кальсон, стаканчик для бритвы, ножицы» [см.: 122, с. 583].

Очевидцы расстрела утверждают, что 35-летний В.Н. Пепеляев, встав на колени, со слезами на глазах просил о пощаде... А.В. Колчак резко его одернул со словами: «Встаньте, Виктор Николаевич, разве Вы не видите, с кем имеете дело. Примите смерть достойно!»

Новосибирский поэт колчаковских времен Сергей Марков изобразил трагедию премьер-министра с жестоким сарказмом:

«И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги...»

Вернувшись в тюрьму, Бурсак на обороте подлинного документа о расстреле написал:

«Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 г. за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председа-

теля Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта Иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися.

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии

С. Чудновский

Комендант города Иркутска

И. Бурсак» [Там же].

Обнаружена в архиве записка Ленина заместителю председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому для дальнейшего телеграфного сообщения:

«Шифром. Склянскому. Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля⁵ и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром...» [см.: 8, с. 274].

В архиве Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории обнаружен недавно подлинник этого документа (тоже без даты)⁶.

Другая интерпретация событий в связи с расстрелом Колчака и Пепеляева, а также, возможно, еще 20 лидеров Белого движения в историкографических исследованиях М.И. Смирнова звучит так:

«7-го февраля около 5 часов утра адмирал Колчак и министр Пепеляев были выведены из тюрьмы на окраину города и расстреляны. Существуют различные рассказы о последних минутах адмирала Колчака; все они свидетельствуют, что он умер так же смело и честно, как всегда жил.

В газете «Советская Сибирь» был напечатан следующий рассказ палача, руководившего убийством А.В. Колчака. Фамилия палача Чудновский, вот что он говорит: «В начале февраля 1920 г., когда Иркутску грозило наступление белогвардейцев, я сообщил председателю революционного комитета А.А. Ширямову, что, по моему мнению, необходимо без суда убить Колчака и двадцать других белых лидеров, которые попали в наши руки. Мое предложение было принято, и рано утром 6-го февраля я поехал в тюрьму, чтобы привести в исполнение волю Революционного Комитета.

Удостоверившись, что караул состоит из верных и надежных товарищей, я вошел в тюрьму и был приведен в камеру Колчака. Адмирал не спал и был одет в меховое пальто и шапку. Я прочитал ему решение Революционного Комитета и приказал моим людям надеть ему ручные кандалы.

«Таким образом, надо мной не будет суда?» – спросил Колчак. Должен сознаться, что этот вопрос застал меня врасплох, но я не ответил и приказал моим людям вывести Колчака.

⁵ Генерал-лейтенант В.О. Каппель умер 26 января 1920 г. Командование войсками принял генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

⁶ РЦХ ИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24362. Л. 1.

Как только я оставил Колчака, один из часовых позвал меня и спросил, может ли он позволить заключенному выкурить последнюю папиросу. Я разрешил. Их сопровождал священник, они громко молились...» [14, с. 57–59].

Для читателя, несомненно, представят большой интерес два весьма редких материала, освещающих деятельность адмирала Колчака и написанных ЛИЧНО Александром Васильевичем; вероятно, первый документ – в начале 1918 г., а второй – 28 июля 1919 г. [131, с. 9–13].

Из автобиографии вице-адмирала А.В. Колчака⁷

(...) В конце июня 1916 г. я получил назначение в Черное море на пост командующего флотом с производством в вице-адмиралы (в контр-адмиралы я был произведен на Пасху 1916 года). В первых числах июля я прибыл в Севастополь и вступил в командование флотом. Между прочим не могу не отметить пребывание у меня в Севастополе бывшего Верховного главнокомандующего генерала Алексева⁸, который приезжал туда лечиться. Мне часто приходилось видаться и беседовать с генералом Алексеевым о государственных вопросах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему революции.

(...) С началом революции мне удалось сохранить свой авторитет, и в первые два месяца, несмотря на головокружительный развал армии и Балтийского флота, Черноморский флот выполнял свои боевые обязанности как и раньше. Но преступная деятельность германской агентуры, обеспечиваемая действиями правительства, особенно с того момента, как Военным и Морским министром объявился А.Ф. Керенский⁹, неминуемо должна была сделать свое дело, и с появлением Керенского во главе Военного и Морского ведомств уже ничто не могло удержать Черноморский флот от полного развала и дезорганизации.

В конце апреля мне пришлось по вызову А.И. Гучкова¹⁰ побывать в Петрограде в те памятные дни, когда первое временное Российское правительство

⁷ Без указания места; начало 1918 г.

⁸ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), русский военачальник, генерал от инфантерии. Из семьи солдата, в 1890 г. окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-японской и Первой мировой войн: начальник штаба и командующий фронтом, начальник штаба Верховного главнокомандующего Николая II. После свержения монархии стал одним из военно-политических лидеров российской контрреволюции.

⁹ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – адвокат, российский политический деятель. Приобрел известность своими выступлениями на ряде политических процессов, депутат 4-й Государственной думы, возглавлял в ней фракцию трудовиков. Вошел во Временное правительство в качестве министра юстиции, в 1-м и 2-м составах коалиционного Временного правительства занимал пост военного и морского министра.

¹⁰ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – крупный русский капиталист, один из основателей и лидер партии октябристов. Депутат 3-й Государственной думы, в годы Первой мировой войны – председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1-м составе Временного правительства занимал пост военного и морского министра.

фактически потеряло свою власть, перешедшую в руки интернационального сброда Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с Лениным и Троцким¹¹ и прочими тайными и явными агентами и деятелями большого германского генерального штаба. В эти несчастные дни гибели русской государственности на политической арене появились две крупные фигуры – своего рода символы: один – государственной гибели, а другой – попытки спасти государство. Я говорю о Керенском и генерале Корнилове¹².

В это же время на военном совете в Пскове под председательством Верховного Главнокомандующего генерала М.В. Алексеева я впервые с совершенной убедительностью понял, что война с Германией, несмотря на полную возможность довести ее в этом году до победного конца, проиграна безвозвратно, и, вернувшись в Черное море, я считал долгом об этом заявить флоту, которым я в то время еще фактически командовал. Мое беспристрастное изложение нашего военного и политического положения вызвало среди команд Черноморского флота проявление патриотического чувства, и результатом этого явилась посылка Черноморской делегации в Москву, в Петроград и на фронт.

Я совершенно определенно указал, что путь, на который вступила наша революция, есть путь государственной гибели, связанный с проигрышем европейской войны, осложнениями с нашими союзниками, с грядущей потерей политического значения России как державы, и весьма вероятным территориальным ее разгромом. С появлением Керенского во главе Российского правительства работа большого германского генерального штаба соединилась с поразительным легкомыслием и демагогической деятельностью Керенского и окружающих его членов Совета министров. Петроградский Совдеп был представителем первого рода деятельности, а правительство изображало вторую половину работы.

Уже в половине мая, после обнаружения преступного правительственного акта, известного под именем декларации прав солдата¹³, я обратился к правительству с указанием на невозможность дальнейшей службы и просил освободить себя от командования. Правительство отказало мне в том, но через три недели мне пришлось все-таки оставить командование Черноморским флотом, который не замедлил пойти по общему пути со всеми вооруженными силами погибающего государства Российского.

В Петрограде я встретился с американской миссией сенатора Рута¹⁴, в составе которой находился адмирал Гленнон¹⁵. Эта миссия обратилась к пра-

¹¹ В действительности Л.Д. Троцкий (1879–1940) приехал в Петроград из-за границы позднее описываемых событий. Скорее всего А.В. Колчак пишет о нем не как о реальном действующем лице, а как о символе определенной политики.

¹² Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – русский военачальник, генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны командовал дивизией, корпусом, после февральской революции – войсками Петроградского военного округа. В августе 1917 г. возглавлял мятеж, затем Добровольческую армию.

¹³ Декларация прав солдата – положение об основных правах военнослужащих, утвержденное военным министром А.Ф. Керенским 9 мая 1917 г. Резко отрицательно была воспринята как крайне правыми, так и левыми кругами.

¹⁴ Рут Э. (1845–1937) – американский юрист, лауреат Нобелевской премии. В 1917 г. – чрезвычайный посол США в России, возглавлял специальную дипломатическую миссию в России.

¹⁵ Гленнон Дж.Г. (1857–1927) – американский адмирал. Прибыл в Россию в начале лета 1917 г. в составе специальной миссии президента США.

вительству с предложением послать меня на некоторое время в Америку для передачи и обмена мнениями по целому ряду военно-морских вопросов, главным образом по ведению минной войны и по борьбе с подводными лодками. Правительство Керенского охотно согласилось на это, потому что желало избавиться вообще от моего присутствия, усматривая в нем явную опасность для начавшейся тогда 4-го июля последней фазы государственного развала, закончившегося торжеством большевизма¹⁶.

В конце июля 1917 года я уехал через Швецию и Англию в Америку во главе специальной морской миссии, после окончания которой я решил вернуться в Россию через восток. В Америке мне преимущественно пришлось работать в Морском министерстве и Морской академии (в Ньюпорте). Я представлялся президенту Вильсону, государственному секретарю Лансингу, Морскому министру и некоторым политическим деятелям. Общее впечатление, которое я вынес из знакомства с американским обществом, – это полная неосведомленность о делах в России.

Мне это представлялось тем более странным, что в России находились многочисленные агенты американского правительства, которые, казалось бы, должны были бы осведомлять американское общество о положении дел на месте. Американское общество особенно восхваляло Керенского, что не помешало, однако, впоследствии общественному мнению в Америке усмотреть в большевизме идеологию российского демократизма.

Вообще, находясь за границей в период, предшествующий окончательному развалу Российской государственности, я видел, что в вопросах нашей внутренней политики наиболее ясный отчет отдавали себе военные деятели, стоящие, быть может, на несколько специальной, но тем не менее государственной точке зрения. В развале нашей вооруженной силы они видели гибель государственности, а вовсе не выражение демократических настроений русского народа. Для военных людей всего мира было совершенно ясно, что революция, не сумевшая выиграть войну, когда для этого были все средства, неминуемо приведет страну к анархии, что впоследствии и произошло.

Я оставил Америку накануне большевистского переворота и прибыл в Японию, где узнал об образовавшемся правительстве Ленина и о подготовке к Брестскому миру. Ни большевистского правительства, ни Брестского мира я признать не мог, но как адмирал Русского флота я считал для себя сохраняющими всю силу наши союзные обязательства в отношении Германии. Единственная форма, в которой я мог продолжать свое служение Родине, оказавшейся в руках германских агентов и предателей, было участие в войне с Германией на стороне наших союзников. С этой целью я обратился, через английского посла в Токио, к английскому правительству с просьбой принять меня на службу, дабы я мог участвовать в войне и тем самым выполнить долг перед Родиной и ее союзниками. Я был принят на английскую службу и получил распоряжение отправиться на Месопотамский фронт, куда я и отправился. Из Сингапура, однако, я был возвращен по распоряжению английского правительства, которое по представлению нашего посла в Пекине князя Кудашева¹⁷ освободило меня от службы, так как мое присутствие стало необходимым на нашем Дальнем Востоке¹⁸.

¹⁶ Имеется в виду выступление большевиков и их сторонников в Петрограде 3–4 июля 1917 г.

¹⁷ Кудашев Н.А. (1859–?) – русский дипломат.

¹⁸ ЦГАОР. Ф. 341. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–10. Машинописная копия.

«Письмо Верховного правителя
и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака
генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву¹⁹

г. Омск

28 июля 1919 г.
В собственные руки

Сегодня я получил письмо от генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса²⁰, в котором он изложил мне разговор с Вами и Вашими начальниками дивизий, бывший в Тюмени 19 сего июля²¹.

Это письмо только подтвердило мне и дало лишнее объяснение того глубокого морального разложения, которое, хочю верить, временно охватило Сибирскую армию.

Только полное уважение и доверие к Вам, как болеющему за эти печальные явления в армии, дает основание мне писать настоящее письмо.

Не мне, конечно, мыслящему созданию государственной власти только путем созыва Национального Учредительного собрания, не мне, принявшему перед Сенатом присягу в передаче этому собранию всей полноты власти и обязавшемуся в его немедленном созыве, как только будет уничтожен большевизм, говорить о целесообразности этого акта.

Вопрос поставлен Вами о немедленном его созыве в постыдные дни разложения части армии, той, на которую была возложена главная надежда.

Неужели же Вам, перед глазами которого прошли все революции, не видно смысла и сущности того, что произошло 19 июля в Тюмени?

Ведь это точное воспроизведение периода разложения армии при Керенском.

Ведь это точное повторение тех событий, которые определили созыв Учредительного собрания 1917 г., которое избрало председателем Чернова²² и запело интернационал.

Это собрание было разогнано пьяным матросом²³ и было первым актом к созданию большевистской советской власти.

¹⁹ Пепеляев Анатолий Николаевич (1891–1938) – окончил Павловское военное училище (1910 г.), участник Первой мировой войны, полковник. В конце мая 1918 г. возглавлял офицерско-эсеровскую боевую организацию, свергнувшую Советскую власть в Томске. С августа 1918 г. командовал Средне-Сибирским корпусом, действовавшим на пермском направлении, с июля 1919 г. – Сибирской армией.

²⁰ Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937) – один из военных руководителей сибирской контрреволюции. Генерал-лейтенант (1919 г.). В 1900 г. окончил Академию Генерального штаба, участник Первой мировой войны, с осени 1917 г. – генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего, начальник штаба Ставки. Стал одним из организаторов антисоветского выступления чехословацкого корпуса, с июля 1919 г. командовал Сибирской армией, Восточным фронтом, занимал пост колчаковского военного министра.

²¹ Письмо М.К. Дитерихса с изложением тюменских событий обнаружить не удалось.

²² Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – один из организаторов, лидеров и теоретиков партии эсеров. После февральской революции входил в руководство Петроградского совета, министр земледелия Временного правительства 2-го и 3-го составов. После открытия Учредительного собрания избран его председателем.

²³ Речь идет о начальнике караула Таврического дворца А.Г. Железнякове.

Я не могу допустить, чтобы Вы сознательно могли бы принимать участие в этом деле, но я не поручусь за Ваших помощников и тех лиц, которые заявляют “требования” в указанном направлении.

Я считаю немедленный созыв Учредительного собрания, помимо фактической невозможности “немедленно” это сделать, гибелью всей огромной и успешной в общем борьбы с большевизмом. Это будет победа эсеровщины, того разлагающего фактора государственности, который в лице Керенского и К^о естественно довел страну до большевизма.

На это я никогда не пойду.

Сибирская армия разложена эсеровщиной, может быть, незаметной для Вас, но мне отлично видимой со стороны. Гайда²⁴, может быть, не отдавая себе отчета, создал обстановку, в которой под видом ложного демократизма в Сибирскую армию, в ее молодой состав проникло разложение, и последствия его теперь налицо.

В армии, где офицеры “требуют”, где пишутся такие рапорты, которые я читал у Вашего начальника штаба, не может не быть того, что в ней произошло.

Меня более всего удивляла Ваша полная неосведомленность о правительственной работе в области не только земельного и рабочего законодательства, но даже вопроса о материальном обеспечении войск, их семейств и проч.

Я пришел к убеждению и знаю, что мои приказы и правительственные распоряжения задерживаются в штабах Сибирской армии, и на почве незнания и непонимания велась определенная контрправительственная работа.

Все это уже пережито и испытано. Но я на путь ничтожного шутовства в стиле Керенского не могу вступить и обращаюсь к Вам, как к солдату, с приказанием немедленно прекратить во вверенной Вам армии работу, которая под красивыми лозунгами народовластия, народоправства неизменно приведет к новой вспышке большевизма. Я отдал сегодня приказ, в котором сжато сформулировал свои цели и задачи²⁵. Он должен служить для Вас директивой для внушения войскам и разъяснением им, за что мы ведем борьбу. Если Вы этого сделать не сумеете, то что же сделает какой-то “земский собор”, в который при настоящих условиях войдут те же элементы, которые уже привели государство к гибели.

Пора перестать обманывать народ и твердо вести его по тому пути, который указываем я и ген. Деникин²⁶ – другого выхода ведь нет.

Как командующему армией я приказываю Вам всеми средствами бороться с политиканством и ложным демократизмом и выбросить из состава армии те

²⁴ Гайда Радола (1892–1948) – один из инициаторов и руководителей анти-советского мятежа чехословацкого корпуса, командовал полком, дивизией, группой, с января до июня 1919 г. в звании генерал-лейтенанта командовал Сибирской армией.

²⁵ Приказ Колчака не обнаружен.

²⁶ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – один из руководителей российской контрреволюции, генерал-лейтенант (1916 г.). В 1899 г. окончил Академию Генерального штаба, участник Первой мировой войны (был начальником штаба Верховного главнокомандующего, командовал войсками фронтов). Один из организаторов Добровольческой армии, ее командующий. С января 1919 г. стал главкомом вооруженных сил юга России, военно-политическим лидером южной контрреволюции.

элементы, которые являются по существу предателями и изменниками, иногда не отдающими себе отчета в этом.

Нельзя позволить гнусной эсеровщине повторить свой опыт над Родиной. Я верю, что Вы, как солдат и патриот, поможете мне в этом.

Примите уверение в совершенном уважении
А. Колчак»²⁷.

Александр Колчак об Александре Колчаке

Полностью воспроизведем интервью Елены Чавчавадзе с внуком адмирала А.В. Колчака из газеты «Газета» за 7 февраля 2003 г., приуроченное к годовщине расстрела адмирала Александра Васильевича Колчака.

Заметки в газете весьма любопытного характера являются первой публикацией ближайших родственников адмирала (внука) в российской печати за все минувшие годы. Историческим материалом озаменовал внук 83-ю годовщину смерти адмирала.

Сегодня годовщина расстрела адмирала Александра Васильевича Колчака. Он погиб 7 февраля 1920 года. Внук адмирала, Александр Ростиславович Колчак, живет в Париже, ему семьдесят лет (1933 г.р.). Газета продолжает публикацию цикла интервью с потомками лидеров Белого движения.

«Он знал, что берется за дело гиблое, но все-таки взялся»

Я сознавал себя внуком адмирала Колчака с самого раннего детства. Но чтобы стать самим собой, мне нужно было прожить тридцать лет, порвать с родителями, уехать в Америку. Там я освободился от множества фобий, стереотипов и просто дурных привычек, занялся любимым делом – стал джазменом. Знаете, путь к самоосознанию – трудный, но единственный путь, которого мы достойны.

Все говорят, что я очень на деда похож. Не знаю – характеры у нас разные, потом, я совсем не моряк, по математике у меня просто круглый нуль, один глаз слабее другого, значит, все равно моряком никогда бы не стал. И вообще море не люблю, как только подумаю про корабль, сразу с души воротит. А вот кавалерист я, в общем, довольно приличный. Дед мой, Колчак Александр Васильевич, для меня – предтеча.

Это трудная и длинная тема – мое отношение к деду. Как бы вам сказать, где-то он мне старший брат, а не дед. Я думаю, то, за что он стоял, было бы очень полезно России, жаль, что не вышло по многим причинам, и, конечно, частично по его вине тоже. Хотя дело тут не в чьей-то вине. Когда он взялся за это дело, когда он стал Верховным правителем, Россия была уже пропавшая. Я думаю, он знал, что берется за дело гиблое, но все-таки взялся. Что сделано, то сделано, но предки мои, сгоревшие в пламени революции, – мне как братья. И то, что случилось в России в семнадцатом году, до некоторой степени, конеч-

²⁷ ЦГАОР. Ф. 341. Оп. 1. Д. 52об. Л. 1–3. Автограф А. Колчака.

но, случилось и со мной. Это касается не только России, но, когда общество не хочет меняться, не признает перемен, которые необходимы и которые уже давно надо было принять, общество это приговорено.

Это случилось не только с Россией, но и с Францией до Французской революции, и Германия до прихода Гитлера тоже ничего не понимала и не хотела понять. О необходимости перемен, прежде чем они столь трагически произошли, давно уже писали и Салтыков-Щедрин, и Достоевский. Колчак мог бы остаться в Америке, куда его Керенский послал, куда его сами американцы приглашали, мой дед был в Америке несколько месяцев. Было это в семнадцатом году, после того как его сняли с командования Черноморским флотом (который он, как мог, старался сберечь и укрепить). Я думаю, что Керенский лично почитал Александра Васильевича. Керенский понимал, в общем, что происходит в России, но он был безвольный человек и опирался не на тех, на кого нужно было опираться. Керенский к тому времени посадил Корнилова. Он полагал, что Колчак будет с Корниловым, что было очень вероятно.

Я не знаю точно, почему Колчака американцы приглашали, может быть, оттого, что он был выдающийся ученый, океанограф, специалист по Арктике, писал научные статьи, публиковался. Одна из его монографий переведена и хранится в Колумбийском университете. Я подозреваю, что в Америке ему предлагали остаться. Американцы ему говорили: «Знаете, такие, как вы, нам нужны, оставайтесь у нас, в России все равно все кончено». А дед отказался, потому что для него война продолжалась, пока Германия оставалась непобежденной. Война не окончена, Россия дала слово союзникам. Он узнал уже на корабле, возвращаясь, про революцию. И он сказал англичанам, потому что он был на английском военном корабле: «Возьмите меня хоть солдатом, я буду воевать». Англичане согласились. Но тут русский консул в Пекине сказал англичанам: «Этот человек нам нужен». Англичане его отдали в распоряжение русского консула. И русский консул ему сказал, что надо защищать Транссибирскую магистраль и всю Сибирь от большевиков. Колчак на это согласился.

«Я моряк и не могу быть сухопутным командующим»

А в Сибири было тогда два враждовавших между собой правительства. Одно в Омске, другое в Уфе. В Омске были эсеры, которые под шумок содействовали красным. Готовился красный переворот в Омске. И двух лидеров эсеров арестовали, посадили под стражу, потому что доказательства их вины были. Мой дед мог бы их расстрелять, но дал каждому по 100 тысяч рублей и выслал во Францию²⁸.

Вот какой он был диктатор кровавый. Было решено, что в России должна быть одна власть. Нужен диктатор. Вот и назначили деда Верховным правителем, чего он совсем не хотел. Он им говорил: «Я моряк и не могу быть сухопутным командующим». Но его убедили, и он в конце концов согласился стать Верховным правителем. Однажды, было это году в восемьдесят шестом, я прочитал в «Русской мысли» статью об адмирале Колчаке, где утверждалось, что он сам себя назначил Верховным правителем. Тогда я написал в «Русскую мысль» следующее: «Как ревнитель памяти Александра Васильевича Колчака и правдивости русской истории я не могу эту заметку пропустить без поправки. В столбце втором напечатано: "...После того как Колчак про-

²⁸ Это были эсеры члены Директории Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов.

извел переворот и объявил себя Верховным правителем...” – это утверждение ошибочно дважды.

За несколько дней до приезда адмирала Колчака в Омск, 15 октября 1918 года, туда же прибыла так называемая Российская Директория, выбранная на Уфимском государственном совещании. В Омске действовало Временное Сибирское правительство. Бывшему его председателю господину Вологодскому, ставшему членом Директории, было поручено составление Совета министров. При образовании этого совета Военно-морское министерство было предложено адмиралу Колчаку, проезжавшему через Омск из Владивостока. Александр Васильевич принял эту должность не только без желания, но даже после долгих убеждений. Сейчас же по принятии должности, то есть 9 ноября, он выехал на фронт. По некоторым свидетельствам, он вернулся в Омск 16-го числа того же месяца, а по другим, его вовсе в Омске не было, когда в ночь с 17 на 18 ноября два члена Директории, Авксентьев и Зензинов, эсеры, были арестованы казаками за явное пособничество красным и посажены под стражу. Впоследствии был спешно создан Совет министров, на котором, по всей вероятности, адмирал Колчак присутствовал. Решено было выбрать русское законное правительство. Тогда Совет министров, подчеркиваю, Всероссийского Временного правительства, решил, что обстоятельства требуют возглавления правительства одним человеком, по некоторым сведениям, голосование произошло после того, как адмирала Колчака попросили выйти из зала заседания.

Когда оказалось, что все голоса минус один пошли адмиралу, Совет министров его назначил Верховным правителем. Александр Васильевич Колчак принял эту должность с тяжелой душой и нес ее как крест. Исторические сведения для своего письма в «Русскую мысль» я почерпнул из книги Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

«Колчаковское золото», породившего слухи о баснословных ценностях, не было

Ни о каких переворотах мой дед даже думать бы себе не позволил, у него были личные причины отказаться от ядовитой чаши. Он был ученым, первоклассным морским офицером и минным техником, но никак уж не был (и об этом можно горько жалеть и восславлять его жертву) политиком. И переворота он не совершал, и самозванцем не был. К этому ведут, безусловно, все свидетельства, которые находятся в моем распоряжении, – и исторические, и личные, включая свидетельства очевидцев и лично, подлинно знавших его людей. Хочу также упомянуть одобрительный отзыв о поведении бывших чешских военнопленных в бою против красных. По моим сведениям, дрались они охотно только до провозглашения чехословацкой независимости 28 октября 1918 года и перемирия на Западе 11 ноября 1918 года, после чего они не только перестали драться, но ограничили свои усилия охраной единственной железнодорожной линии на Восток, загромождая ее многочисленными поездами, переполненными награбленным, чем значительно замедляли отход белых войск. Закончилось это трагедией – адмирал Колчак был предан, его выдали красным в Иннокентьеве те же чехи по приказу или с позволения французского генерала Жанена. Добыча чехов включала золотую казну Омского государственного банка, которую они пытались вывезти с собой. Но большевики у них казну отобрали, правда, не полностью.

Я хочу также процитировать Воззвание Колчака, оно имеет серьезный политический смысл и было также опубликовано в книге Гинеса «Сибирь, союз-

ники и Колчак», которая была издана в Харбине в 1921 году. Цитирую: «Адмирал Колчак обратился к населению со следующим воззванием: “Всероссийское Временное правительство распалось, Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенной по всему миру. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам. Верховный правитель адмирал Колчак, 18 ноября 1918 года, город Омск”».

Я думаю, что этот исторический документ характеризует моего деда исчерпывающе. Ничего тут не прибавить.

Хочу вновь сказать о слухах, прочно связанных с именем моего деда. Речь идет о «золоте Колчака». Речь идет о государственной казне в Омске, которая хранилась в Омском государственном банке. Это и было «колчаковское золото». То есть никакого «колчаковского золота», породившего слухи о баснословных ценностях, не было. Чехи пробовали вывезти эту казну из России, но им удалось вывезти только малую ее часть, а красные взяли эту казну, большую ее часть.

Когда его передали чехам, он сказал: «Так союзники меня предают?»

Трагедия Белой армии была еще и в том, что дали слово бороться с Германией до победы, дали слово и союзникам. А в штабе и в высших кругах думали, что эта война будет длиться несколько недель. А те, кто был ближе к реальным обстоятельствам, знали, в каком состоянии, например, русский флот, – это мой дед знал. Он и ему подобные очень много сделали, чтобы догнать немецкий флот, который так и не догнали. Но дрались с немцами на море храбро. Эти люди знали, что Россия не была готова к долгой войне. Именно во время этой долгой войны начался распад России. Никто не предвидел долгой войны, русские в начале войны послали вперед самые лучшие наши части, а потом пришла очередь резервистов, которых красная пропаганда разрабатывала.

Союзники предали адмирала Колчака, потому что им на него было по большому счету наплевать. Клемансо послал в Россию генерала Жанена, который был прохвостом, он номинально командовал этим экспедиционным корпусом, международным. Жанен с моим дедом очень не ладили. И Жанен избавился от него частично потому, что он его ненавидел, частично потому, что боялся чехов, потому что чехи шантажировали Жанена, они сказали: «Мы не пропустим вас, если вы нам не отдадите Колчака». И Жанен, конечно, перепугался и отдал моего деда.

Мне Агрохен, который был начальником личной охраны Колчака, говорил в Сан-Франциско (я его имя-отчество, к сожалению, не помню, ему было за девяносто лет, замечательный русский сибиряк): «Мы могли бы выскочить, нас было что-то сто человек, через чехов прорвались бы, мы могли, но ваш дед не согласился, потому что он верил союзникам».

Когда его передали чехам, дед сказал: «Так союзники меня предают?» Он верил, что когда он дал слово, то другие слово держат тоже. Не всегда так бывает.

«И переворота он не совершал, и самозванцем не был»

Россия потеряла в войнах и революции лучших своих офицеров. Некоторые остались и решили служить России другой, веря, что прежние времена вернуться. И ждать осталось, им так казалось, недолго. Не все они были перебежчики, не все они были красные. Но участь белых офицеров в Советской России известна. Вначале они обучали бойцов Красной армии, а потом их Сталин уничтожил. Пока они были полезны, пока они могли бы пригодиться, их использовали, а потом их уничтожили.

В военном деле белые офицеры были на высоте, а в политике, судя по всему, нет. Крестьяне подходили к моему деду и говорили: «А землю-то нам отдашь?» Он им отвечал, что это не в его власти, это он не может решить, это не его дело.

Это было политической ошибкой. Но легко говорить восемьдесят лет спустя, а тогда делом людей военных были военные действия, военная техника, война против немцев, потом Гражданская война...

А вопрос земли в России был большим вопросом столетий. Кому земля? Ведь крестьяне говорили: «Мы ваши, а земля наша». А вот они не решились, не смогли, не сумели, не сообразили, что надо было им обещать и тогда держать слово. Потому что большевики-то им обещали землю и мир, а потом случилось то, что вы знаете. Обещать-то легко. Ленин был политиком, он знал, что надо говорить людям.

Если размышлять, как надо было бы сделать, конечно, надо было нам сепаратный мир заключить в 1915 году, надо было остановить все – дом уже горел, ведь все знаки были, все всё знали, предвидели, надо было остановить эту войну и заняться тем, что дома происходит. А они дали слово. Истребили все наши лучшие войска – и вот что случилось.

А Ленин знал, что надо сначала эту войну остановить, даже пол-России оставить, ничего – он-то знал, что потом еще все это заберем назад. Считаю ли я Россию своей Родиной? И да, и нет. По историческим причинам и по семейным причинам – да. Я родился во Франции, я европеец, я американец с русским наследием, но чисто, исключительно русским – нет, не считаю себя. Живя в Америке, я усвоил важную истину: «Настоящий герой – живой герой!» Мертвым достается почет, поклонение, мифы и забвение, наконец. Адмирал Колчак остался в истории фигурой, скорее, загадочной, о нем, кроме имени, мало кто помнит исторические подробности. В этом забвении его трагедия. Он погиб, но семья-то осталась. Жена, сын. Они выжили.

Как уезжала жена его, моя бабушка Софья Федоровна, я точно не знаю, но знаю только, что она успела убежать на английском корабле в Константинополь, а как она бежала через Россию – не знаю. Я только одно могу рассказать, и это очень важно. Когда я жил в Америке, я занимался издательством книг «Преподавание иностранных языков на университетском уровне». Ежегодно профессура, авторы, издатели собирались вместе на трехдневный симпозиум. Собрания эти проходили почти в семейной атмосфере. И вот встречаю я там профессора Якобсона, известного лингвиста, он меня представляет своей жене, и она мне на превосходном русском говорит: «Вы родня адмирала?» – «Я его внук». – «А вы знаете, что мы знакомы с вашей семьей?» Я говорю: «Откуда?» – «А вот мой отец, который был сапожником, в России вашу бабушку прятал несколько дней у себя, когда она бежала от большевиков».

Но сама Софья Федоровна никогда мне об этом периоде в жизни нашей семьи не рассказывала. Наверное, ей очень больно было об этом вспоминать. Она не написала об этом и в своих мемуарах. Правда, она начала писать свои вос-

поминания уже в позднем возрасте. А когда она была молодой женщиной, у нее был удар, папаша мой был совсем еще мальчиком, ему было лет одиннадцать-двенадцать. После удара ее здоровье и голова стали все хуже и хуже, она стала писать неразборчиво, ее последние тетрадки уже разбирать невозможно.

**«Она была аристократкой до мозга костей,
и дети ее выглядели соответственно»**

А другая моя бабушка – Развозова²⁹ – бежала из России во время революции с фальшивым паспортом. Она была тогда молода и очень красива. С ней были пятеро ее детей и двое от родственников наших Старков, а кроме детей, чемоданы, сундуки... Она рассказывала (я сам это слышал): стоит она с фальшивым паспортом, в котором написано «Иванова», и со всем своим скарбом и семейством, а молодой таможенник, большевик, смотрит на паспорт, на нее смотрит: «Да, госпожа Иванова...». И бабушка сознает, что он отлично понимает: она похожа на Иванову, как Николай Второй на какого-нибудь мещанина Попова. Она была аристократкой до мозга костей, и дети ее выглядели соответственно. Посмотрел на нее таможенник, печально улыбнулся и сказал: «Ну что ж, гражданка, если вы не можете с нами оставаться, поезжайте». И выпустил. Потому что был сердечный человек.

В те времена свободней выпускали, это потом уже невозможно было уехать. Вначале она попала в Финляндию, из Финляндии перебралась во Францию. И во Франции, по-моему, она проживала в Медоне. А сам Развозов, адмирал, умер после нескольких неудачных операций вследствие аппендицита. Дед мой был не только ученым-океанологом, полководцем, он был композитором, но не всю свою жизнь. Он сочинил один только романс. Я этот романс никогда не слышал, но мне рассказывали, что какая-то кассета в России существует, где этот романс записан, и есть ноты, где сохранилась подпись Колчака. Вот все, что я знаю. Мне самому очень бы хотелось услышать. Существует легенда о том, что, якобы, перед расстрелом он пел этот романс. Но это не легенда, а чушь. Человек был в тюрьме у красных, они его выводили в полнолуние – какая там музыка? Они даже ему не позволяли с Анной Васильевной, его полковой женой, видаться. Позволяли ему гулять, кажется, полчаса в день, пока они там сидели вместе в тюрьме, мой дед и Анна Васильевна. Это была большая любовь, глубоко личная жизнь моего деда. Больше я ничего прибавить не могу.

Я слышал только, что она была очень несчастной, ее очень травили годами. Она дожила до глубокой старости, кажется. А бабушка моя, его жена Софья Федоровна, чувствовала, догадывалась, знала, наверное. Кажется, Александр Васильевич подавал на развод, но больше ничего не знаю.

**«У меня к таксистам особенная нежность –
только они и могли понять в Париже по-русски»**

Г.К. Старк командовал Тихоокеанским флотом. Когда революция ахнула, он был около Америки. Он поплыл в Америку с флотом, со своими матросами и офицерами, продал корабли Америке, разделил все деньги от продажи между матросами и офицерами. Себе оставил только, чтобы вернуться во Францию, потому что его дети были с моей бабушкой Развозовой. Он купил такси и был

²⁹ Ее дочка Развозова Екатерина Александровна – мать внука адмирала А.В. Колчака.

таксистом всю свою жизнь, помогал бабушке воспитать своих детей. Он мне сам это рассказывал, по моей просьбе.

Знаете, как я узнал? Я жил в Сан-Франциско два года и там встречал многих русских тех времен. Среди эмигрантов первой волны я встретил батюшку русского, православного, отца Штеммера, который был сыном Штеммера, министра. И он мне рассказывал, что плавал совсем молодым морским офицером под командованием Г.К. Старка. Вот как я узнал. Все они были таксистами: и Г.К. Старк, и дядя мой Егор Дризен.

Вообще у меня к таксистам особенная нежность, потому что в тридцатых годах только они и могли понять в Париже по-русски. Некоторые из них даже по-французски никогда не учились. По этому поводу я вам могу анекдот рассказать.

Садимся мы как-то в такси, с родителями, я сажусь вперед – я всегда садился вперед в такси. Я учился таким образом водить машину. Значит, родители сзади, я впереди. А водитель – очень почтенный, худощавый, курит сигаретку, у него мундштук. Я говорю по-французски: «Пожалуйста, поедem, Лорд Байрон». – «Ну, вы русский!» Я говорю: «Да. А откуда вы знаете?» – «А потому что только русские могут произносить это имя. Все французы говорят по-своему, а вот русские умеют произносить “Байрон” как следует».

Это легендарное поколение парижских таксистов, во многом из русских аристократов, давно ушло. Унесло с собой русскую трагедию и трагедию русской армии, невысказанную историю каждого – от солдата до командующего. А в те годы их можно было видеть в кафе рядом со стоянкой такси. Там была особая «табачно-картежная» атмосфера. Таксисты играли в карты в таком дыму, что его можно было резать ножом. Звучала русская речь. Это можно было застать в Париже совсем еще недавно: в конце сороковых – начале пятидесятых³⁰.

³⁰ Интервью вошло в фильм «Русский выбор», телеканал «Россия». Автор – Елена Чавчавадзе.

В трагическом финале жизни А.В. Колчака этой женщине суждено было сыграть героическую роль

Спустя полвека в своих заявлениях Анна Васильевна писала:

«Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его и была с ним близка и не могла оставить его в последние дни его жизни. Вот в сущности всё. Я никогда не была политической фигурой, и ко мне лично никаких обвинений не предъявлялось».

Так писала Анна Васильевна Книпер во второй половине 1950-х в своих заявлениях о реабилитации, не достигавших цели. Через полвека после гибели А.В. Колчака она ощутила потребность доверить бумаге свои воспоминания» [116, с. 7].

«Последняя записка, полученная мною от него в тюрьме, когда армия Капеля, тоже погибшего в походе, подступала к Иркутску: “Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось – только бы нам не расставаться”.

И я слышала, как его уводят, и видела в волчок его серую папаху среди черных людей, которые его уводили.

И все. И луна в окне, и черная решетка на полу от луны в эту февральскую лютую ночь. И мертвый сон, сваливший меня в тот час, когда он прощался с жизнью, когда душа его скорбела смертельно. Вот так, наверное, спали в Гефсиманском саду ученики. А наутро – тюремщики, прятавшие глаза, когда переводили меня в общую камеру. Я отозвала коменданта и спросила его:

– Скажите, он расстрелян?

И он не посмел сказать мне “нет”:

– Его увезли, даю Вам честное слово.

Не знаю, зачем он это сделал, зачем не сразу было узнать мне правду. Я была ко всему готова, это только лишняя жестокость, комендант ничего не понимал» [137, с. 142].

Анна Васильевна впервые увидела А.В. Колчака на вокзале в 1913 г., когда провожала мужа в Гельсингфорс (Хельсинки). Мимо них прошел стремительным шагом, невысокий, широкоплечий офицер. Муж сказал: «Это Колчак-Полярный, он недавно вернулся из Арктической экспедиции».

Вся дальнейшая ее жизнь прошла в ореоле любви к Александру Васильевичу Колчаку.

Их реальные встречи были слишком кратковременными, а все остальное пространство глубоких чувств и трепетной души заполнял яркий, красочный, сияющий всеми цветами мир [138, с. 5–20].

В письмах Анна Васильевна писала о своей любви к Александру Васильевичу. Вот письмо, отправленное 92 года тому назад¹.

«Бренуэ (Финляндия. – В.С.)

8 августа [1916 г.]

Милый Александр Васильевич, я так жду каждого Вашего письма и все-таки каждый раз, как получаю его, оно для меня нечаянная, большая радость – спасибо Вам за нее. Вы всегда казались мне таким бесконечно далеким, живущим своей сложной, ничего не имеющей общего со мной жизнью, что если бы кто-нибудь сказал мне, ну, полгода тому назад, что Вы будете писать мне такие прелестные письма, будете думать обо мне, – я бы просто рассмеялась, вероятно, смотря на это, как на шутку. Все последние дни я почему-то все вспоминала начало нашего знакомства, Александр Васильевич, все встречи, которые прошли для Вас, вероятно, почти незаметно, но которые я очень хорошо помню. Первый раз я увидела Вас вблизи у Подгурского², когда приезжала еще из Петрограда на несколько дней. Вы рассказывали что-то об “элементалях и нер-

¹ Все дальнейшее цитирование сделано по двум книгам:

Книпер А.В. Фрагменты воспоминаний / Публикация К. Громова и С. Боголепова // Фрагменты личных воспоминаний: Минувшее: Исторический альманах. Т. 1. М.: Прогресс; Феникс, 1990. С. 99–190, 384.

Милая химера в адмиральской форме: Сборник. Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку 18 июля 1916 – 17–18 мая 1917 г. / Издание подготовили А.В. Смолен и Л.И. Спиридонова. СПб., 2002. 240 с.

² Подгурский Николай Люцианович (1877–1918), контр-адмирал (6 декабря 1916 г.). В 1897 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. Во время Первой мировой войны командовал крейсером «Россия» (1914–1915), бригадой, затем дивизией подводных лодок (1915), отрядом судов Ботнического залива. После ухода в отставку уехал в Ревель. Умер от испанки.

В тексте писем А.В. Тимирева называет Подгурского Николаем Константиновичем, тогда как в официальных бумагах он значился как Николай Люцианович. Такое разночтение объясняется тем, что его отца, поляка по национальности, звали Люциан Константин. Вероятно, в быту Подгурский пользовался вторым отчеством.

вах”³, и было хорошо и просто. Милый Александр Васильевич, могла ли я думать, что так скоро Вы будете маленьким царем и богом где-то в неведомой стране, где даже дамы находятся у Вас под началом, и еще, что я так много буду о Вас думать? Вижу, что Ваши обязанности еще гораздо разнообразнее и сложнее, чем я предполагала.

На палубе корабля я могу Вас себе представить довольно легко, но в “ботфортах со шпорами” решительно отказываюсь. Хорошо, что Вы не можете облегчить себе управление таким противоестественным видом.

Сейчас уже двенадцатый час, в доме тихо, и я могу на свободе окончить письмо Вам, Александр Васильевич, начатое днем под аккомпанемент трех пар детских ног, бегающих прямо над моей головой, и соответственного визга – порядочный кошмар.

Здесь, на Бренуэ я, вероятно, останусь еще с неделю, а потом – в город, откуда собираюсь числа 17–18 проехать на несколько дней в Петроград и потом в Ревель, искать пристанища на зиму. Только что получила очень меня встревожившее письмо от сестры о болезни отца⁴; теперь ему лучше, но воспаление легких для человека за 60 лет вещь нелегкая, и это меня беспокоит и огорчает. Ну, даст Бог, все будет хорошо.

Вы пишете мне о боязни утратить мое отношение к Вам. Не знаю, что сказать Вам на это, не знаю, что будет потом, но сейчас, несмотря на тысячи верст, лежащие между нами, и X времени перед возможной встречей, *мне кажется, что у меня нет более дорогого и близкого мне друга, чем Вы, милый Александр Васильевич*. Знаете, этой зимой мне часто приходила в голову ужасно глупая мысль: мне хотелось как-нибудь отплыть с Вами на одном ледоколе, идущем из Гельсингфорса в Ревель среди густого льда, т[ак] ч[тобы] он застрял где-нибудь по дороге на добрые сутки. Правда, смешно?⁵

Здесь произвело некоторую сенсацию появление Эбергардта⁶, кот[орый] поселился в Гельсингфорсе на несколько дней; никто не может понять, почему он сюда попал.

³ Элементали, или элементалы, – в оккультистско-розенкрейцерской метафизике – духи четырех стихий: огонь (саламандры), вода (ундины), воздух (ильфы), земля (гномы). Учение об элементалиях сложилось не ранее XVI в. Элементалиям неведома мораль и непонятны человеческие чувства. Они завидуют бессмертию человеческой души и сходятся с людьми, чтобы причинить им вред.

⁴ Сафонов Василий Ильич (1852–1918) – пианист, дирижер, педагог. Отец А.В. Тимиревой. В 1872 г. окончил Александровский лицей, в 1880 г. – Петербургскую консерваторию. С 1885 г. профессор Московской консерватории, а с 1889 г. ее директор. В 1905 г. вышел в отставку. В 1906–1909 гг. жил в США, концертировал в России и за границей. Создал свою пианистическую школу (А.Н. Скрябин, Л.В. Николаев, А.Ф. Гедике, сестры Гнесины, Н.К. Метнер, И.А. Левин и др.). Умер в Кисловодске.

⁵ К слову «смешно» приписка А.В. Колчака синим карандашом: «нет, мне не смешно».

⁶ Эбергардт Андрей Августович (1856–1919), адмирал (1913). В 1879 г. окончил Морское училище. Во время русско-японской войны начальник Морского походного штаба наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке адмирала Е.А. Алексеева. Впоследствии помощник начальника МГШ (1906–1908), а затем его начальник (1908–1911). В 1911–1916 гг. командующий Морскими силами Черного моря. Отстранен от должности за пассивность. С 28 июня 1916 г. член Государственного Совета, с 15 июня 1917 г. член Адмиралтейств-совета. В отставке с декабря 1917 г. Умер в Петрограде. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Я не знала, что у Вас в гостях бывают цепелины; кажется, это новость? По крайней мере раньше о них как-то не было слышно. Мы все скучаем о Зунгулдаке⁷, который как-то исчез с лица земли. Куда Вы его девали, Александр Васильевич?

У нас так холодно и по-осеннему дождливо, что это нагоняет на меня уныние. Особенно ночи – мрачные, облачные, темные “оперативные” ночи, – совсем в Вашем вкусе. Может быть на море они и очень хороши, но на Бренуэ, где темнота не имеет боевого значения, – это просто уныло. А из Вашего письма на меня так и потянуло теплом. Мне бы так хотелось попасть теперь на юг, даже не в Севастополь, т[ак] к[ак] я при всем желании не могу придумать сколько-нибудь возможного предлога для такого путешествия, ну а хоть в Кисловодск, но пока Сергей Николаевич плавает и приходит сюда, я не хочу трогаться с места.

*Я часто думаю о том, как мы встретимся с Вами, Александр Васильевич, и не могу себе представить этого*⁸. Больше и яснее всего я представляю себе Вас в последние минуты Вашего отъезда на Ревельском вокзале. Да, я не писала Вам, каковы были напутственные слова Василия Александровича⁹, когда трогался поезд, сказанные им наполовину Вам, наполовину провожавшим Вас дамам: “Купите ему (“он” – это Вы) средство от загара!!!!” Не правда ли, какая прелесть? Несмотря на то, что мне очень было грустно, я все-таки пришла в восторг от такого совета. Сейчас выяснилось, что я так много изорвала бумаги, начиная и не кончая Вам письма, что это последний лист, т[ак] ч[то] надо кончать, да и пора, пожалуй. Сейчас можно спать – я живу одна в нижнем этаже дачи и сплю на диване: он такой жесткий, что к утру у меня болит спина, зато над ним лампа, при которой очень удобно читать Ваши письма, что я обыкновенно делаю перед сном.

Всего хорошего пока, дорогой Александр Васильевич, еще раз спасибо Вам за письмо – Вы меня балуете сверх меры и моего ожидания.

Да хранит Вас Господь.

До свидания, милая былая химера?¹⁰»

⁷ Зунгулдак – угольный порт на турецком побережье Черного моря. Отсюда шел уголь в Константинополь. В результате постановки русских минных заграждений и дежурства миноносцев и подводных лодок вывоз угля в столицу почти прекратился.

⁸ После подчеркнутых слов следует приписка А.В. Колчака «да».

⁹ Канин Василий Александрович (1862–1927), адмирал (1916). В 1882 г. окончил Морское училище. Командовал линкором «Синоп», 4-м дивизионом эсминцев Балтийского флота. В 1915 г. начальник Минной обороны Балтийского моря. В 1915–1916 гг. командующий Флотом Балтийского моря. Член Государственного Совета и Адмиралтейств-совета. В апреле 1917 г. второй помощник морского министра. Уволен в отставку 13 декабря 1917 г. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых. В 1919 г. командующий Черноморским флотом. В эмиграции. Умер во Франции в Марселе.

¹⁰ Фантазия, неосуществимая мечта.

Вспоминая адмирала

Об А.В. Колчаке Анна Васильевна писала нежно и трогательно, с большой осторожностью подыскивая нужные слова для такого неординарного и светлого человека, каким был всегда немного печальный и с грустью в глазах адмирал, став Верховным правителем России.

А.В. Колчак, с глубоко спрятанной тревогой, понимал, что он слишком интеллигентен, слишком хрупок для такого жестокого и кровавого действия, каким оказывается на практике любая война, и Анна Васильевна все это тонко чувствовала и призывала Бога.

«За все время, что я знала его – пять лет, – я не слыхала от него ни одного слова неправды, он просто не мог ни в чем мне солгать. Все, что пытаются писать о нем – на основании документов, – ни в какой мере не отражает его как человека больших страстей, глубоких чувств и совершенно своеобразного склада ума.

В Харбине, когда я жила в гостинице, у меня постоянно бывали наши попутчики по вагону, Баумгартен и Герарди, оба были немного влюблены в меня. Когда я собралась ехать в Японию, Александр Васильевич как-то заехал за мной, чтобы покататься на автомобиле. Едем мы, а он посмеивается. В чем дело? “Знаете, у меня сегодня был Баумгартен”. – “Зачем?” – “Он спросил меня, буду ли я иметь что-нибудь против, если он поедет за Вами в Японию”. – “Что же Вы сказали?” – “Я ответил, что это вполне зависит только от Анны Васильевны”. – “А он?” – “Он сказал: потому что я не могу жить без Анны Васильевны”. – “Я ответил: вполне Вас понимаю, я сам в таком же положении”.

И все это на полном серьезе.

На другой день Баумгартен мне говорит: “Знаете, Анна Васильевна, Александр Васильевич очень отзывчивый человек”.

В Японию за мной он не поехал, мы остались добрыми друзьями. Он все понял» [137, с. 132].

«Был июнь (июль?) месяц, ясные дни, тихое море. Александр Васильевич встретил меня на вокзале в Токио, увез меня в «Империал-отель». Он очень волновался, жил он в другом отеле. Ушел – до утра.

Александр Васильевич приехал ко мне на другой день. «У меня к Вам просьба». – «?» – «Поедемте со мной в русскую церковь».

Церковь почти пуста, служба на японском языке, но напевы русские, привычные с детства, и мы стоим рядом молча. Не знаю, что он думал, но я припомнила великопостную молитву «Всем сердцем». Наверное, это лучшие слова для людей, связывающих свои жизни.

Когда мы возвращались, я сказала ему: «Я знаю, что за все надо платить – и за то, что мы вместе, – но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, только не утрата той полной нашей душевной близости, я на все согласна».

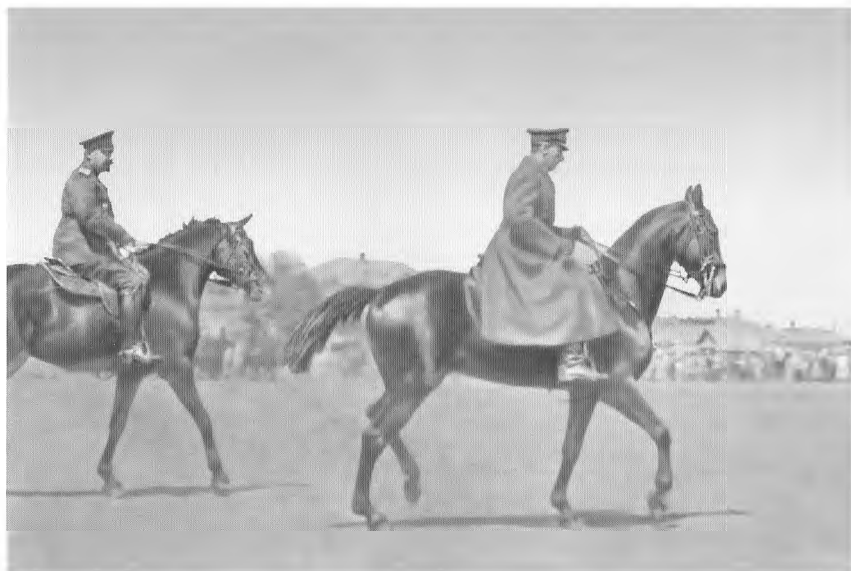
Что ж, платить пришлось страшной ценой, но никогда я не жалела о том, за что пришла эта расплата.

Александр Васильевич увез меня в Никко, в горы.

Это старый город храмов, куда идут толпы паломников со всей Японии, все в белом, с циновками-постелями за плечами. Тут я поняла, что значит – возьми одр свой и ходи: одр – это просто циновка. Везде бамбуковые водопроводы на



А.В. Колчак – Верховный правитель России. 18 ноября 1918 г.



А.В. Колчак на параде в Омске. 1919 г.



А.В. Колчак, Ф. Нокс и А.В. Тимирёва на параде в Омске. 1919 г.



А.В. Колчак в Омске. 1919 г.



А.В. Колчак после посещения госпиталя в Омске. Слева от него – контр-адмирал М.И. Смирнов, за спиной Смирнова – А.В. Тимирёва, крайний справа – начальник личной охраны А.В. Колчака полковник А. Удинцов. 1919 г.



Посещение адмиралом А.В. Колчаком минно-машинной школы морского ведомства. Томск. 1919 г.



А.В. Колчак во время поездки на фронт, у казаков. Слева – контр-адмирал М.И. Смирнов. 1919 г.



А.В. Колчак во время поездки на фронт с сыном полка. 1919 г.



Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. 1919 г.



А.В. Колчак в действующей армии. 1919 г.



А.В. Колчак во время поездки на фронт. 1919 г.



А.В. Колчак проверяет боеготовность армии. 1919 г.



А.В. Колчак на фронте слушает доклад командира. 1919 г.



Адмирал А.В. Колчак вручает Георгиевские кресты солдатам. 1919 г.



Верховный правитель вручает полковое знамя.
1919 г.



Хлеб-соль. А.В. Колчак среди крестьян. 1919 г.



Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, справа – французский генерал Жанен. 1919 г.



Агитплатат на вагоне. 1919 г.



Адмирал А.В. Колчак во время поездки на фронт. 1919 г.



Чешские легионеры на привале. 1920 г.



Конвой вагона А.В. Колчака (чешские легионеры). 1920 г.



Сибирскому медведю не до спячки. 1920 г.



Подготовка пулеметов к боевым действиям. 1920 г.

Командующий Сибирским фронтом и Верховный Правитель России, Адмирал Александр Васильевич Колчакъ.
Преданъ верх. ком. Франціи генералом



Жанень и командующимъ чешскимъ корпусомъ, генер. Сыровымъ въ Иркутскѣ социалистамъ рево-рамъ, асами послѣдними, въ тотъ-же день переданъ большевикамъ, разстрѣлявшимъ Адмирала въ Иркутской тюрьмѣ, 7 февраля 1920 года.

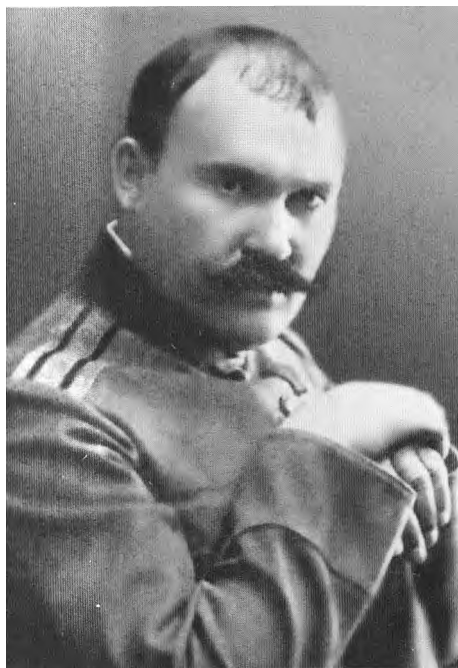
Фото из альбома генерала Е.К. Климовича, начальника контрразведки армии генерала Л.Н. Врангеля (из собрания А.Б. Арсенкова)



А.В. Колчак. Последние дни. 1920 г.



Генерал-лейтенант А.И. Деникин (1872–1947), с 4 января 1920 г. – Верховный правитель России, с апреля 1920 г. в эмиграции



Генерал-лейтенант Г.М. Семенов (1890–1946). В начале 1919 г. при поддержке японских интервентов объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. С 4 января 1920 г. преемник А.В. Колчака на территории «Российской восточной окраины». С 1921 г. в эмиграции, руководил деятельностью белоэмигрантов Дальнего Востока. В 1945 г. захвачен советскими войсками в Манчжурии и по приговору суда казнен



Группа генералов и офицеров. Сидят, слева направо: генерал-лейтенант Р. Гайда (Р. Гейдль), адмирал А.В. Колчак, генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, генерал-майор С.А. Домонтович. 1919 г.



Белочешский генерал Р. Гайда вместе с представителями союзных войск гарантировали А.В. Колчаку полную безопасность, но, спасая себя, предали его



Казачи-кавалеристи – солдати армii А.В. Колчака

весу, всюду шелест струящейся воды. Александр Васильевич смеялся: «Мы удалились под сень струй».

Мы остановились в японской части гостиницы, в смежных комнатах. В отеле были и русские, но мы с ними не общались, этот месяц единственный. И кругом горы, покрытые лесом, гигантские криптомерии, уходящие в небо, горные речки, водопады, храмы красного лака, аллея ста Будд по берегу реки. И мы вдвоем. Да, этот человек умел быть счастливым.

В самые последние дни его, когда мы гуляли в тюремном дворе, он посмотрел на меня, и на миг у него стали веселые глаза, и он сказал: «А что? Неплохо мы с Вами жили в Японии». И после паузы: «Есть о чем вспомнить». Боже мой...

Сегодня я рано вышла из дома. Утро было жаркое, сквозь белые облака просвечивало солнце. Ночью был дождь, влажно, люди шли с базара с охапками белых лилий в руках. Вот точно такое было утро, когда я приехала в Нагасаки по дороге в Токио. Я ехала одна и до поезда пошла бродить по городу. И все так же было: светло сквозь облака просвечивало солнце, и навстречу шел продавец цветов с двумя корзинами на коромысле, полными таких же белых лилий. Незнакомая страна, неведомая жизнь, а все, что было, осталось за порогом, нет к нему возврата. И впереди только встреча, и сердце полно до краев.

Не могу отделаться от этого впечатления.

(Киев, июль 69 г.)» [137, с. 137–138]

«Как трудно писать то, о чем молчишь всю жизнь, – с кем я могу говорить об Александре Васильевиче? Все меньше людей, знавших его, для которых он был живым человеком, а не абстракцией, лишенной каких бы то ни было человеческих чувств. Но в моем ужасном одиночестве нет уже таких людей, какие любили его, верили ему, испытывали обаяние его личности, и все, что я пишу, – сухо, протокольно и ни в какой мере не отражает тот высокий душевный строй, свойственный ему. Он предъявлял к себе высокие требования и других не унижал снисходительностью к человеческим слабостям. Он не разменивался сам, и с ним нельзя было размениваться на мелочи – это ли не уважение к человеку?»

И мне он был учителем жизни, и основные его положения: «ничто не дается даром, за все надо платить – и не уклоняться от уплаты» и «если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу – тогда не так страшно» – были мне поддержкой в трудные часы, дни, годы.

И вот, может быть, самое страшное мое воспоминание: мы в тюремном дворе вдвоем на прогулке – нам давали каждый день это свидание, – и он говорит:

– Я думаю – за что я плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за Вас – я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничто не дается даром.

Это не имеет отношения к тому, что я пишу, а вот вспоминается. Было это в самом начале знакомства с А.В.¹¹ Он редко бывал в Гельсингфорсе. Но у его жены я бывала часто – очень она мне нравилась. Был чудесный зимний день, я зашла к ней, застала ее в постели: «Поедемте кататься, день такой прекрасный». Она быстро оделась, взяли извозчицы санки и поехали. Тихо, мороз, все деревья в инее в Брумстпарке. И вдруг – музыка. Мы жили еще по старому

¹¹ А.В. – Александр Васильевич Колчак.

стилю и забыли, что сегодня католический сочельник. Костел ярко освещен, белые деревья как золотые, в зимних сумерках. Мы вошли, полно народу; орган уставлен маленькими красными тюльпанами и свечами, ясли с восковым младенцем. Музыка, и все вместе – такое очарование, как во сне. И мы вышли в ночь с незабываемым чувством живой поэзии.

А нет, не расскажешь.

И в другой раз мы с С.Ф.¹² (поехали кататься по заливу, день был как будто теплый, но все-таки я замерзла, и С.Ф. сняла с себя великолепную черно-бурую лису, надела мне на плечи и сказала: “Это портрет Александра Васильевича”. Я говорю: “Я не знала, что он такой теплый и мягкий”. Она посмотрела на меня с пренебрежением: “Многого Вы еще не знаете, прелестное молодое существо”. И правда, ничего я не знала, никогда не думала, чем станет для меня этот человек. И до сих пор, когда ее давно уже нет в живых, мне все кажется, что, если бы довелось нам встретиться, мы не были бы врагами. Что бы то ни было, я рада тому, что на ее долю не выпало всего того, что пришлось пережить мне, так все-таки лучше.

Никогда я не говорила с А.В. о его отношении к семье, и он только раз сказал о том, что все написал С.Ф. Как-то раз я зашла к нему в кабинет и застала его читающим письмо – я знала ее почерк, мы переписывались, когда она уехала в Севастополь. Потом он мне сказал, что С.Ф. написала ему, что хочет только создать счастливое детство сыну. Она была благородная женщина.

После смерти А.В. она хотела получить его записки, попавшие в Пражский музей, их ей не выдали. И хорошо сделали – в основном это были адресованные мне и неотправленные письма. Эти письма через 50 лет я получила (переписанные для меня из московского архива), ей не надо было их читать, это свидетельство его любви, несмотря на сдержанность тона и на то, что из них ясно отсутствие между нами близости.

Я вспоминаю ее с уважением и душевной болью, но ни в чем не упрекаю себя. Иначе поступить я не могла» [137, с. 138–139].

А.В. Колчак предчувствовал — катастрофа надвигается

«Из Омска я уехала на день раньше А.В. в вагоне, прицепленном к поезду с золотым запасом, с тем, чтобы потом переселиться в его вагон. Я уже была тяжело больна испанкой, которая косила людей в Сибири. Его поезд нагнал наш уже после столкновения поездов, когда было разбито несколько вагонов, были раненые и убитые. Он вошел мрачнее ночи, сейчас же перевел меня к себе, и началось это ужасное отступление, безнадежное с самого начала: заторы, чеки отбирают на станциях паровозы, составы замерзают, мы еле передвигаемся. Куда? Что впереди – неизвестно. Да еще в пути конфликт с генералом Пепеляевым, который вот-вот перейдет в бой. Положение было такое, что А.В. решил перейти в бронированный паровоз и, если надо, бой принять. Мы с ним прощались, как в последний раз. И он сказал мне: “Я не знаю, что будет через час. Но Вы были для меня самым близким человеком и другом и самой желанной женщиной на свете”.

¹² С.Ф. – Софья Федоровна Колчак.

Не помню, как все это разрешилось на этот раз. И опять мы ехали в неизвестность сквозь бесконечную, безвыходную Сибирь в лютые морозы.

Вот мы в поезде, идущем из Омска в неизвестность. Я захожу в купе. Александр Васильевич сидит у стола и что-то пишет. За окном лютый мороз и солнце.

Он поднимает голову:

– Я пишу протест против бесчинств чехов – они отбирают паровозы у эшелонов с ранеными, с эвакуированными семьями, люди замерзают в них. Возможно, что в результате мы все погибнем, но я не могу иначе.

Я отвечаю:

– Поступайте так, как Вы считаете нужным.

День за днем ползет наш эшелон по бесконечному сибирскому пути – отступление.

Мы стоим в коридоре у замерзшего окна с зав. печатью в Омске Клафтоном. Вдруг Клафтон спрашивает меня: “Анна Васильевна, скажите мне, как по Вашему, просто по Вашему женскому чутью – чем все это кончится?”

“Чем? Конечно, катастрофой”.

О том же спрашивает Пепеляев: “Как Вы думаете?”

“Что же думать – конечно, союзное командование нас предаст. Дело проиграно, и им очень удобно – если не с кем будет считаться”. – “Да, пожалуй, Вы правы”.

И так целый месяц в предвидении и предчувствии неизбежной гибели. В одном только я ошиблась – не думала пережить его.

Долгие годы не могла я видеть морозные узоры на стекле без душевного содрогания, они сразу переносили меня к этим ужасным дням.

И можно ли до конца изжить все, что было...

Июнь 1969 г.

Приблизительно с месяц тому назад мне позвонил по телефону М.И. Тихомиров – писатель, который пробовал писать роман об А.В. Колчаке и, узнав, что я еще жива, приехал ко мне для разговора.

Роман он написал скверный, сборный – и, собственно, о генерале Лукаче. Эпизодически и об Александре Васильевиче, меня наградил княжескими титулами и отвел крайне сомнительную роль, ничего общего со мной не имеющую, и имел дерзость мне его прислать. Перелистав, я читать его не стала. Но тут он сообщил мне, что в архиве сохранились не отправленные мне письма А.В., частично напечатанные в журнале «Вопросы истории» № 8 за 1968 г., что писатель Алдан-Семенов имел их в руках и может мне передать в перепечатке из журнала.

Я просила его передать Алдан-Семенову, чтобы он доставил мне их. Письма 1917–1918 годов. Тот привез их мне.

И вот больше чем через 50 лет я держу их в руках. Они на машинке, обезличенные, читанные и перечитанные чужими, – единственная документация его отношения ко мне. Единственное, что сохранилось из всех его писем, которые он мне писал с тех пор, как уехал в Севастополь, – а А.В. в эти два года писал мне часто. Даже в этом виде я слышу в них знакомые мне интонации. Это очень трудно – столько лет, столько горя, все войны и бури прошли надо мной, и вдруг опять почувствовать себя молодой, так безоглядно любимой и любящей. На все готовой. Будто на всю мою теперешнюю жизнь я смотрю в бинокль с обратной стороны и вижу свою печальную старость. Какая была жизнь, какие чувства.

Что из того, что полвека прошло, никогда я не смогу примириться с тем, что произошло потом. *О Господи, и это пережить, и сердце на куски не разорвалось*¹³» [137, с. 140–141].

В протоколе допроса от 7 декабря 1921 г. ее показания выглядели так: «В Сибирь приехала в мае 1918 г. сначала во Владивосток, некоторое время жила за границей в Японии. Летом 18-го года я сошлась с адмиралом Колчаком, с которым была знакома... и была фактически его гражданской женой» [116, с. 331].

Анна Васильевна в то страшное время невольно стала свидетельницей ареста сильного и любимого ею человека, который произошел в вагоне, когда она находилась рядом с Колчаком. Предатели одержали верх над тем, кто был доверчив и не подготовился к защите. Именно так был организован этот вероломный захват Колчака: вооруженные люди из его же сопровождения ворвались в вагон и арестовали адмирала.

По воспоминаниям Тимиревой, он сильно побледнел, но самообладания не потерял. Спазм перехватил дыхание, адмирал с трудом сказал что-то о явной измене, о человеческой непорядочности и об обещанной генералом Жаненом безопасности ... Но его уже никто не слышал, вернее не хотели слышать. Это был «голос страждущего в пустыне», крик души. За сутки Колчак совершенно поседел. Анна Васильевна брала его руки в свои и со слезами на глазах шепотом произносила молитву, надеясь, что Всевышний ее услышит и поможет...

Первое «тюремное счастье» Анны Тимиревой продолжалось недолго, всего 21 день – с 15 января по 6 февраля 1920 г.

Даже в местах, где человек, казалось бы, находится в полной изоляции, есть свои средства связи. Иркутская тюрьма вечером 6 февраля была обеспокоена страшным известием. Тихое постукивание по кирпичным стенам сообщило о том, что ночью будут казнены лидеры Белого движения А.В. Колчак и премьер-министр В.Н. Пепеляев. Об этом первой узнала находящаяся в иркутской тюрьме М.А. Гришина-Алмазова (вдова генерала А.Н. Гришина-Алмазова) и сообщила своей подруге по Омску, а ныне соседке по камере А.В. Тимиревой. Анна Васильевна сумела известить Колчака о надвигающейся развязке. Вспыльчивый идеалист, полярный мечтатель и во многом еще жизненный младенец, Колчак встретил смерть достойно, как подобает русскому морскому офицеру, с высоко поднятой головой.

Анна Васильевна осталась...

¹³ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Весь день она лежала в забытьи...» (1864): «О Господи!.. и это пережить... / И сердце на клочки не разорвалось...»

А.В. Тимирева, урожденная Сафонова, родилась в семье известного музыканта В.И. Сафонова (1852–1918). Ее отец был основателем пианистической школы и директором Московской консерватории. У ее родителей было восемь детей – известна так называемая Сафоновская лесенка – фотография всей семьи, построенной по росту.

В 1911–1918 гг. Анна Васильевна была замужем за балтийским офицером С.Н. Тимиревым (1875–1932) – героем русско-японской войны, в будущем контр-адмиралом (в годы Гражданской войны был командующим морскими силами белых на Дальнем Востоке). В 1914 г. А.В. Колчак познакомился с Тимиревой. В 1918 г. Анна Васильевна рассталась с мужем и жила гражданским браком с Колчаком до его смерти в 1920 г. В 1922 г. Анна Васильевна вышла замуж за инженера-путейца В.К. Книпера (1888–1942), который умер, когда она отбывала очередной срок: была осуждена на восемь лет лагерей в апреле 1939 г. по ст. 58.П.10.

После расстрела Колчака Анна Васильевна провела в тюрьмах, лагерях, ссылках и «минусах» в общей сложности около 30 лет. Арестовывали ее семь раз; последний арест – в г. Щербакове (ныне Рыбинск) 21 декабря 1949 г. (как повторницу без предъявления нового обвинения). (Арест произвели в день 70-летия И.В. Сталина.)

Однажды в Рыбинске Анна Васильевна зашла в церковь. Службу проводил священник, его лицо показалось ей знакомым и даже вроде бы очень знакомым. Выбрав подходящий момент, она осторожно задала батюшке несколько вопросов. Он насто-рожился, но пригласил ее в удобное место, подальше от чужих «ушей», ведь был 1939 г. Страна готовилась отметить 60-летие И.В. Сталина, только прошли повальные аресты 1937–1938 гг., да Анна Васильевна и сама оказалась в Рыбинске за «минусом».

Встреча была удивительной, и оба были потрясены до слез. Святой отец Александр оказался сыном контр-адмирала Г.К. Старка, и в молодые годы Аня часто его видела на разных юбилейных и благотворительных мероприятиях в Петербурге.

Разговор был долгим, Борису Старку удалось укрыться в святой обители в Рыбинске, где он жил в вечном страхе за завтрашний день.

Анна Васильевна уже ничего не боялась. Она была доведена до отчаянья, но не сломлена! Уже потом стало известно, что батюшка Борис Старк в 1940-е годы проживал в Париже и встречался с Ростиславом Колчаком и Александром Развозовым (см. вклейку). Екатерина Развозова – родная сестра Александра Развозова – вышла замуж за сына Колчака Ростислава Алексан-

дровича, и у них в 1933 г. родился мальчик – Александр, его назвали в честь деда, и в газете «Газета» 7 февраля 2003 г. были опубликованы воспоминания Александра Ростиславича Колчака¹⁴. (Родился в 1933 г. в Париже, с 1963 г. жил в США несколько лет, затем опять вернулся в Париж.)

Быль о тех, кто спасал и кто казнил Анну Васильевну

Многие десятилетия Анне Васильевне помогала буквально выжить Екатерина Павловна Пешкова (бывшая жена А.М. Горького) как уполномоченная Политического Красного Креста. А знакомство с Е.П. Пешковой произошло так: «1921 год. Иркутск, тюрьма, женский одиночный корпус. Резко стукнуло окошко, – вспоминала Тимирева, – и я увидела даму в шляпе и вуалетке, среднего возраста, чуть подкрашенные губы, решительное лицо. Она внимательно посмотрела на нас – мы сидели вдвоем – и спросила, не нуждаемся ли мы в хлебе. Нет, в хлебе мы не нуждались. И все, окно снова захлопнулось» [116, с. 94].

Когда Тимирева в очередной раз сидела в иркутской тюрьме с заключенными с максимальным сроком до 5 лет, ее вызвали в подвал. Все сокамерники знали, что это такое: «в подвале» начались расстрелы. Соседка по камере так и сказала: «Вы не маленькая, не берите вещей, они пригодятся Вашим друзьям». Но все обошлось... Тимиреву повезли в Новониколаевск, затем в Москву. И вскоре выпустили.

Оказывается, Е.П. Пешкова, вернувшись из Сибири, при свидании с Дзержинским поведала ему о Тимиревой, и он сказал: «Да, кажется, мы много лишнего делаем». Итог: вызов в Москву и освобождение. Много позже об этом рассказала Тимиревой сама Екатерина Павловна [116, с. 95].

Из архива следственного дела А.В. Тимиревой приведем один из документов о ее раннем аресте:

«Всероссийская Чрезвычайная комиссия
при Совете Народных Комиссаров от 30.11.1921 г.

Следственная часть при Президиуме ВЧК, т. Фельдману.

При сем препровождаю распоряжение ВЧК. Гражданскую жену Колчака Анну Тимиреву освобождать ни в коем случае нельзя – она связана с верхушкой колчаковской военщины и баба активная.

Подпись:

Павлуновский (представитель ВЧК по Сибири)» [116, с. 331].

¹⁴ В главе 10 приводится полный текст воспоминаний внука Колчака.

Жизнь Анны Васильевны была очень тяжелая, но высочайшей закалки нравственные силы помогали ей выживать и сохранять самообладание. Через всю свою трагическую судьбу Анна Васильевна пронесла неугасимое чувство любви к Александру Васильевичу. Это была не просто любовь, а что-то данное им двоим свыше... Музыка их любви достигла драматических высот. Мы не перестаем восхищаться щедростью чувств, которыми наделила их природа, той силой чувств, которую Анна Васильевна и Александр Васильевич сумели сохранить.

Трудовая биография Анны Васильевны просто изумляет и потрясает: как могла все это вынести легкораняемая, нежная, тонкая, воспитанная, не приспособленная с детства к трудному быту женщина? Она сменила множество профессий, вынуждена была заниматься любой случайной работой, которую ей предлагали и которую она всегда добросовестно выполняла. Вот что она сама об этом пишет: «В промежутках между арестами работала библиотекарем, архивариусом, дошкольным воспитателем, чертежником, ретушером, картографом (Москва), членом артели вышивальщиц (Таруса), инструктором по росписи игрушек (Завидово), маляром (в енисейской ссылке), бутафором и художником в театре (Рыбинск); подолгу оставалась безработной или перебивалась случайными заработками» [128, с. 9].

А.В. Тимиревой в сентябре 1960 г. назначили за отца пенсию 450 р.¹⁵ Вот так и жила Анна Васильевна последние полтора десятилетия, но со светлыми и прекрасными мыслями!..

Сын Анны Васильевны – Владимир Сергеевич Тимирев (1914–1938), которого она ласково называла Одя, был художником. Принимал участие в московских художественных выставках (1934–1936 гг.). Две его работы куплены Музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, около 15 находятся в Пермской художественной галерее, свыше 100 – в Нукуском музее.

«В.С. Тимирев работал в Загорском научно-экспериментальном институте игрушки (1933–1938 гг.), где делал эскизы анималистических игрушек. В 1935 г. и 1937 г. ездил на Каспий в составе научной экспедиции на судах научно-промысловой разведки, изучал планктон Каспийского моря. Начальником экспедиции был океанолог-гидрохимик профессор С.В. Бруевич (1894–1971). Работы, созданные В.С. Тимиревым в первой поездке, экспонировались на специальной выставке, посвященной вопросам океанологии.

¹⁵ После денежной реформы 1961 г. это 45 р.

По некоторым сведениям, Владимир Сергеевич в 30-е годы пытался завязать переписку с границей (видимо, с отцом). Арестован в Москве в 1938 г. Посмертно реабилитирован без указания даты смерти. В последние годы имя его упоминают в ряду молодых талантов 1930-х годов (Панорама искусств. М., 1981. № 4. С. 323).

Работы В.С. Тимирева экспонировались на выставке “Художники первых пятилеток” (Москва, 1979)» [63, с. 160].

Анна Васильевна Тимирева была человеком высокообразованным, писала стихи [138]. Некоторые из них посвятила Александру Васильевичу Колчаку. Будучи в Киеве в 1970-е годы, она писала:

Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.

А я осуждена идти,
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.

Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

Находясь уже на смертном одре, она сказала своему племяннику Илье Сафонову, и это была ее последняя просьба: «Иленька, если со мной что-нибудь случится, я прошу тебя: позаботься о моих записках – они лежат в сундуке около моей кровати. Мне очень не хочется, чтобы их брали чужие руки. Ты увидишь: там несколько тетрадок и отдельные листочки все вместе. Хорошо?» [116, с. 492]¹⁶.

¹⁶ Племянник Илья Кириллович Сафонов с вниманием и достоинством выполнил просьбу Анны Васильевны, подготовил к изданию и опубликовал в 1996 г. совместно с другими авторами книгу «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна» [116].

К 110-летию со дня рождения А.В. Книпер (1893–1975) И.К. Сафонов совместно с Б.А. Горзевым подготовили при участии И.И. Антонова и Т.Л. Белкиной первый сборник стихов и воспоминаний Анны Васильевны Книпер «...Не ненавижу, но люблю» [138], изданный в 2003 г. благодаря финансовой поддержке Генерального директора объединения ООО «Людмила и К^о» г-на Ю.А. Тимошенко.

Вот с такими мыслями уходила из жизни яркая, не сломленная «ураганными штормами» женщина – Анна Васильевна Тимирева!

А.В. Тимирева-Книпер умерла 31 января 1975 г. на восьмидесят втором году жизни и похоронена на Ваганьковском кладбище, где погребены ее брат и сестры.

* * *

Получила распространение по-своему удивительная и привлекательная версия, согласно которой слова романса «Гори, гори моя звезда» написал А.В. Колчак на музыку П.П. Булахова и посвятил его любимой женщине Анне Васильевне Тимиревой.

В журнале «Наука и жизнь», где в 1995 г. готовился к печати мой очерк «Полярная одиссея Александра Колчака», мне посоветовали уточнить эту заманчивую версию. Я поистине загорелся. А вдруг и в самом деле автор – Колчак! Тогда мы узнаем еще одну грань в биографии этого неординарного человека.

В Государственном центральном театральном музее им. А.А. Бахрушина, в Российском государственном архиве литературы и искусства (Выборгская ул., корп. 2, д. 3) просматриваю огромную справочную литературу и многие документы, – утверждаясь, что имя автора слов романса «Гори, гори моя звезда» неизвестно или слова народные. Даже в солидном Сборнике русских романсов объемом 515 с., выпущенном в 1987 г. с предисловием Народного артиста СССР И.С. Козловского (составитель доктор философ. наук проф. В.Л. Рабинович), сообщается, что автор слов романса по-прежнему неизвестен.

После долгих и многотрудных поисков мне все-таки удалось обнаружить в архивах, к великому разочарованию, что слова написал малоизвестный поэт второй половины XIX в. В. Чуевский.

Есть основания полагать, что Колчаку этот романс очень нравился, и он часто его слушал, а возможно, и сам исполнял вместе с милой, обожаемой Анной Васильевной Тимиревой.

Гори, гори моя звезда,
Звезда любви волшебная...
Звезда прошедших лучших дней...

Короткое прошлое действительно было «лучшими днями» их жизни! Людская молва то добра, то жестока. В сердцах людей рождаются все новые и новые легенды. Одна из них утверждает, что в день расстрела 7 февраля 1920 г. от предложения начальника расстрельного отряда «завязать глаза» перед казнью Александр Васильевич отказался и запел любимый романс: «Гори, гори моя звезда»...

Заключение

Прочитана последняя страница книги. Невольно возникает вопрос: почему такой неординарный человек, стоявший во всех своих деяниях на мудрых и святых христианских позициях, всю жизнь был в некотором отчуждении, не всегда находя единомышленников.

Внимательно изучая многочисленные архивные документы, замечаешь одну важную и странную деталь: Колчак на протяжении всех отпущенных ему лет не имел близких друзей. В юношеские годы и позднее он держался особняком, может быть, потому что всегда был на ступеньку, а то и на две выше окружающих его сверстников и коллег. Его стремление к лидерству формировало и соответствующие черты его характера, и его поведение подчас не вписывалось в свод христианских добродетелей.

В Морском кадетском корпусе он – фельдфебель, хотя и маленький, но начальник. Успешное участие в Русской полярной экспедиции укрепило в Колчаке сознание своей исключительности. Возглавив другую экспедицию – Спасательную – и шагнув, по мнению многих его современников, «в объятия смерти», он вышел победителем. Это добавило к его характеру еще больше уверенности в себе и самонадеянности.

В первые же дни обороны Порт-Артура лейтенант Колчак отправился в осажденную крепость. Два боевых ордена и золотое георгиевское оружие с надписью на эфесе «За храбрость» – документ, ярко характеризующий ратные подвиги морского офицера Колчака.

События периода 1906–1910 гг. тоже убеждали Колчака в его превосходстве над многими окружающими: его, единственного лейтенанта Российского флота, включили в состав Комиссии, которая готовила Гидрографическую экспедицию в Северный Ледовитый океан. Все остальные члены Комиссии были капитанами 1-го ранга или адмиралами. Возглавлял Комиссию член Государственного Совета (высший законодательный орган в России) адмирал В.П. Верховский.

Конечно, все это лишний раз возносило и ставило Колчака на вершину, недосягаемую для других флотских лейтенантов.

Он привыкал к тому, что люди все чаще подчинялись его воле и разуму. Внутренне он был всегда готов к принятию любого сана или титула, но практические навыки его были иллюзорными, и он, самонадеянный, еще не очень зрелый, не сумел рассчитать свои силы, правильно их оценить и точно взвесить возможности противника.

В период своего «Верховного правления», находясь в ореоле славы, он допускал восхваление, не всегда объективное и честное, угодничество и пустую лесть.

Колчак примерил «шапку Мономаха», но она оказалась для него слишком тяжела: в хаосе того тяжелого времени очень трудно было сориентироваться. В урагане классовых и политических битв многие лидеры и вожди сложили головы, не стал исключением и А.В. Колчак.

Барон А.П. Будберг, один из его соратников по оружию во время Гражданской войны, попытался дать некоторый анализ обстановки этого периода. «Лавры пермской победы, – пишет он, – вскружили всем головы; посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров Георгия 3-й степени; бывшие штабс-капитаны сделались генерал-лейтенантами, немудрено, что от этого даже у более уравновешенных честолюбцев “глаза и зубы разгорелись”. Дошли до того, что высоко залезшие Георгиевские кавалеры повторили (с Верховным правителем России Колчаком. – В.С.) киевскую комедию с Георгиевским крестом Государю и на Пасху поднесли адмиралу Георгия 3-й степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал не нашел в себе воли и широты взгляда отказаться от таких подношений – и принял Крест.

После взятия Перми и Уфы юные полководцы стремительно «полетели» вперед. Пепеляев – на Вятку, Вержбицкий – на Казань, Ханжин – на Самару; красные почти не сопротивлялись. При этом полете, сопровождаемом мелкими, но раздуваемыми успехами, перестали думать и соображать; хотелось только первыми прийти к поставленной цели и прославиться» [126, с. 48].

Возможно, Колчак не обладал полководческой интуицией и дальновидностью, война – те же шахматы, надо на несколько ходов вперед рассчитать свой маневр и предвидеть наступательные действия противника. Адмирал А.В. Колчак – не генерал

А.А. Брусиллов, Колчаку организовать мощный прорыв так и не довелось!

Когда к осени 1919 г. неизбежность трагического финала колчаковской армии стала понятна многим, Колчак тоже находился в растерянности. Огромной протяженности Сибирско-Уральский фронт – не Черноморский флот и не корабль. Здесь требовались другие рычаги, и овладеть новым для него механизмом сухопутной войны он так и не сумел.

Взгромоздив на свои плечи непосильную ношу Верховного правителя России, Колчак проявлял не только отчуждение и замкнутость, но и практически всегда находился в некоторой внутренней конфронтации с ближайшими сотрудниками, теми людьми, которые, как волны, то приближались к нему могучей стеной, то откатывались и исчезали.

Последние два года его жизни достаточно глубоко и выразительно освещаются бароном А.П. Будбергом – военным министром в омском колчаковском правительстве. Вот как он описывает поведение Колчака, одетого в мантию Верховного правителя России:

«При посещении ижевцев (на фронте. – В.С.) впервые видел, – пишет А. Будберг, – адмирала перед войсками; впечатления большого начальника он произвести не может, говорить с солдатами он не умеет, стесняется, голос глухой, неотчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные, и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он раздал много наград, произвел десятки офицеров и солдат в следующие офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел.

Он не создан для таких парадных встреч. Вместе с тем я уверен, что если бы он объехал стоянки частей, посидел с солдатами, запросто пообедал, удовлетворил бы несложные запросы и просьбы, то впечатление осталось бы глубокое и полезное» [126, с. 226–227].

Солдаты на фронте, чьи ратные подвиги были отмечены высшими солдатскими наградами, – Георгиевские кавалеры, готовы были, как и при царе-батюшке, сложить головы за Отечество. Они верили, что защищают святые, незыблемые устои государства Российского, но в их души все чаще закрадывалось сомнение. На фронте ходили слухи, разлагающие дисциплину и

деморализующие боевой дух солдат, слухи о пьяной, разгульной жизни омского тылового колчаковского офицерства...

Управлять безликой массой, толпой – великое искусство. Им в совершенстве овладели вожди Революции, и в первую очередь Лев Давыдович Троцкий и Владимир Ильич Ленин, но их ораторский спектакль пустых обещаний А.В. Колчак отвергал по политическим и моральным мотивам.

Будберг показывает, что все окружение Верховного правителя находилось в состоянии активного разложения, и никакие военно-полевые суды были уже не в силах справиться с начавшейся эпидемией полного развала наспех сформированной колчаковской армии.

В предсмертной агонии умирающая монархия пыталась найти своего Илью Муромца. Некоторым казалось, что эту миссию может выполнить самонадеянный Деникин.

«Единственный светлый просвет, – продолжает Будберг, – на нашем мрачном небе в том, что Деникин все глубже и решительнее врывается в глубь большевистского фронта.

Полученные мной сведения о безобразиях, имевших место при уфимской эвакуации, подтверждены произведенным следствием; обнаруженные следствием виновные, в том числе четыре интенданта, предаются военно-полевому суду.

Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева, который дивит и давит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала» [126, с. 146].

Колчак все более замыкался. Воспитанность, интеллигентность, честность, искреннее желание спасти Россию и высочайшая внутренняя порядочность все сильнее отдаляли его от ближайшего окружения, и пропасть эта становилась непреодолимой, отношения обострялись и обнажались. Трагедия была неотвратима.

Совсем слабо в мемуарной колчаковской литературе освещается деятельность Отдельного морского учебного батальона, который был сформирован по личному приказу Верховного правителя А.В. Колчака в августе 1919 г., почти в предсмертной агонии.

Части Речной боевой флотилии, воевавшей на Каме в мае–июне 1919 г., после отступления понесли потери под ударами Красной армии, и их остатки послужили основой для формирования Морского батальона.

«Флотские офицеры-патриоты, защищающие свой мундир, потеряв возможность действовать на водной акватории, решили себя применить в наиболее нужном в данное время направлении. Это был общий подъем, общее желание помочь любимому вождю адмиралу Колчаку, а через него и делу возрождения России. А дела армии были тогда плохи из-за слишком малого количества людей, ее составляющих. Блестящее наступление зимой и весной 1919 года было не только остановлено красными у Вятки, но перешло в очень быстрый отход по всей линии» [162, с. 167].

Вновь сформированный из остатков разбитой флотилии и пополненный свежими силами Морской батальон оказывал упорное сопротивление превосходящим силам «красных».

Верховный правитель произвел смотр личному составу батальона и наградил наиболее отличившихся в боях Георгиевскими крестами.

Пребывание батальона в Омске, всего около месяца, помогло очистить прилегающие к казармам районы от большевистских агентов, грабителей и хулиганов. Жители благословили батальон и первыми раскланивались с офицерами.

«Лейтенант Мейерер был послан в командировку с докладом морскому министру о положении вещей. Дело в том, что в день смотра потери батальона исчислялись в 12 офицеров и 350 стрелков, так как к этому времени взводы, бывшие в заставах, еще не подошли, и лейтенант Мейерер должен был просить назначения в батальон флотских офицеров, дабы не пополнять офицерский состав сухопутными чинами, ибо тогда терялся смысл батальона как морской части» [162, с. 173].

«Бой при селе Дианово был решительным для всего армейского участка. После него 3-я армия, которой командовал генерал Сахаров, столь же стремительно начала отступать, как и наступала. Батальон состоял к этому времени всего из 200 штыков, и морской министр начал хлопотать о возвращении его в Омск, желая сохранить остатки кадров специалистов для Речной флотилии» [Там же, с. 177].

Его решили влить в состав полка, но армия Тухачевского стремительно наступала, и четкую перегруппировку провести не удалось.

Ввиду близости фронта только что начавший формироваться морской полк из остатков морского батальона получил приказание пешим порядком выступить на Новониколаевск. Морской полк выступил 13 ноября, а в ночь с 14 на 15-е Омск был взят красными.

В 30–40-градусные морозы, почти без обоза и теплого обмундирования полк с трудом дошел до Новониколаевска. В это время началась общая эвакуация на Иркутск. Война целиком перешла к полотну железной дороги, совершенно перегруженной и забитой составами. Последнее, что известно о Морском полке, – это то, что остатки его, кое-как пробиравшиеся на Восток, вошли в охрану Верховного правителя и сопровождали его до Верхнеудинска, откуда адмирал Колчак выехал в специальном вагоне в Иркутск лишь с желающими его сопровождать офицерами, среди которых были почти все оставшиеся в строю офицеры Морского полка.

Послесловие

Город Иркутск, конец ночи 7 февраля 1920 г., в одиночной камере тюрьмы Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак. Входит группа вооруженных людей, руководитель местных чекистов Самуил Чудновский зачитывает постановление Ревкома с последним словом «расстрелять». «Как, без суда?» – спрашивает Колчак. Недолгий путь к реке Ушаковке – притоку Ангары. Расстрельный взвод построен. Адмирал обращается к Чудновскому: «По армейскому уставу расстрелом адмирала должен командовать равный по званию – у Вас какой чин?» – «Никакого». – «Тогда разрешите мне командовать самому?» – «Разрешаю». – «Взвод, слушай мою команду: целься! Пли!»... Тело адмирала быстро опустили под лед, и теперь его останки покоятся где-то на дне реки...

Жизнь Колчака, весьма значимая для России, должна остаться в памяти народа как пример подвижничества, благородных устремлений и высокого патриотизма.

Родился в 1874 г. в Петербурге в дворянской семье (отец дослужился до чина генерала). В 20 лет с отличием (вторым по курсу) окончил Санкт-Петербургский морской кадетский корпус (там с 2005 г. его барельеф среди знаменитых выпускников) с прекрасным знанием трех иностранных языков и мечтой о географических открытиях в Антарктиде и Арктике.

На разных морях в свободное от вахт время Колчак проводил гидрологические исследования, результаты которых публиковал в научных журналах, благодаря чему уже в молодые годы стал известен в кругу морских исследователей. Он был приглашен в качестве гидролога известным полярником бароном Э.В. Толлем в двухлетнюю (1900–1902 гг.) экспедицию с зимовкой на шхуне «Заря». За обстоятельное обследование географических объектов и морских вод в районе Карского моря именем Колчака был назван остров в Таймырском заливе.

В 1903 г. на собрании президиума Русского географического общества при обсуждении методов поиска оставшейся зимовать группы полярников во главе с Толлем А.В. Колчак попросил

слова. «Кто таков?» – спросил, наклоняясь к сидевшему рядом Н.М. Пржевальскому, Великий князь К.К. Романов. «Лейтенант Колчак – участник предыдущей экспедиции Толля, Ваше Высочество». В результате обсуждения было принято его предложение с поручением организовать и возглавить поиск экспедиции из шести человек с применением вельбота и ездовых собак. Экспедиция была успешно завершена с обнаружением последней стоянки Э.В. Толля на острове Беннетта. Его прощальная записка и последние научные записи доставлены Колчаком в Русское географическое общество...

Приехав из последней экспедиции в Иркутск на встречу с отцом и невестой Соней Амировой, обвенчавшись с ней, А.В. Колчак через 2 недели уезжает в Порт-Артур, чтобы участвовать в начавшейся войне с Японией. Чем не пример высокого общественного сознания и патриотизма?

За успехи в военных действиях Колчак был награжден двумя орденами и «золотым оружием». Это оружие – морской кортик – японцы сохранили ему в плену в знак уважения...

Вернувшись из японского плена, А.В. Колчак обобщил свои научные результаты за семь лет с 1894 г. в книге «Лед Карского и Сибирского морей», вышедшей в свет в 1909 г. Ряд разделов этой книги были изданы отдельным сборником в США в 1928 г. Полярные исследователи нашего времени утверждают, что книга актуальна до сих пор.

За суммарные достижения в науке А.В. Колчак в 1906 г. награжден Российской академией наук «Большой Золотой Константиновской медалью», которой до него были награждены только трое полярных исследователей – Ф. Нансен, Н. Норденшельд и Н. Юргенс.

Научно подходу к проблеме восстановления военно-морского флота после русско-японской войны, Колчак, будучи лишь капитаном 2-го ранга, готовит и публикует в 1908 г. проблемную научную статью «Какой России нужен флот», положившую начало дискуссии в среде морского офицерства. Войдя в 1906 г. в патриотическую группу морских офицеров, обеспокоенных состоянием ВМФ России, он вскоре стал ее руководителем. А.В. Колчак поставил перед группой две задачи: создание Главного штаба ВМФ (существует до сих пор) и строительство 116 военных кораблей. По этим вопросам ему приходилось встречаться не только с командованием флота, но и с Николаем II, а также выступать в Думе. В результате Главный штаб был создан в 1906 г. и программа строительства кораблей – утверждена. В программу входило строительство семи линкоров, четыре из

которых были готовы до Первой мировой войны и дожили до Великой Отечественной 1941–1945 гг., защищали Ленинград в дни блокады.

Не оставляя идеи прокладки Северного морского пути вдоль берегов Сибири, А.В. Колчак настоял на строительстве двух ледоколов, которые были построены под его наблюдением к 1909 г. и получили названия «Таймыр» и «Вайгач». В тот же год они отправились из Кронштадта через Средиземное море, Индийский и Тихий океаны к Берингову проливу под командой А.В. Колчака («Вайгач») и Ф.А. Матиссена («Таймыр»). До цели дошел только «Вайгач», а «Таймыр» из-за серьезной поломки остановился на полпути...

Далее А.В. Колчак был отозван Главным штабом ВМФ для службы в Санкт-Петербурге. С марта 1911 г. началась собственно военно-морская служба, где Колчак показал выдающиеся способности не только в ходе боевых операций (награжден тремя боевыми орденами), но и в разработке конструкций мин и специфики их применения, за что был приглашен в США в середине 1917 г. для передачи опыта.

Оценив заслуги А.В. Колчака в операциях на Балтийском море, Николай II досрочно присвоил ему звание вице-адмирала (самый молодой вице-адмирал в России) и в 1916 г. назначил его командующим Черноморским флотом. После опубликования письма Николая II «Русскому войску» от 21 марта 1917 г. А.В. Колчак как командующий привел к присяге Временному правительству личный состав Черноморского флота и присягнул сам.

В Гражданскую войну Колчак включился с 4 ноября 1918 г., когда он прибыл кружным путем из США в Омск. Еще до приезда его в России, с конца 1917 г., стали образовываться отряды для борьбы с большевиками, состоявшие в основном из военной интеллигенции. Руководители Белого движения в своих обращениях призывали не к возрождению монархии, а лишь к созыву Всероссийского Учредительного собрания для выбора формы власти. В Омске было образовано и действовало Правительство России (в изгнании). 18 ноября 1918 г. из двух кандидатур А.В. Колчак почти единогласно был избран Верховным правителем России, чему способствовал его большой авторитет среди общественности страны. Его сразу признали и руководители Белого движения на юге России.

Однако война была проиграна, и хотя А.В. Колчак имел возможность уйти с отрядом своих войск за границу, он все же надеялся побороться за правду на суде... При А.В. Колчаке как

Верховном правителе России в зоне его действий сохранялась прежняя судебная система со следователями, адвокатами, прокурорами, судьями. В беседе с известным писателем Н.В. Устряловым А.В. Колчак сказал: «У большевиков есть чрезвычайка, но мы не можем им подражать – мы идем под флагом закона, права... Я фактически могу расстрелять виновного агента власти, но я отдаю его под суд...»...

Очень проникновенно высказались в 1-ю годовщину гибели А.В. Колчака два крупнейших российских писателя («Общее дело». Париж, 1921).

А.И. Куприн: «Я благоговейно верю рассказу о том, что Колчак отклонил предложенные ему попытки к бегству. Моряк душою и телом, он по неписанному величественному морскому закону остался в качестве капитана последним на палубе тонущего корабля.

Но если когда-нибудь, очнувшись, Россия воздвигнет ему памятник, достойный его святой любви к родине, то пусть начертает на подножии горькие евангельские слова: И враги человеку домашние его».

И.А. Бунин: «Молча склоняю голову перед Его могилою.

Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов ее.

Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано Его имя в летописи Русской земли».

С каждым годом растет общественный интерес к деятельности А.В. Колчака. На месте его расстрела выдающимся скульптором В.М. Клыкковым установлена 7-метровая скульптура адмирала, в театрах идет пьеса «Звезда адмирала». 31 октября 2008 г. Обществом «Наследие адмирала А.В. Колчака» открыта мемориальная доска с барельефом А.В. Колчака на стене часовни около Павелецкого вокзала в Москве. Предложение о возвращении острову в Карском море его имени поддержали 27 организаций, и постановлением Правительства РФ от 15 июля 2005 г. № 433 справедливость была восстановлена. Группой ученых во главе с А.А. Смирновым подано заявление о реабилитации А.В. Колчака. Такое же заявление со стороны российского дворянского Собрания, подписанное князем А.К. Голицыным и поддержанное в 2000 г. 21 адмиралом Военно-морского флота, подано в Главную военную прокуратуру России.

До обращения адмиралов 26 января 1999 г. в г. Чите состоялось заседание военного суда Забайкальского военного округа

по вопросу реабилитации А.В. Колчака. Суд проходил в присутствии только одной стороны – прокурора-обвинителя и в отсутствие другой – представителей А.В. Колчака и адвоката, т.е. с нарушением ст. 123 Конституции РФ. Судьи вынесли решение отказать в реабилитации, так как «проводились военные действия против Советской России». Конституционный суд РФ Определением № 323-О от 04.11.2004 г. отклонил это решение, что означает необходимость повторного рассмотрения дела А.В. Колчака в Главной военной прокуратуре и, если потребуется, в Военной коллегии Верховного суда РФ.

Председатель правления Общественного фонда
для создания в Москве Храма, Музея
и других сооружений в память жертв
политических репрессий с 1917 по 1985 г.

С.С. Зуев

Приложения

Приложение 1

Личный состав, смета, список приборов Русской полярной экспедиции 1900 г.¹

Участники русской полярной экспедиции

1) *Начальник экспедиции*, старший геологъ Геологическаго комитета, коллежскій совѣтникъ Баронъ Эдуардъ Васильевичъ Толль, участвовалъ въ 1885–86 годахъ, въ качествѣ геолога; въ экспедиціи подъ начальствомъ Д-ра А.А. Бунге къ сѣвернымъ берегамъ Восточной Сибири. Въ 1893 году стоялъ во главѣ экспедиціи, снаряженной Императорской Академіей Наукъ для изученія Ново-Сибирскихъ острововъ. Въ 1899 г. участвовалъ въ экспедиціи ледокола «Ермакъ» къ берегамъ Шпицбергена.

2) *Командиръ судна экспедиции*, шхуны «Заря», лейтенантъ Николай Николаевичъ Коломейцевъ, работалъ нѣсколько лѣтъ въ Бѣломъ Морѣ, состоя въ съѣмочной партіи Бѣломорской Гидрографической экспедиціи; участвовалъ въ экспедиціи лейтенанта Добротворскаго 1893 г. къ устью р. Енисея.

3) *Старшій офицеръ* шхуны «Заря», лейтенантъ Ѳедоръ Андреевичъ Матисенъ, *геодезистъ и метеорологъ* экспедиціи, участвовалъ въ 1899 г. въ русско-шведскомъ градусномъ измѣреніи на Шпицбергенѣ.

4) *Второй офицеръ* шхуны «Заря», лейтенантъ Александръ Васильевичъ Колчакъ, *гидрографъ* экспедиціи, плавалъ въ Тихомъ Океанѣ; производилъ гидрологическія изысканія въ Японскомъ морѣ.

Всѣ три названные офицера экспедиціи исполняли раньше на судахъ флота въ дальнемъ плаваніи обязанности штурманскаго офицера.

¹ Врангель Ф.Ф. Русская полярная экспедиция // Зап. по гидрографии. 1900. Вып. XXII. С. 95–122. Здесь цит.: Приложение. С. 114–122.

5) Старшій зоологъ музея Императорской Академіи наукъ, Алексѣй Андреевичъ Б я л ы н и ц к і й - Б и р у л я, зоологъ экспедиціи, работалъ въ 1891, 95 и 96 г. на Соловецкой Біологической станціи надъ морской фауной, а въ 1899 году участвовалъ въ Шпицбергенской экспедиціи.

6) Кандидатъ Фридрихъ Георгіевичъ З е е б е р г ъ, астрономъ и магнитологъ экспедиціи (предлагалъ свое участіе въ качествѣ кочегара, если бы въ составъ экспедиціи не оказалось другого мѣста для него); былъ рекомендованъ академикомъ Б а к л у н д о м ъ и профессоромъ Юрьевскаго Университета Л е в и ц к и м ъ за астронома и магнитолога.

7) Докторъ медицины Германъ Эдуардовичъ В а л ь т е р ъ, врачъ, бактериологъ и второй зоологъ экспедиціи, участвовалъ въ 1899 году въ Мурманской Научно-промысловой экспедиціи Н.М. К н и н о в и ч а, простиравшей свои изслѣдованія до Новой Земли.

Команда шхуны «Заря» состоитъ изъ 10 человекъ матросовъ флота, добровольно согласившихся участвовать въ экспедиціи, 2 бѣломоровъ и 2 якутскихъ казаковъ, приведшихъ собакъ изъ Сибири въ Екатерининскую гавань.

Участники вспомогательной экспедиціи

1) Начальникъ экспедиціи кандидатъ естественныхъ наукъ Константинъ Алексѣевичъ В о л л о с о в и ч участвовалъ, по порученію Минералогическаго общества, въ экспедиціи Академика Ч е р н ы ш е в а по берегамъ Европейской части Ледовитаго океана.

2) Топографъ экспедиціи межевой инженеръ Н.М. О р л о в ъ.

3) Два якутскихъ казака – переводчика.

4) Шесть инородцевъ – промышленниковъ.

П р и л о ж е н і е

Смѣта расходовъ

I. Судно и его снаряженіе

Покупка деревяннаго китобойнаго норвежскаго

трехмачтоваго судна «Harald Naarfager»

36,000 р

Приспособленіе судна для цѣлей экспедиціи, какъ то: укрѣпленія въ трюмѣ, переустройство помѣщенія для команды, теплыя каюты для офицеровъ на палубѣ судна, возобновленіе

нѣкоторыхъ частей машины, новый рангоуть и проч.....	24,000 “
Электрическое освѣщеніе.....	4,000 р.*
Паровой катеръ	3,000 “
400 тоннъ угля	2,400 “**
Доставка угля въ Югорскій шаръ на парусной шхунѣ, купленной въ Архангельскѣ	4,000 “
Устройство теплаго помѣщенія для научной лабораторіи на палубѣ	3,000 “
Итого.....	76,400 р.***

II. Содержаніе личнаго состава

Жалованье (при сохраненіи получаемого на службѣ содержанія) начальнику экспедиціи на 2 года	12,000 р.
Командиру судна на 2 года	10,000 “
Старшему офицеру на 2 года	7,200 “
Второму “ 2 “	7,200 “
Астроному на 2 года	7,200 “
Зоологу “ 2 “	7,200 “
Врачу “ 2 “	7,200 “
Старшему машинисту на 2 года	2,000 “
Младшему “ 2 “	1,500 “
Боцману на 2 года	1,200 “
4 рулевымъ на 2 года	1,000 “
Повару	1,000 “
13 человѣкъ команды	1,950 “
Подъёмные членамъ экспедиціи	3,500 “
2 якутскихъ казака (съ собаками).....	600 “
Провіантъ на 19 человѣкъ по 800 р. на 3 года	15,200 “
Страхованіе жизни (7 членовъ экспедиціи по 1,000 р., команды по 100 р.), на 2 года	10,000 “
Проѣзды экипажа въ Норвегію	1,700 “
Проѣзды участниковъ экспедиціи.....	2,000 “

* Обошлось въ 3,000 р.

** Обошлось въ 4,000 р.

*** Ко дню отправленія «Зари» изъ Ларвика общій итогъ расходовъ этой статьи составил 79.215 р.

III. Разные расходы

Канцелярскіе, почтовые, телеграфные и т.п. расходы.....	2,000 р.
На устройство станцій въ Верхоянскѣ, Устьянскѣ и Средне-Колымскѣ	1,830 р.
Тремъ наблюдателямъ по 30 р. въ мѣсяцъ на 2 года	2,160 “
40 собакъ и доставка ихъ въ Екатерининскую гавань.....	1,000 “
Кормъ для собакъ (6,720 пудовъ трески)	2,160 “
Научные приборы	24,000 “
Библіотека	1,000 “
Аптека и хирургическіе инструменты.....	245 “
Палатки, сани, брезенты, лыжи, теплые и непромокаемые мѣшки, байдары, ружья и проч.	2,000 “
Складной домъ для зимовки экспедиціи*	3,000 “
Непредвидѣнные расходы	4,555 “
Вспомогательная экспедиція	20,000 “
Всего....	240,000 р.

Списокъ научныхъ приборовъ

А. Астрономическіе и геодезическіе инструменты

Два универсальныхъ инструмента Гильдебранта	800 р.
Универс. инструм. Гильдебранта меньшаго размѣра	200 “
Секстантъ Ванигара	150 “
Кругъ Пистора	200 “
Трехъдюймовая труба Цейса.....	350 “
4 боксъ-хронометра.....	1,600 “
4 карманныхъ хронометра	1,600 “
Ящикъ-грѣлка для защиты хронометровъ отъ холода	100 “
Ртутный горизонтъ.....	20 “
Маятниковый аппаратъ Стернека	1,000 “
Стальная полевая лента Ваншара.....	25 “
“ рулетка	25 “
Чертежныя принадлежности	50 “
Буссоль	40 “
Сейсмографъ	1600 “
Итого.....	7,760 р.

* Въмѣсто складного дома рѣшено взять лишнее количество каменноугольныхъ брекетовъ, чтобы изъ нихъ сложить домъ (по примѣру Германской полярной экспедиціи). Брекеты служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишнимъ запасомъ угля.

В. Метеорологическіе инструменты

а) Во время плаванія

Аспираціонный психрометръ Ассмана	115 р. – к.
Малый карманный анемометръ	80 “ – “
Карманный анероидъ Newton'a	80 “ – “
Морской барометръ	70 “ – “
Барографъ	75 “ – “
Гигрографъ	75 “ – “
Бумага для самопиш. приборовъ	12 “ – “
Термометры для измѣренія температуры воды...	11 “ – “

б) На главной станціи во время зимовки

Разборная будка	100 р. – к.
Клѣтка съ вентиляторами	24 “ – “
Термометры для психрометра	17 “ – “
Термометръ максимумъ	7 “ – “
Тоже, провѣренный до -60°	13 “ – “
Спиртовой термометръ, провѣренный до -60°	21 “ – “
Волосной гигрометръ	22 “ 50 “
Малый флюгеръ	28 “ – “
Флюгеръ, анемографъ, кабель и 8 элементовъ ...	276 “ – “
Пара дождевѣровъ	23 “ 25 “
Станціонный, ртутный барометръ	135 “ – “
“ анероидъ	30 “ – “
3 термометра для измѣренія температуры почвы на поверхности	27 “ – “
Наборъ термометровъ для температуры почвы на глубинѣ	117 “ – “
Два термометра для температуры льда	52 “ – “
Теліографъ Ришара	150 “ – “
Запасные инструменты	109 “ 50 “

с) На санныхъ эскурсіяхъ во время зимо- вокъ, въ дополненіе къ судовымъ инстру- ментамъ

Гипсотермометр	65 р. – к.
----------------------	------------

д) Для вспомогательной экспедиціи на Ново-Сибирскіе О-ва

Аспираціонный психрометръ Ассмана	115 р. – к.
Нормальный анероидъ	80 “ – “
Гипсотермометръ	65 “ – “

Походный ртутный барометръ	110 “ – “
Термометры	20 “ – “
Переносный анероидъ	80 “ – “

*е) Для временныхъ станцій въ Верхоянскѣ
и въ селахъ Казачьемъ (Усть-Янскѣ)
и Русское устье*

Три комплекта инструментовъ для метеорологичес- ческихъ станцій 2-го разряда 1-го класса, по 515 р.	1,545 р. – к.
Для Верхоянска 3 комплекта самопишущихъ при- боровъ и запасной бумаги	237 “ – “
<hr/>	
Итого.....	3,987 р. 25 к.

С. Магнитные инструменты

а) Для главной станціи во время зимовокъ

Серія магнитныхъ вариационныхъ приборовъ Эдельмана, съ принадлежностями	1,300 р.
Магнитный теодолитъ Маскара	900 “
Стрѣлочный инклинаторъ Довера	500 “
Хронометръ въ ящикѣ	500 “

б) Для экскурсій

Два азимутальныхъ компаса	100 “
Палатка безъ желѣза	50 “
<hr/>	
Итого	3,350 р.

D. Зоологическое снаряженіе

а) Желѣзные части приборовъ

Двѣ драги обыкновеннаго типа большихъ (3' × 1')	48 р. – к.
Две драги меньшихъ (2' × 8")	15 “ 50 “
Двѣ драги легкія (2' × 8")	15 р. – к.
“ “ маленькія	8 “ – “
“ “ большихъ типа Сигсби	60 “ – “
2 большихъ зоологическихъ трала (8')	73 “ – “
1 средній “ “ (6')	23 “ – “
1 малый “ “ (4')	20 “ – “
1 шваберная снасть	14 “ – “
1 вьюшка для шлюпочной драгировки	25 “ – “

3 скребка.....	3 “ – “
5 сачковъ	5 “ – “

b) Сѣти къ нимъ

10 мѣшковъ съ парусиной къ большимъ драгамъ	20 р. – к.
10 “ “ “ “ малымъ“	30 “ – “
3 мѣшка къ большому тралу.	75 “ – “
4 “ “ малому “	60 “ – “
2 Петерсеновскихъ трала съ досками.....	190 “ – “

с) Планктонныя сѣтки

2 простыя планктоновыя сѣтки Arstein'a.....	20 р. – к.
2 большихъ Vratnetz	50 “ – “
2 запасныхъ мѣшка и стаканъ къ нимъ	25 “ – “
5 аршинъ зеленой шелковой материи.....	25 “ – “

d) Остальные предметы

10 рѣшетъ для промыванія	20 р. – к.
200 сажень проволочнаго троса 1д.	40 “ – “
5,000 метровъ “ “ 1¼ д.	835 “ – “
Пеньковаго тросу 200 саж.	50 “ – “
Два желѣзныхъ канифасъ-блока.....	10 “ – “

e) Рыболовныя принадлежности

Неводъ 50 × 5 саж.	120 р. – к.
Невод малый.....	25 “ – “
Поплавки и грузила къ нимъ.....	25 “ – “
Яруса и продольники	50 “ – “
Норвежскія удочки	25 “ – “
2 акульи уды.....	20 “ – “
Крюки и копыя для тюленей.....	10 “ – “

f) Лабораторныя принадлежности

Микроскопъ (револьверъ 27 +).....	160 р. – к.
Препаровальная лупа	90 “ – “
Простая лупа.....	15 “ – “
Рисовальный аппаратъ.....	17 “ – “
Скальпели, пинцеты, ножницы и т.п.	10 “ – “

g) Реактивы и посуда

Спирта 1000 килограммъ.....	500 р. – к.
Фармалина 50 “	75 “ – “
Различныхъ реактивовъ	25 “ – “

Посуда стеклянная	300 “ – “
Три металлическихъ ящика	100 “ – “
4 шведскихъ жестянокъ.....	50 “ – “
Матерія для завертыванія препаратовъ.....	15 “ – “
h) Аккумуляторъ для драгировокъ.....	200 “ – “
<hr/>	
Итого	3,621 р. 50 к.

Е. Гидрографическое снаряженіе

10 термометровъ Negretti & Zambra.....	750 р.
5 “ для поверхности	15 “
2 батометра Петтерсона	250 “
1000 метровъ троса изъ кремнеземистой бронзы	170 “
2 счетчика.....	80 “
2 серіи изъ 5 ареометровъ.....	70 “
5 запасныхъ термометровъ къ нимъ	5 “
Принадлежности и реактивы для титрованія	125 “
Посуда для титрованія.....	10 “
Лоты и диплоты	25 “
2 лота съ храпами	90 р.
2 диска Секки.....	5 “
2 прибора для опредѣленія теченій	20 “
1 глубомѣрный аппаратъ Lucas для глубинъ до 5000 метровъ	600 “
<hr/>	
Итого.....	2,215 р.

Ф. Геологическіе инструменты

Молотки и другія принадлежности.....	50 р.
Ручной буръ до трехъ метровъ	30 “
Буръ до 10 сажень.....	250 “
<hr/>	
Итого.....	330 р.

С. Бактеріологическіе инструменты

Микроскопъ.....	250 р.
Термостатъ для бактеріологическихъ культуръ, пипетки, реактивы и проч.	500 “
<hr/>	
Итого.....	750 р.

Баронъ Ф. Врангель.

Приложение 2

Письмо в Лондон о заказе на изготовление оборудования для экспедиции. 20 марта 1900 г.

(Автограф А.В. Колчака)¹

Дорогой сэр.

Я очень признателен Вам за то, что Вы мне прислали инструкцию для звуковой машины Лукаса, и очень прошу Вас прислать для нашей экспедиции:

1) Автоматическую звуковую машину Лукаса (лот, современное название эхолот. – *V.C.*), действующую на глубинах до 5000 морских футов, № 137 вашего листа цен со всей необходимой палубной комплектацией.

2) Две катушки лучшей полированной стальной резонирующей проволоки по 5000 морских футов каждая. Одну из катушек, если можно, намотать на барабан и поместить этот барабан с намотанной проволокой в контейнер с маслом. Другую катушку также поместить в масло.

3) Два грузила с защелками, состоящие из свинцовой основы с защелками из оружейной стали, которые остаются открытыми во время опускания при помощи двух крючков и которые немедленно закрываются действием соскакивающей пружины, как только они коснутся дна. Вес этих защелок 30 фунтов каждая.

4) Три (3) патентованных съемных крючка Шерлока, все сделанные из оружейного металла.

5) Три (3) грузила с защелками с 30-фунтовыми чугунными съемными гирями.

6) Пятнадцать (15) запасных 30-фунтовых чугунных съемных гирь для вышеназванного.

Если у Вас нет этих грузил со съемными гирями, я прошу заказать их у г-д Джонсона и Филлипса, Старый Чарльтон Кент, поскольку у них адмирал Макаров заказывал подобные грузила для «Ермака». Пожалуйста, пришлите все эти приборы вместе с аппаратами Купера и термометрами по адресу: Ларвик, Норвегия, Русская Полярная Экспедиция н/с «Заря», и все счета по адресу: С.-Петербург. Академия наук. Секретарю РПЭ г-ну Валентину Бианки.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 152. Л. 9–10. Перевод письма с англ. выполнен науч. сотр. ИИЕТ РАН Н.И. Быстровой. Рукописные тексты Колчака, обнаруженные автором в архивах С.-Петербурга (Приложения 2–4), публикуются впервые.

Я очень прошу также выслать все приборы как можно скорее, поскольку мы должны быть готовы к концу апреля, и ответить мне, чтобы я знал, что мой заказ в Ваших руках. Прошу немедленно обратить внимание на эти заказы.

Остаюсь Вашим преданным слугой
Лейтенант Александр Колчак

Русская
Поларная Экспедиция.
Адмирала
Пела. Экспедиции.

Начальника Экспедиции.
for Chief der Expedition.

S. Petersburg March 20 1900

Messrs Messeri & Tambon
88, Holborn Viaduct.
London

Dear Sir

I am very thankful to you for sending directions for using Lucas machine and I pray you send for me expedition

- 1) Lucas automatic sounding machine for depths up to 5000 fathoms, at 1/3 of your price list with all appurtenance for setting on deck
- 2) Two coils each containing 5000 fathoms in one length best bright steel sounding wire. One coil, if you please, to roll on the drum and place this drum with coiling wire in tank with oil. Other coil also place in oil
- 3) Two snapper leads consisting of lead body with gunmetal snappers, which are kept open whilst descending, by means of two triggers, but which are immediately closed

by the action of a strong spring as they touch the bottom. Weight of these mappers & cut 30 lbs.

- 4) Three (3) Sherlock's patent detachable hooks, all made in gunmetal.
- 5) Three (3) mapper leads with 30 lb. cast iron disengaging weights
- 6) Fifteen (15) spare cast iron 30 lb. weights for above.

If you have not these mapper leads with disengaging weights, I pray you to make order to Messrs Johnson & Phillips, Old Charlton Kent, because from this house Admiral Makaroff has on board "Ermax" these mappers. Please send all these instruments with Cooper's apparatus and thermometers on address:

Laurick, Norway Russian Polar Expedition's
S/S "Zaria",
and all accounts on address:

St-Petersburg. Academy of Science. Secretary
of R. P. E. M^r. Valentine Biancky.

I pray, also, to send all instruments, as soon as possible, because we must be ready for the end of April and to write back, that I can know, that my order is into your hands. Requesting ~~immediate~~ attention to these commissions

Remain yours obediently servant.

Lieutenant Alexander Koltchanov S. R. N.

Приложение 3

Доклад А.В. Колчака

**«О современном положении
Русской полярной экспедиции».**

**Чтение в Иркутском географическом обществе
6/21 февраля 1903 г.**

Русская полярная экспедиция, снаряженная Академией наук под начальством барона Толля и вышедшая из Петербурга в 1900 г., получила конец, совершенно не входящий ни в первоначальные программы, ни могущий быть даже представленным кем-либо из участников экспедиции ранее 1902 г., когда решение барона Толля оставить судно и постараться пройти на Землю Беннетта обусловило разделение ее состава и положение вещей, о которых я постараюсь вкратце сообщить в настоящий вечер.

Прежде чем перейти к сообщению о современном состоянии экспедиции, я позволю сказать несколько слов о целях и задачах, с которыми экспедиция вышла из Петербурга, а также о районе Новосибирских островов, служившем во вторую зимовку экспедиции местом ее деятельности.

Главная цель экспедиции состояла в обследовании части Ледовитого океана, расположенной к северу от Новосибирских островов. Вторая задача состояла в зимовке на Таймырском полуострове и обследовании этой наименее изученной арктической части Азиатского материка. Оставив в стороне Таймырский полуостров, я обращусь к Новосибирским островам. Упомянутая выше часть Ледовитого океана, помимо полной необследованности, привлекала еще слухами о существовании каких-то земель, в разное время виденных промышленниками с Новосибирских островов. Слухи эти, появившиеся еще в начале прошлого столетия и распространенные промышленником Санниковым, несмотря на опровержение их лейтенантом Анжу в 1820-х годах, описавшим впервые острова и копии с подлинных карт которого находятся теперь в аудитории, получили особенное значение после открытия экспедицией Де-Лонга в 1881 году острова Беннетта к северу от Новой Сибири и извещения барона Толля о сильных признаках гористой земли к северу от острова Котельного. Занимаясь уже давно геологией Новосибирских островов, барон Толль придавал огромную важность физико-географическим и особенно геологическим исследованиям, к краткому напоминанию о которых я теперь перейду.

О ~~собрании~~ ^{намерении} Русско-Персидской
(миссии в Исфахане Персия, Август 21 1802)

Русская Империя ^{содержит} Исследующую Академию
Капитан род Кавказский капитан Морав.
и Вицеадмирал из Кембриджа в 1802 г.
научился ко всему совершенству в Академии
и в первоначальном образовании и языки
иные тоже преподавал и в то же время преподавал
экскурсию в июне 1802 г. когда французский
Генерал оставался в плену и возвращение принял
на реверс Беннета обязанности по составу ее
составу и намерению Венны о котором и
портретом враньям содействуя ~~в~~
и намерении везти.

Исследовать ~~в~~ ^{содержит} ~~содержит~~ ~~содержит~~
исследовать ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
и повелев намерению ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
слова о ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ и ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
исследовать Венны из Кембриджа а также
объяснить Ново-Сидарскую осповод ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
Генерала и Акматавности.

Генерал из ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
Сидарскую осповод, вторая задана ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
в ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
обширности ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~
а ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~ ~~содержит~~

Получив от вас сведения о краше сестры
оплатил по его дарам и т. д. Я не имел
времени до мажас алмазным его по
пути до дому сообщить вам сведения
Комплекта.

Околошашно вврно. Мне я еще раз
вышину это зам мало его и гайбви
среди попорак от мнеть переф
каптай. Я не станю его каменю
~~Крижесекит, ого сервето и монету~~
варово зовник при рдвеняя Сирова
Зобрени его, по бирое дурое монюе
по меему преддурению и в дурани
сирея С миемо дурдурати отовонит
~~буде рдмивае чие~~ и в дурани, чие в
дурани чие дурани дурани Малеб
малеб востит и чиемь замь и чиемь
~~чиемь чиемь~~ чиемь чиемь
чиемь чиемь чиемь чиемь чиемь
чиемь чиемь чиемь чиемь чиемь

Новосибирские острова состоят из двух групп больших островов: Ляховских и собственно Новосибирских, иначе называемых именем Анжу.

Разделение островов на три группы Ляховские, Анжу и Де-Лонга.

Лед и ледовые условия.

Плавание «Зари» у островов в 1901 г. и остров Беннетта.

Зимовка на о. Котельном.

Уход барона Толля на материк, возвращение и уход на о. Беннетта.

Оканчивая свое сообщение, я прошу снисходительно отнестись к его форме, т.к. я не имел времени не только изложить его на бумаге, но даже составить как следует конспект.

Относительно барона Толля я еще раз выскажу, что, зная лично его и условия, среди которых он может теперь находиться, я не считаю его положение критическим, оно серьезно и может вызвать заботы для облегчения ближайшего возвращения его, но всякое другое мнение, по-моему, преждевременно и, во всяком случае, лишено достаточных оснований. Я надеюсь, что в ближайшем будущем барон Толль лично явится в этот зал и сделает здесь более обстоятельное и более интересное сообщение¹.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 3, 4, 3 об., 4 об. Расшифровку рукописного текста выполнила Н.И. Быстрова – научный сотрудник ИИЕТ РАН.

Его Превосходительству
Андрею Ипполитовичу Вилькицкому

**Памятная записка о плавании
северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири,
от устья р. Енисей до Берингова пролива¹**

(Автограф А.В. Колчака)

На заседании 23 августа с.г. [1906 г. – В.С.] по вопросам об исследовании Северного Ледовитого океана Его Высочайшему Превосходительству адмирал Владимир Павлович Верховский поручил мне составить по этому предмету записку и представить ее Вашему Превосходительству для рассмотрения.

Посему представляю свои соображения по рассматриваемому вопросу.

Более полутора столетий прошло со времени первого и единственного систематического исследования Сибирского побережья, выполненного «Большой Северной Экспедицией» 1733–1743 гг. под общим начальством командора Беринга.

Этой экспедицией были впервые установлены границы Азиатского материка, но только через 150 лет Норденшельд практически доказал возможность воспользоваться «северо-восточным проходом», пройдя в одно лето Карское и Сибирские моря от Югорского Шара до Берингова пролива. Гидрографические исследования наших арктических морей, произведенные, преимущественно, по инициативе и средствами Морского ведомства, дали в настоящее время возможность с большой уверенностью плавать в водах южной части Карского моря до устьев рек Оби и Енисея, но даже на северо-востоке вопрос о пути остается во многих случаях в том виде, в котором он был представлен сподвижниками командора Беринга...

Со времени Императрицы Анны Иоанновны только четыре судна обогнули северную оконечность старого света – мыс Челюскин («Вега» и «Лена» экспедиции Норденшельда в 1879 г., «Фрам» экспедиции Нансена в 1893 г. и «Заря» экспедиции барона Толля в 1901 г.), и результаты их плаваний являются единственными материалами, дополняющими труды упомянутой «Большой Северной Экспедиции». Необходимо иметь в виду, что последние три экспедиции могли дать результаты, совершенно

¹ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 3–8, 3 об. – 8 об.

Его Превосходительству
Господину Унскому
Вилькицкому.

Получил письмо о плавании
серебряно-железных рудников в
Сибире от уезд. р. Эксперт
до Березово правды.

Во вторник 23 Августа с. г. по
вопросам об иждивении Сибирско
Медальеро ордена, Его Высочайше
Превосходительство Александр
Владимирович Пашков Первостепенный
поручик наш содейств. похоту
предмету письма и представил
ей Высочайше Превосходительству для
разрешения.

Посему и руководило свои соображения
по размерам равниному болоту.

Важное значение имеет и то, что
со времени первого единого начала
систематического изучения Си-
бирских водоразделов, известного
"Большой Сибирской Экспедицией"
1733 - 1743 гг. под руководством
капитана Беринга.

Этой экспедицией были впервые
установлены границы Азиатского
материка, который здесь 150
миль Кордильеры хребта
длина возможности возможности
"северо-восточных проходов"
хребта водораздел Карские и
Сибирские моря от Тихого
Моря до Берингова пролива
Тихоокеанских водоразделов
наших арктических морей, хребта
ныя, преимущественно, по линии
и средним морским водоразделом,
длин в последние времена воз-

пожалося о Балтийской утрате
малога и выдалъ южной широты
Карибского моря до устья реки
Они и Енисей, но дитя по
сверло-вожжи востров о'куди
одреза во многой сурядки и
Тамъ суди, в каковы оны были
прехрвием сподвижниками
Капитана Беринга.

Со времени вышедшии Анна
Головкин только четыре судно
облажи северную оконечность
сферическостъ — мисс Утокингъ,
(„Вера“ и „Анна“ вкредитии
Коркашова в 1877г., „Срванъ“
вкредитии Касено в 1873г. и
„Зара“ вкредитии Варона Палия
в 1901г.) и фелдштръ и въ
клевонъ илюстрия единственики
материалии Южннмишии
ируди урочахуди, Балтийской
Северной Экспедиции.

Кеобходимо имать в виду, что
командир три вкредитии поим

«...которая совершенно не оправдывалась»:
Не вступив в окончательные
еще всенародные соглашения о
изменении Статьи - водного права,
возрос о правительстве его инициативы
принимать всего видящегося препятствия
к осуществлению договора, т. е. в условиях которого
каждый из нас и не замечался.
Говорят про работу в последнем
бюро и данном случае не упоминаю;
принимая иркутское мнение про
последний «совершенно не соответствующий»

Дать рецензию совершенно не
обстояние требовалось, предельная
на гидрографическая и гидрометрия,
которая в свою очередь управляет
вспомогательная часть и по условиям
и средним условиям не могли
быть введены в рядовые,
которые в своем роде по
вопросу состояния от судо-
вой части; многого
этого и в ряде своем

практически, хотя бы уже
тогда, что утрачены даже последние
картографические работы с географов.
Это не касаясь до лотынского каскада,
то и в гидрографических работах «встречаются»
данные суровыми, иными
судами, крайне редкими и
когда также не рождаются
во шломе восток о себе -
восточной крайности; действительно у нас
како в гидрографии, что эти каскады
совершенно не восток, да и не восток
восток сколько восток суровыми
судами и прохода.

Видеть географическое положение
этого курса при каскадах лотынского
восток лотынского.

Каким образом и даже восток
маленький восток лотынского лотынского
каким образом и восток лотынского в
Каскадах лотынского, которое лотынского
лотынского как адмиралов лотынского
и адмиралов лотынского лотынского

Вопросе редукции для колчанов
и для самовых на кожаном
досках для задержания
описанных морского пути в
Восток и Юг, предпринятое нами
каждого дня на корабле Виктории.
Предпринятое гидрографическое
исследование Восточного Арктического
в пути экспедиции морского
подвига ономасно ранили
для работы и пожелали его
на совершенно твердые основания.
Предпринятое, каждая из которых
на пути корабля Виктории и
пути Юг и на северо-востоке
можно сделать на два лагеря:
одни летали в среднем-восточном
обитании этого пути и другие
обитательные летатели этой
обитания. Можно утверждать
сказать, что доисторическая
загадка была трудным путем.
летели и истории летания в

Перекан воды и Тудоновская
теплица подтверждает это
предположение: когда были произведе-
ны наблюдения гидрографические
исследования, то оказалось про-
зрачными и естественные
примеси.

Со времени «Большой Северной
Экспедиции» кандалах появились
исходы для колонии предельного
Северя Таймырского полуострова,
самая северная оконечность которой
— мыс Дежневский является в то
время крайней северной точкой
материковой старости и
до сих пор палеонтолог.

Восход солнца Таймыра,
субъекты мануальных работ,
включить и все сибирские
земли в Сибири море
под лучами меридиана, для
наших предположений это лед,
содержащий — если только предельно

в азиатской лаборатории, кучер
у отца Серова кабанский маршал.
Виницкино и штурману Мухому,
и мажоранту Хромову и
Капусту Липову и садоводу Аста-
шкеву Землянику и во дворе, и
сзади на улице, и в другой
стороне улицы и отрядами валики,
что поименно окладивши себя
вспурдену облучив отрути
и вдовам и вдовам и вдовам
христианство перед Итальянскими
Берлога, но русские не менее совершили
но не христианскими ты отрубной
Архив даже и в неаб слабых
идеи.

Против этого только о лавини-
Светло Возвращении и рабстве и
однакоже кинного на суду, как
на обачию и ватны и ринуть
две столбчатые колонны в ринуть
внутри шурфов, как картами
декарт Серва Шейкина:
под симфонией в истребить

кажется можно подразделить ко-
гда вода: морская, отступающая
непосредственно в результате
поверх и океанического, более
обширного происхождения, приходящая
вотрами и теснившись бассейна
Медовидно океана.

Про последние можно утверждать
сказать, что его ласки, предельно
в том кабулять ласки со лаской
минимизировать судя границами, отсюда
применяется совершенно исключительную
высшую правительственную
активностью Прованс олимпийских
двух средств, которые в последние
расширяется наука и техника.

Первый т.е. медовидно происхождения
который предельно в форме более
или менее затруженности кабулять
и иногда даже непосредственно не
популярно для происхождения салици
сильными обидеть там.

На сколько нам известно
исследованиями шлово происхождения

Северо-восточного течения воды
океанического происхождения восточнее
и восточнее, по мере приближения
можно предположить при установлении
условий влияния течения Империума,
каждые три года в течение экспедиции
(Кордильера, Кансера и Верно
Тамм) его течения в восточном направлении.
Кордильера и характер берегов
иногда в смысле восточного направления
и форма воды очень серьезное
значение. Западнее берега Тамм ширин
то расстояние от Тихоокеанского течения
почти до устья реки Тамм ширин
иногда и иногда иногда характер
иногда в присутствии других течений
различными особенностями; благодаря
этим особенностям медленнее
влияние реки берегов и иногда иногда
медленнее отходит. Далеко или менее
широкий канал быстрого берегов
принадлежит к течениям, характер
иногда в Тихоокеанском направлении,
иногда в отходе к морю иногда

Берега; но зато и теперь, описываясь
отсюда, увидя до начала периода
замерзших берегов свободными от
какого-либо льда, или отсюда
со стороны моря берега, и содержа
ледяные плаги при входе в море
Беринговского пролива.

Во второй стороне Шаймарин
идет, при устье ит. ит. ит. ит.
сорта Беринговского пролива,
давая возможность многократно
от ледяного покрова и отсюда
знаменитых масс мощного
многократного льда. Точка
идея ит. ит. ит. ит. ит. ит.
своими свойствами и мощностью
в период возможной активности
ит. ит. ит. ит. ит. ит. ит.
ит. ит. ит. ит. ит. ит. ит.
ит. ит. ит. ит. ит. ит. ит.

Возраст берегов Шаймаринского
пролива, по наблюдениям
и т. д. и т. д., и т. д.;
и т. д. и т. д. и т. д. и т. д.
и т. д. и т. д. и т. д. и т. д.

Валюшиной Хатангой, Анабаром,
Олексканом и Леной и Сибирский
округи. Южная берега реки, впрочем,
вообще почти убогие и
для охоты и скотоводства от
льда, во льду ильда и льду, что
вообще по берегам Таймыра
предельно холодно и неуютно,
т. е. край оградил сводный,
огражденный от и бассейна Сибирской
окладной, никакие и другие
круп: лобовые складные только
походные на вид фута и льда
и другие ограничивая все же, что
на о льду льда.

Валюше и впрочем ильда все
маленько на берегах ильда
калужина, Сибирский ильда
на крайнем берегу моря
Валюшиной Сибирский южок.
Южок на край ильда ильда
ледовый край ильда со фута
льда ильда ильда; Южок ильда
во паки восток ильда ильда

реверс-капаст' Т. е. от берега
Сибиря и крайние маеса
мид у берегов Урагской земли
лучшим мид ветренности, Бледоре
небь южному расположено пока ледь
дрини меридианом, ~~мид~~
максим Тле ларунакчидь ила со
слабшим. Винаюгафетивыми лани-
ками.

Результат все скажешь, можно прийти
к следующим выводам:
Значное преобладание на луде
сильно-воздушных гидродинамических
факторов. Математический анализ
показывает совершенно не описанный и
необъяснимый; а результаты анализа
показывают гидрографический и гидро-
и лоды, показывая мидь всегда
ветренности и беречь что
каждого. Наиболее серьезное
влияние оказывает гидрографический
и гидрографический скажешь и кажешь
у западных, широтного характера
берегов Математика; ледь южной

оказался наибольшим и глубоким
в районе о. Као-Линка Уингосина.
Укрепление восточного и южного, юго-восточного
и северного берегов Таймсера
предусматривается одним из важнейших
задачей инициативы о освоении
пространства, не менее важными, чем
тишь берегов и краев.

Несомненно, что в будущем, когда
мы будем строить свои поселения
у берегов Таймсера, как и раньше
спереди себя всего будем видеть
азиатского материка, поэтому
внимание на возможности освоения
Таймсера - как и раньше и юго-
западных берегов и юго-восточных
берегов Таймсера.

Крайние Южные - Южные, юго-восточ-
ные, северные берега Таймсера
Котид, особенно самые большие
районы Южных, до крайних южных
районов южных и юго-восточных

от Сакала на Хатонгу через Аудину,
на озеро Корыньское или Писинское,
Юнь по Писин, вверх по ее
притокам Аудинь или Авани,
через Витрань на иррек Бота-
лиди и Хетн, соединяющихся
притоков бассейна Хатонги
Товарищ это либо о судачах
этих рек или там более о возможности
улучшить эту судачью, отсюда
шагательную связь между естественными
объектами Сибирских рек, при
каждом случае можно избежать.
На эти реки можно устроить железно
дорожки, т. е. как когда
не забывая и о применении их
для других целей.

Наиболее важным является об этом
предмете поучить себя поучая всем
разнообразным материалам введением
какого П. И. Мамайева, в прошлом
1902. из исследования бассейна
Хатонги и Хатонский край.
Всего описано Хатонги и описано

заключая три неименных элемента
содержащих не использованных.
По крайней мере записан не разоблаченный
вопрос о истинности утверждения
стабильно-высокого процента.
Этот процент существует, но великие
судьи о возможности или невозможности
этих изменений являются частью
материала не по сути и не по
сущности. Преобладающее
положение существует о неопределенности
продолжения аргументации
и возможности увидеть подтверждение
иногда не в действительности
и также не в действительности за последние
годы. Но всегда и восточная
трудности лежат прежде всего в неопределенности
наблюдения и наблюдений и в
русские, более или менее другой
плотности за более неопределенности и
склонности всегда судят неопределенности
и неопределенности, что скрывает нечто
вышло за пределы обычной жизни.
Раньше утверждалось о существовании
стабильно-высокого процента и

Вашею изобретенной системы,
то как приедуте к заморским
и как наименее обременен
распространять работу по ее изобретению
и каковы ее результаты, т.к. велика
судящая об успехах или преуспевании
этой системы будет зависеть
ли не от ее изобретения, а от
применения ее и от ее
сложности работы и от
мере и даже заботливости самих
работ, а в худшем случае даже
еще совершенно противоположно
Господина.

Михаил Караван.

С. Петербург.

№ 52.
Сентября 25.

Его Преловителен
Андрею Уманскому
Вилькискому.

не отвечающие требованиям, предъявляемым к гидрографическим исследованиям, которые в этих случаях играли второстепенную роль, и по условиям и по средствам экспедиций не могли быть выполнены в том объеме, который бы давал ответы на все вопросы, связанные с северо-восточным проходом; многие части этого пути и в настоящее время остаются совершенно не обследованными. Не вдаваясь в экономические или военные соображения о значении северо-восточного прохода, вопрос о практическом его использовании прежде всего встречает препятствие в отсутствии достаточных знаний о нем, т.к. в сущности говоря никто как следует им и не занимался. Говорить про работы экспедиции Беринга в данном случае не приходится; громкое историческое значение этой экспедиции совершенно не соответствует практическому, хотя бы уже потому, что утрачены даже подлинные картографические работы ее участников; что же касается до новейших экспедиций, то их гидрографические работы являются вообще случайными, лишенными системы, крайне неполными и конечно не решающими все сложные вопросы о северо-восточном проходе; достаточно указать на то обстоятельство, что эти экспедиции совершенно не вели, да и не могли вести сколько-нибудь систематической съемки и промера. Выяснить практическое значение этого пути при настоящем положении вещей нельзя. Насколько ошибочны и даже вредны могут быть такие решения, хорошо показывает история плавания в Карском море, которое такие авторитеты, как адмирал Литке и академик Бэр, признали вообще недоступным для навигации и тем самым на несколько десятков лет задержали осуществление морского пути в Обь и Енисей, практическое значение которого доказал капитан И. Виггинс. Предпринятые гидрографические исследования Вашего Превосходительства в двух экспедициях Морского Ведомства окончательно решили этот вопрос и поставили его на совершенно твердые основания. Препятствия, которые встретятся на пути корабля, вышедшего из устья Енисея на северо-восток, можно разделить на две категории: одни, лежащие в физико-географической обстановке этого пути, и другие, обусловленные незнанием этой обстановки. Можно с уверенностью сказать, что последние являются гораздо более трудными, чем первые, и история навигации в Карском море и Гудзоновом заливе подтверждают это предположение: когда были произведены надлежащие гидрологические исследования, то оказались преодолимыми и естественные препятствия.

Со времен «Большой Северной Экспедиции» наиболее трудным местом для навигации представлялись берега Таймырского

полуострова, самая северная оконечность которого – мыс Челюскин – является в то же время крайней северной точкой материков старого света и даже обоих полушарий.

Высокие широты Таймыра, отсутствие значительных рек, вносящих массы сравнительно теплой воды в Сибирские моря под другими меридианами, дают основание предполагать, что лед, составляющий специфическое препятствие в арктической навигации, получает у этих берегов наибольшее значение. Действительно, ни штурману Минину, ни лейтенанту Прончищеву и капитану Лаптеву не удалось обойти мыс Челюскин ни с востока ни с запада на судне, но, с другой стороны, нельзя не обратить внимание, что последние экспедиции без затруднений обогнули этот мыс на судах, хотя и имеющих несомненные преимущества перед ботами экспедиций Беринга, но тем не менее совершенно не приспособленных для активной борьбы даже с очень слабым льдом.

Прежде чем говорить о навигации северо-восточным проходом, я остановлюсь немного на льде как на одном из главных препятствий для свободного плавания в таких высоких широтах, под которыми лежат берега Таймыра.

Лед, встречаемый в Сибирских морях, можно подразделить на два вида: местный, образующийся непосредственно в рассматриваемых морях, и океанический, более северного происхождения, приносимый ветрами и течениями из бассейна Ледовитого океана.

Про последний можно с уверенностью сказать, что его массы, представляющиеся в виде набивных полей с неопределимыми с судна границами, образуют препятствие, совершенно исключающее всякую практическую возможность активной борьбы с ним при помощи тех средств, какими в настоящее время располагают наука и техника. Первый, т.е. лед местного происхождения, может представиться в формах, более или менее затрудняющих навигацию и иногда также непосредственно немогущих быть преодолимыми самыми сильными средствами.

Насколько нам известны физико-географические условия распространения льда в арктических Сибирских морях, по крайней мере на пути северо-восточного прохода, лед океанического происхождения вообще не встречается, но появление его можно предполагать при известных условиях вблизи мыса Челюскина, хотя три последние экспедиции (Норденшельда, Нансена и барона Толля) его там не встретили. Конфигурация и характер берегов имеет в смысле встречи препятствий со стороны льда очень серьезное значение. Западные берега Таймырского полуострова от Енисейского залива почти до устья реки Таймыры имеют во многих местах характер шхер с присущими таким местам подвод-

ными опасностями; благодаря этому обстоятельству ледяной покров вблизи этих берегов имеет сильную тенденцию образовывать более или менее широкий пояс развитого берегового припая из неподвижного льда, который вскрывается с большим опозданием, чем в открытых к морю частях берега: но зато шхеры, очистившись ото льда, остаются до начала периода замерзания более свободными от плавающих масс льда, чем открытые со сторон моря берега, к которым ледяные поля при ветрах с моря беспрепятственно приближаются. С этой стороны таймырские шхеры, при условии их исследования, скорее благоприятствуют навигации, давая возможность легкого укрытия от ледяного напора и отсутствию значительных масс мощного многолетнего льда. Годовалый лед шхерных пространств по своим свойствам и мощности в период возможной навигации не представляет неодолимого препятствия для современных ледоколов.

Восточный берег Таймырского полуострова, по-видимому, представляет меньше затруднений, чем западный; этот берег подвержен влиянию масс теплой воды, выносимой Хатангой, Анабаром, Оленеком и Леной в Ледовитый океан. Описание берега даст, вероятно, возможность найти удобные места для стоянок в случаях укрытия ото льда, но надо иметь в виду, что восточное побережье Таймыра представляет полную terra incognita, т.к. кроме отрывочных сведений, оставшихся от «Большой Северной Экспедиции», никаких других нет: новейшие экспедиции только подошли на вид этих берегов, и этим ограничивается все то, что мы о них знаем.

Далее к востоку имеются все шансы на беспрепятственную навигацию, благодаря влиянию на прибрежные части моря великих сибирских рек. Ожидать на этой части пути неодолимых препятствий со стороны льда не приходится; дрейф арктического пака вообще направлен в NW^ю четверть компаса, т.е. от берега Сибири, и случайные массы льда у берегов Чукотской земли, могущие быть встреченными благодаря очень южному положению пака под этими меридианами, опасны для парусных судов или со слабыми вспомогательными машинами.

Резюмируя все сказанное, можно прийти к следующим выводам: главное препятствие на пути северо-восточным проходом представляет Таймырский полуостров, частью совершенно неописанный и необследованный: препятствия эти лежат в отсутствии гидрографических исследований и льде, могущем быть всегда встреченным у берегов этого полуострова. Наиболее серьезное влияние отсутствия гидрографических исследований сказывается в навигации у западных, шхерного характера берегов

Таймыра: лед может оказать наибольшие трудности в районе около мыса Челюскина. Изучение вопроса о движении, положении и свойствах ледяного покрова у северных берегов Таймыра представляется одной из важнейших частей задачи о северо-восточном проходе, не менее важной, чем описать берегов и промер.

Несомненные трудности, которые могут встретиться при плавании у берегов Таймыра, как наиболее северной части всего пути вокруг Азиатского материка, обращают внимание на возможность обойти Таймырский полуостров с юга, пользуясь близостью и небольшой шириной водоразделов рек Енисея и Хатанги. Приток Енисея – Курейка, по-видимому, очень близко подходит к истокам Котуя, одного из самых больших притоков Хатанги, но, кроме этих рек, имеется исторический путь с Енисея на Хатангу через Дудинку на озеро Норильское или Пясинское, вниз по Пясины, вверх по ее притокам Дудыпте или Аваме, через водораздел на истоки Боганиды и Хеты, составляющих принадлежность бассейна Хатанги.

Говорить что-либо о судоходности этих рек или тем более о возможности улучшить эту судоходность, образовать искусственную связь между системами двух великих сибирских рек, при настоящих наших знаниях, невозможно. На эти реки можно указывать только теоретически, т.к. никто никогда не задавался их исследованием с этой точки зрения.

Наиболее ценные сведения об этом предмете могут быть получены после разработки материалов экспедиции геолога И.П. Толмачева, в прошлом 1905 г., исследовавшего бассейн Хатанги и Хатангский край. Даже сама Хатанга с огромным заливом того же имени являются совершенно неисследованными. В настоящей записке не рассматривается вопрос о целесообразности навигации северо-восточным проходом. Этот проход существует, но всякие суждения о возможности им пользоваться при настоящем положении наших знаний о нем не могут иметь никаких серьезных оснований. Преобладающее мнение существует о невероятных трудностях арктической навигации, в большинстве случаев поддерживаемое лицами, никогда не видавшими льда и вообще не бывавшими за полярным кругом. Но всегда и везде главные трудности лежат прежде всего в незнании и отсутствии исследований, и мы, русские, более чем кто-либо другой, платились за наше невежество и склонность всегда считать невозможным и неодолимым то, что сколько-нибудь выходило за пределы обычной рутин. Раз признается факт существования северо-восточного прохода и важность пользоваться этим путем, то надо приступить к рассмотрению, как наилучшим обра-

зом распределить работы по его исследованию и начать эти работы, т.к. всякие суждения об удобствах или препятствиях этого пути будут носить характер ни на чем не основанных положений, при том же личные взгляды и склонности получают наибольшее значение и только затемнят самый вопрос, а в худшем случае дадут ему совершенно превратное толкование.

Лейтенант Колчак

С.-Петербург
1906 г.
Сентябрь 25

Его Превосходительству
Андрею Ипполитовичу
Вилькицкому²

² Расшифровку рукописного текста выполнила Н.И. Быстрова – научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Н. Шоканиский, А. Молчан,
А. Брейтфус и И. Моллачев

МАТЕРИАЛЫ

къ вопросу объ изслѣдованіи береговъ
Сибири

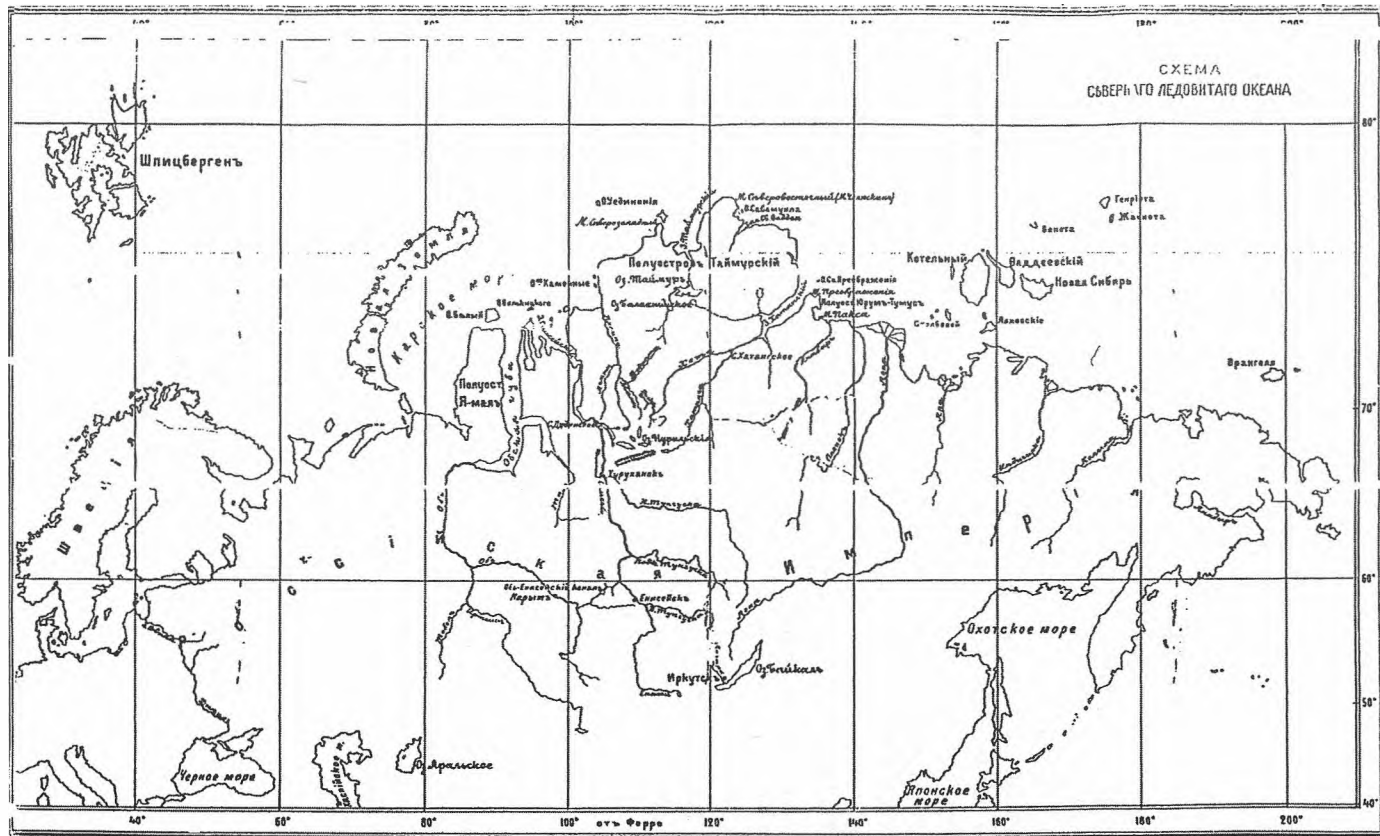
Рекомендательная записка от 11 января 1907 года

Краткій обзор исследования морского пути
вдоль северных берегов России

В те отдаленные времена, когда совершалось распространение русского государственного влияния на северные области современной России, было положено начало пользованию прибрежной полосой Ледовитого океана как водным путем, который от одной речной системы до другой, от устья к устью, постепенно довел русские владения до восточных окраин Азии и Тихого океана.

Первое обследование всего побережья России в Ледовитом океане, громадная, беспримерная по своим трудностям и своему значению работа, было выполнено в короткий срок десяти лет с 1733 по 1748. Это обширное предприятие, известное под именем Большой Северной Экспедиции, положило основание всем нашим последующим работам здесь.

Долгое время никаких новых исследований и не предпринималось, и только уже в начале XIX столетия были произведены частичные обследования северного побережья России, главным образом берегов Мурмана и Новой Земли под руководством Ф. Литке (1821–1824 гг.) и в связи с этим матерого берега от Белого моря вдоль Ямала и Обской губы до Обдорска штурманами Ивановым и Бережных.



Составлено по материалам и фотограмметрическим снимкам Бюро Гидр. № 6/1907 г.

Схема Северного Ледовитого океана и контуры берегов по данным Главного гидрографического управления морского министерства в 1907 г.

Восточная часть побережья Сибири почти одновременно была также снята и описана вновь экспедицией лейтенантов барона Врангеля и Анжу (1820–1824 гг.), которые работали в области, охватывавшей весь Новосибирский архипелаг и прибрежную полосу океана на востоке до острова Колючина, лежащего уже недалеко от Берингова пролива, пространство до которого было уже описано ранее экспедицией Биллингса (1791 г.).

Затем интерес к изучению морского пути в Сибирь снова замирает, и только уже во второй половине столетия, благодаря заботам русского человека, истинного радетеля о севере России – Сидорова, вопрос вступает в новый фазис, начинается действительное изучение морского пути из Европы в Сибирь. Благодаря почину Сидорова и затраченным им энергии и средствам, обширный круг людей был заинтересован в этом деле и, между прочим, Норденшельд и Виггинс, которые своими плаваниями к устьям Енисея и Оби значительно подвинули это дело вперед.

Наконец, знаменитое плавание Норденшельда на «Веге» в 1878–1879 гг. вокруг северных берегов Азии дало первый пример возможности плавания Ледовитым океаном вдоль берегов Сибири.

Вслед за тем, последнюю часть XIX столетия, Россия сама затратила немало сил на изучение и обследование западной части Ледовитого океана, прилегающего к ее берегам. Целый ряд экспедиций Морского ведомства и других учреждений и ученых обществ, а также Научно-промысловая экспедиция Комитета для помощи поморам сделали очень много для изучения той части океана, которая лежит между Норвегией и Новой Землей. Хотя тут остается еще много работы для того, чтобы поставить плавание вдоль этих берегов в современные условия безопасности, но и то, что уже достигнуто, успело принести большую пользу и местному населению, занятому промыслами, и морскому торговому движению, и, наконец, даже современные боевые суда большого размера получили возможность безопасно плавать здесь, как это доказало недавнее посещение Мурмана эскадрой контр-адмирала Бострема.

Части Ледовитого океана, обнимающей пространство от устьев Печоры далее на восток до Енисея, за последнее десятилетие было уделено Морским ведомством большое внимание. Здесь работала особая Гидрографическая экспедиция Ледовитого океана, большую часть времени под руководством полковника корпуса штурманов А.Н. Вилькицкого (ныне генерал-майора, начальника Главного Гидрографического Управления), а затем – под начальством капитана 2 ранга А.И. Варнека и два года – под

начальством полковника корпуса флотских штурманов Ф.К. Дриженко. Эта экспедиция собрала настолько значительные данные, что для всего побережья от Печоры до Енисея были изданы новые морские карты и составлено руководство для плавания; и то, и другое сослужили уже немалую службу в деле открытия доступа судам из Европы к устьям громадных водных артерий Западной Сибири: достаточно упомянуть о последнем обширном транспорте судов и грузов ведомства Министерства Путей Сообщения, а также и частных, который столь благополучно совершил свой путь в Енисей в 1905 году.

Пространство Ледовитого океана от Берингова пролива на запад до Лены и Таймырского полуострова в течение конца XIX столетия, тоже было посещено несколькими экспедициями, которые исправили и дополнили очертания берегов континента, Новосибирского архипелага и Земли Врангеля; но все эти экспедиции (к устью Лены Императорского Русского Географического Общества в 1882–1883 гг. под начальством Юргенса; Императорской Академии Наук: доктора Бунге и барона Толля в 1885–1886 гг.; в 1893 г. барона Толля и лейтенанта Шилейко; Русская полярная экспедиция барона Толля в 1901–1903 гг. и, наконец, экспедиция Толмачева в 1905 г., снаряженная Географическим Обществом) имели свои особые цели и потому изучению собственно прибрежного пространства океана посвящали свое внимание только попутно и к тому же, кроме Русской полярной экспедиции барона Толля на «Заре», это все были береговые исследования, и они относились только к части океана, лежащей между Таймырским полуостровом и рекой Колымой.

За последнее время вдоль Сибирского побережья от Берингова пролива на запад был совершен ряд плаваний китобоями и промышленниками разных наций, но главным образом американцами. Тут же плавали и таможенные крейсеры Соединенных Штатов. Все это показало, что летом здесь беспрепятственно возможна навигация вдоль берега материка.

Таким образом, хотя восточная часть Сибирского Ледовитого океана и изучена гораздо менее полно и систематично, нежели, как было указано выше, его западная половина, тем не менее, можно быть убежденным в возможности ежегодного плавания вдоль обеих этих частей прибрежной полосы Сибирского Ледовитого океана.

Единственной частью, не обследованной и мало известной как в смысле условий плавания, так и в других отношениях, остается побережье Таймырского полуострова от Енисейского зали-

ва на востоке до Лены. Никаких систематических работ здесь не производилось со времен Большой Северной экспедиции 1733–1743 годов; до сих пор вдоль берегов полуострова и вокруг северной оконечности Азии – мыса Челюскина прошло только три судна: Норденшельд на «Веге» в 1878 г., Нансен на «Фраме» в 1893 г. и барон Толль на «Заре» в 1901 г.

Опыт этих трех экспедиций, конечно, еще недостаточен для выяснения условий плавания здесь, к тому же эти экспедиции, кроме последней барона Толля, и не могли что-либо сделать серьезное для изучения этого столь недостаточно известного побережья, потому что и цели их были совершенно иные. Работы кап. 2 р. Коломейцева, лейтенантов: Матисона и Колчака, участников экспедиции барона Толля, посетивших только часть побережья Таймыра, подтвердили, что на картах берега здесь совершенно неверно обозначены, а это имеет громадное значение при выяснении общего физико-географического характера этой местности.

Самым насущным и первенствующим вопросом, подлежащим разрешению, представляется выяснение условий движений льдов вдоль побережья Сибири от Енисея до Лены. Решение этого вопроса возможно только при помощи нескольких соответственно избранных станций на самом берегу, которые бы провели тут, по крайней мере, целый год и дали бы полный, годовой цикл наблюдений над движением льдов в Ледовитом океане.

Нет никакого сомнения, что и учение этой, остающейся в виде совершенного пробела, средней части прибрежной полосы Сибирского океана, даст возможность и здесь плавать не наугад, как это было до сих пор, а основываясь на знании физико-географических и гидрографических условий этой части океана.

Изучение всей истории полярных исследований показывает, что неразрешимые с первого взгляда задачи сохраняли этот характер только до тех пор, пока данный вопрос не был достаточно исследован со всех сторон. Первые успехи в изучении полярных стран нарастали чрезвычайно медленно и только затем, по мере ознакомления с теми препятствиями, с которыми приходилось иметь дело, научались их избегать, с ними бороться, а попутно и успехи исследований становились все быстрее и быстрее.

Например, в 1773 г. крайней точкой, до которой успели пойти люди с XV столетия, была параллель $80^{\circ}48'$ с.ш. (Фиппс к сев. от Шпицбергена); через 120 лет к 1893 г. продвинулись только на 156 миль далее; а с 1893 по 1896 г. Нансен сразу поднялся на 170 миль к северу. Что же было причиной такого быстрого успеха – усовершенствования техники, особые благо-

приятные условия? Нет, главным образом накопившийся опыт изучения тех условий Полярного бассейна, с которыми приходилось иметь дело.

В истории полярных работ существуют подобные же примеры и в другом масштабе, еще более подходящем к рассматриваемому нами вопросу о Сибирском Ледовитом океане.

Мною уже был указан один из них еще 14 лет тому назад, я подразумеваю Гудзонов залив, бассейн которого в свое время считался совершенно затертым льдами круглый год. Однако изучение и исследование вопроса показало неверность такого предположения и в настоящее время ежегодно совершаются правильные рейсы к факториям и его берегам.

Подобным же примером является и наше Карское море. Недостаточное знакомство с ним привело известного мореплавателя, Литке, работавшего лично в соседней части Ледовитого океана, а также и знаменитого естествоиспытателя Бера к заключению, что Карское море есть совершеннейший ледник.

Однако, благодаря самоотверженным усилиям Сидорова, работавшего безо всякой поддержки, и по его стопам Норденшельда, Виггинса и русских гидрографов, это мнение совершенно опровергнуто и возможность плавания по Карскому морю вполне доказана целым рядом торговых и промысловых судов, посещавших и посещающих этот бассейн.

Все это служит неоспоримой порукой, что и изучение побережья и прибрежной полосы океана у Таймырского полуострова раскроет нам совершенно неизвестные теперь условия распределения и движения здесь льдов, и вместо неизвестности и плавания наудачу даст определенную картину физико-географических условий этой части океана и точные очертания его берегов, которые вместе дадут возможность и здесь победить – не природу, нет, а незнакомство с нею и ее условиями, которое только и мешает там пользоваться ей, как это надлежит.

163 года тому назад русские моряки с честью положили начало исследованию северного побережья Сибири, остается надеяться, что счастье выковать это недостающее еще звено в цепи современных исследований этого пространства – на пользу родины – будет предоставлено русским гидрографам и исследователям.

11 Января 1907 года

Полковник *Ю. Шокальский*

**Рекомендательная записка
от 15 января 1907 г. С.-Петербург**

**Материалы к вопросу об исследовании
берегов Сибири**

Северо-восточный проход морем из Атлантического в Тихий океан может быть подразделен в зависимости от физико-географических условий и степени исследования на четыре крупные части:

1. От Югорского Шара до входа в Енисейский залив, точнее до порта Диксон, в которую входит южная часть Карского моря.

2. От острова Диксон до Хатангского залива, расположенную у берегов Таймырского полуострова.

3. От Хатангского залива до устья реки Колымы вдоль северного побережья Азиатского материка и

4. От устья реки Колымы до Берингова пролива.

Первая часть от Югорского Шара до Енисейского залива в настоящее время может считаться практически исследованной. Занимая наиболее благоприятное, с точки зрения физико-географической обстановки, положение, эта часть пути в последнее десятилетие служила местом гидрографических работ, начатых полковником (ныне генерал-майором) А.И. Вилькицким; морской путь на Енисей и Обь может считаться уже имеющим практическое значение и об этой части Северо-восточного прохода в смысле его доступности говорить не приходится.

То же самое можно сказать и о крайней восточной части этого пути, расположенной к востоку от устья реки Колымы до Берингова пролива. Эта часть пути ежегодно посещается американскими китобоями, ведущими хищнический торг с обитателями Чукотской земли и многие корабли неоднократно доходили почти до меридиана реки Колымы, в пунктах, значительно лежащих к северу от берегов.

Остаются две средние части, наименее обследованные и представляющие уже по этой одной причине наибольшие трудности для практической навигации. Настоящая записка имеет целью дать краткий свод тех сведений, которыми мы располагаем для суждения о возможности плавания в этих отдаленных и малоизвестных водах.

Если не рассматривать исследований времен Императрицы Анны Иоанновны, произведенных партиями Великой Северной Экспедиции под общим начальством командора Беринга, то все фактические данные об этих частях Северо-восточного пути ле-

жат в работах трех современных экспедиций: 1) шведской экспедиции под начальством Норденшельда на яхте «Вега» в 1879 г., 2) норвежской полярной экспедиции Фритъофа Нансена на шхуне «Фрам» в 1893 г. и 3) русской полярной экспедиции барона Толля на яхте «Заря» в 1900 г., снаряженной Императорской Академией Наук.

Из этих экспедиций только одна – шведская под начальством Норденшельда – имела своей главной задачей доказать практически возможность плавания северо-восточным проходом, две остальные преследовали иные задачи: Нансен – открытие полюса, барона Толля – обследование Ледовитого океана в районе к северу от Новосибирских островов.

Экспедиция Норденшельда совершила переход от Югорского Шара до Берингова пролива в одну навигацию, не встретив на пути нигде серьезных препятствий. Зимовка «Веги» вблизи Колючинской губы на Чукотском полуострове не может считаться обусловленной невозможностью совершить этот переход в период навигации, т.к. Норденшельд для научных работ останавливался во многих местах и зимовка была сознательной потерей времени.

Экспедиция Нансена на «Фраме» совершила свой путь с большими препятствиями как в Карском море, так и в Сибирском по восточную сторону Таймырского полуострова, встречая по пути много льда; вблизи Таймырского пролива «Фрам» был остановлен неподвижным льдом, но попутный шторм устранил эту преграду и Нансен после недельной остановки продолжал свой путь, обогнул мыс Челюскин, самую северную точку Азиатского материка и, спустившись вдоль берега почти до меридиана реки Оленек, направился к северу, где затерся в лед и начал свой известный дрейф со льдом Арктического океана, продолжавшийся почти три года.

Русская Полярная экспедиция барона Толля в 1900 г. встретила еще большие препятствия; этот год был крайне неблагоприятен в смысле распространения льда и яхта этой экспедиции «Заря» вынуждена была пробираться вплотную к совершенно необследованным берегам западного Таймыра, встречая затруднения со стороны полного отсутствия гидрографических исследований, не меньшие, чем от масс льда.

В том же самом месте, где в 1893 г. был остановлен неподвижным льдом «Фрам», «Заря» встретила перемычку из сплошного льда и за поздним временем, которое ушло на вынужденные исследования неизвестных заливов и проливов, должна была стать на зимовку.

На второй год (1901 г.) «Заря» со вскрытием моря без особых затруднений обогнула мыс Челюскин и пересекла Сибирское море к востоку от Таймырского полуострова, по параллели гораздо севернее путей Норденшельда и Нансена.

Все три экспедиции были произведены на судах, совершенно непригодных для активной борьбы со льдом, со слабыми вспомогательными машинами и препятствие, которое остановило «Зарю», состояло в узкой ледяной перемычке, шириною менее мили, из слабого годовалого льда, 2–3 фута толщиной, легко преодолимого ледоколом. Все три экспедиции совершили переход вдоль наиболее северной части Северо-восточного прохода, от порта Диксон кругом мыса Челюскин, или совершенно свободно, или же встречая препятствия, устранимые современными средствами.

Исследования этих трех экспедиций, особенно последней, барона Толля, совершившей три навигации (в 1900, 1901 и 1902 гг.) в рассматриваемых водах, дали возможность уяснить себе отчасти физико-географическую обстановку Северной части Карского моря, а также Сибирского, в прибрежной полосе вод которых проходит северо-восточный путь.

Огромный Таймырский полуостров с выступающим на севере мысом Челюскин, самой северной точкой не только Азиатского материка, но и вообще всех материков обоих полушарий, во многих своих частях, даже прилегающих к морю (не говоря уже о внутренних), представляется настоящей terra incognita, о которой известны только приблизительные очертания берегов, отчасти до настоящего времени основывающиеся на работах сподвижников командора Беринга.

Совершенно не согласуясь с существующими картами, берега западного Таймыра до устья реки, носящей то же наименование, сильно изрезаны глубокими фьордообразными заливами и окружены многочисленными островами, местами принимающими характер шхерных архипелагов (Каменные острова, группы Челльмана, Норденшельда и др.).

Проливы и проходы среди этих островов вообще неглубокие, со средними глубинами около 10–8 сажен, являются случайными открытиями упомянутых экспедиций, не имевших ни задач, ни средств производить у этих берегов какие-либо систематические гидрографические работы. Для того чтобы плавать в этих водах, прежде всего, необходимы исследования их, а между тем этот берег кажется скорее благоприятствующим для навигации, о чем будет говориться ниже.

К востоку от мыса Челюскин до Хатангского залива единственным основанием для картографии этой части Азиатского материка являются съемки участников Великой Северной Экспедиции времен Императрицы Анны Иоанновны. Последние экспедиции только кое-где приходили на вид этих берегов, стремясь к выполнению иных целей и стараясь использовать свободную воду, которую они неизменно встречали в этой части северо-восточного прохода.

От Пясинского залива, от которого к северу начинаются берега Таймырского полуострова, до Хатангского с впадающей в глубине его рекой Хатангой, на Таймыре имеется только одна значительная река – Таймыра, но и та представляется ничтожной по сравнению с могучими потоками пресной воды, впадающими в северный Ледовитый океан к востоку от Таймырского полуострова, которые начинаются упомянутой Хатангой и кончаются Колымой.

Побережье Азиатского материка к востоку от Таймырского полуострова вообще более обследовано, оно доступнее совершенно необитаемых и никогда не посещаемых даже кочевниками-инородцами берегов Таймыра, и к архаическим описям экспедиции Беринга во многих местах присоединяются исследования новейших путешественников. К востоку от Лены до Колымы берега описаны лейтенантами Врангелем и Анжу в 20-х годах прошлого столетия, дельта Лены обследована в 1881 г. экспедицией Юргенса, работы Бунге, Толля, лейтенанта Шилейко, участников Русской Полярной Экспедиции в 1900–1903 г. определили много астрономических пунктов, но гидрографических исследований в точном смысле этого понятия все-таки нет.

Большая часть съемок и определений совершена в зимнее время путем объезда берегов на собаках и оленях, и только линии курсов «Веги», «Зари» и «Фрама» дают кое-где морской промер, являющийся единственным основанием для суждений о рельефе дна Сибирского моря.

Такое состояние гидрографии большей части северо-восточного прохода представляет затруднения едва ли не большие для мореплавателя, чем лед, являющийся специфическим препятствием для навигации в высоких широтах арктических морей.

Лед, который встречается в Арктическом океане и прилегающих к нему морях, может быть подразделен на два вида: лед океанического происхождения, представляющийся в виде полей в десятки квадратных миль площадью, из многолетнего набивного льда до 30 и более футов мощностью и лед местного морско-

го происхождения. Первая форма является препятствием, для активной борьбы с которым средств нет, но он и не встречается на длине северо-восточного пути и только у мыса Челюскин можно ожидать появления масс арктического пака, хотя ни одна из трех экспедиций его там не встретила.

Лед, с которым придется иметь дело при плавании вдоль северных берегов Азии, почти исключительно местного происхождения. Лед этот можно подразделить на многолетний и годовалый.

Первый также представляет зачастую трудности неодолимые самыми действительными средствами, второй дает возможность бороться с ним во время навигации. В прибрежной полосе вод преобладают годовалые и вообще не очень старые формы, в открытом море больше шансов встретить многолетний набивной лед.

Массы пресной воды, стекающей в море в период таяния, способствуют сильнейшему разрушению льдов вблизи берегов и там, где имеются в наличии такие источники пресной воды, как великие Сибирские реки, там можно а priori ожидать полной возможности плавания без особых затруднений со стороны льда.

Таймырский полуостров, лишенный больших рек, должен поэтому представлять наибольшие затруднения, усугубляемые его крайним северным положением.

Влияние Енисея почти не сказывается даже в Пясинской губе, т.к. вся масса выносимой им пресной воды направляется на NW в открытое море. Но географические условия на берегах западного Таймыра все-таки скорее благоприятствуют плаванию, чем затрудняют его. Масса островов, местами придающих местности чисто шхерный характер, является как бы естественным ограждением прибрежных вод от многолетних полей, образующихся в открытом море. Правда, проливы и заливы вскрываются позже открытых частей водного пространства, но раз очистившись от льда, они остаются свободными в то время, когда с мористой стороны островов сплошные поля старого льда делают плавание невыполнимым.

Чтобы пользоваться этими шхерами, конечно, необходимы исследования; до этого навигация в них является практически не имеющей значения.

Выше я указывал на мыс Челюскин как на место, где можно ожидать самых серьезных препятствий: действительно высокая широта этого пункта, близость океанических глубин (отсутствие островов) дают основание предполагать, что при N-х ветрах поля

льда из области арктического пака могут подходить вплотную к мысу Челюскин. Опыт трех экспедиций не подтверждает этого предположения, хотя и не опровергает его.

В 1901 г. шхуна «Заря», огибая мыс Челюскин, имела на севере совершенно свободное море; зыбь, шедшая от NO, как бы подтверждала отсутствие близости льда, который почти и не встречался на всем пути шхуны через Сибирское море.

Обращаясь к части пути, лежащей к востоку от Таймырского полуострова, мы получаем все основания для возможной беспрепятственной навигации.

Ряд огромных рек от Хатанги до Колымы обеспечивает такие массы пресной воды вблизи берегов, что лед, если и бывает во время лета в их близости, то не может оказать серьезных препятствий. Даже в 1902 г., крайне неблагоприятном для навигации в Сибирском море, когда граница арктического пака спустилась на юг, благодаря упорным ветрам северной половины компаса, в прибрежных районах моря не было совсем льда; правда, эти наблюдения относятся к месту, где оказывает влияние первая по величине река северо-восточной Сибири – Лена, но и этот факт в связи с плаванием «Веги» и «Фрама» подтверждает вышеизложенное.

Если мы обратимся ко времени Великой Северной Экспедиции, к первой половине XVIII столетия, то увидим, что даже при тех примитивных средствах, которыми обладали ее участники, на судах местной постройки, лишенных парового двигателя, были совершены плавания от Хатанги до Колымы: незнание местных условий, отсутствие опыта и связанные с ним ошибки зачастую ставили первых пионеров-гидрографов в критические положения, но, рассматривая их подвиги, видно, что они также указывают на практическое существование водного пути в рассматриваемой области.

При современном положении наших знаний о берегах Таймырского полуострова и северного побережья Сибири к востоку от него трудно сказать, в чем лежат большие препятствия для плавания: в естественных ли условиях или в незнании этих условий. Короткий период возможной навигации, который надо считать не большим 5–6 недель (август и начало сентября), конечно, ограничивает значение Северо-восточного пути, тем не менее, оно сохраняется, придавая Государственную важность связанным с ним вопросам, решить которые может только снаряжение настоящей гидрографической экспедиции.

15 января 1907 г. С.-Петербург

Лейтенант *Колчак*

Рекомендательная записка от 16 февраля 1907 г.

Об исследовании Морского Сибирского пути Мнение начальника Мурманской научно-промысловой экспедиции Л.Л. Брейтфуса¹ (с картой)

«У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащую на берегу этого океана. Мои личные пожелания, в этом отношении сводятся к тому, чтобы мы этим постарались воспользоваться как можно полнее и поскорее, сперва со стороны достижения северного полюса, о котором человечество так долго и безуспешно хлопочет, а потом со стороны правильного торгового движения». «По мнению моему, в нашем морском деле – для его успешного и верного движения вперед – лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана...»

Менделеев. К познанию России. Изд. 3-е, с. 15

Не так еще давно Европейский Ледовитый океан или Баренцево море считался загроможденным льдами и плавание в нем едва возможным. О суровости же его климата, даже его южных берегов, существовали самые преувеличенные представления, и колонизация на Севере, и, притом, не только где-нибудь на Новой Земле, но даже на Мурмане многим представлялась маловероятной.

Между тем, как показало всестороннее изучение Севера, Баренцево море далеко не в такой степени загромождено льдами и плавание в значительной части его в течение круглого года не испытывает ни малейшего препятствия. У мурманских и у северных норвежских берегов ныне совершаются зимние срочные пароходные рейсы, а плавания парохода «Андрей Первозванный», вверенной мне научно-промысловой экспедиции, зимой и летом в течение целого ряда лет, доказали на практике, что зимой это море свободно от льдов иногда до 74° сев. шир. и во всяком случае до 73° сев. шир. к северу и до меридиана Святого Носа и дальше к востоку.

Климат здесь хотя и довольно суров, однако, зимой местами не холоднее петербургского. Так, например, на самой северной оконечности Мурмана, в Вайда-губе², лежащей почти на 10 граду-

¹ Выдержки из печатающейся работы.

² Географическое положение которой: 69°57' N 31°58' E.

сов севернее и слишком на $1\frac{1}{2}$ градуса восточнее С.-Петербурга, зима в среднем из четырехлетних наблюдений (1902–1905) сравнительно с петербургской теплее, лето же холоднее, а именно:

Месяцы		Вайда-губа		С.-Петербург	
		Температура по Ц°		Температура по Ц°	
Зима	Декабрь	-2,85		-5,62	
	Январь	-5,15	Средняя	-6,90	Средняя
	Февраль	-6,65	-4,75°	-5,90	-5,29°
	Март	-4,35		-2,75	
Лето	Июнь	+5,52		+14,75	
	Июль	+8,45	Средняя	+15,75	Средняя
	Август	+8,75	+7,23°	+14,30	+13,72°
	Сентябрь	+6,20		+10,10	
Средняя годовая		+0,50°		+4,00°	

Таким образом, Баренцево море по своему географическому положению, представляя преддверие к пути из Атлантического в Сибирский и Тихий океаны, по своему сравнительно мягкому климатическому характеру является и *незамерзаемым портом Западной Сибири*.

Этим Баренцево море обязано исключительно теплоту *Гольфстриму*, идущему на Севере из Атлантического океана и отчасти вливающемуся в это море в силу вращательного движения Земли. Благодаря этому течению температура Баренцева моря в большей его части всегда выше $0,0^{\circ}$ и соленость между $34,65$ – $35,12$ ‰, а вследствие этого органическое население его тождественно с таковым Атлантического океана; Гольфстриму мы обязаны и нашими богатыми рыбными промыслами на Мурмане.

Обращаясь к приложенной здесь карте разветвлений Гольфстрима, составленной на основании всего существующего по этому вопросу материала, как литературного, так и добытого вверенной мне экспедицией, мы видим, что Гольфстрим, идущий вдоль западного берега Норвегии, раздваивается приблизительно под 72° сев. широты. Главный (западный) из этих рукавов, или *Шпицбергенское течение*, несущий воду большей солености, продолжая передвигаться на север, вдоль отлогого западного берега Шпицбергена, доходит до 80-й параллели, дает несколько малых ветвей к проливам Шпицбергена, и, пройд-

дя эту группу островов, склоняется к востоку и достигает в этом направлении Новосибирских островов. Признаки этого течения в высоких широтах открыты Нансеном во время его знаменитого дрейфа на «Фраме» от Новосибирских островов в северо-западном направлении до меридиана Шпицбергена. Надо полагать, что этот дрейф, т.е. движение верхних слоев океана (а также льдов) в северо-западном направлении, так или иначе, находится в связи как с господствующими ветрами, так и с теплым течением, идущим в более глубоких слоях в обратном направлении, т.е. с W на E.

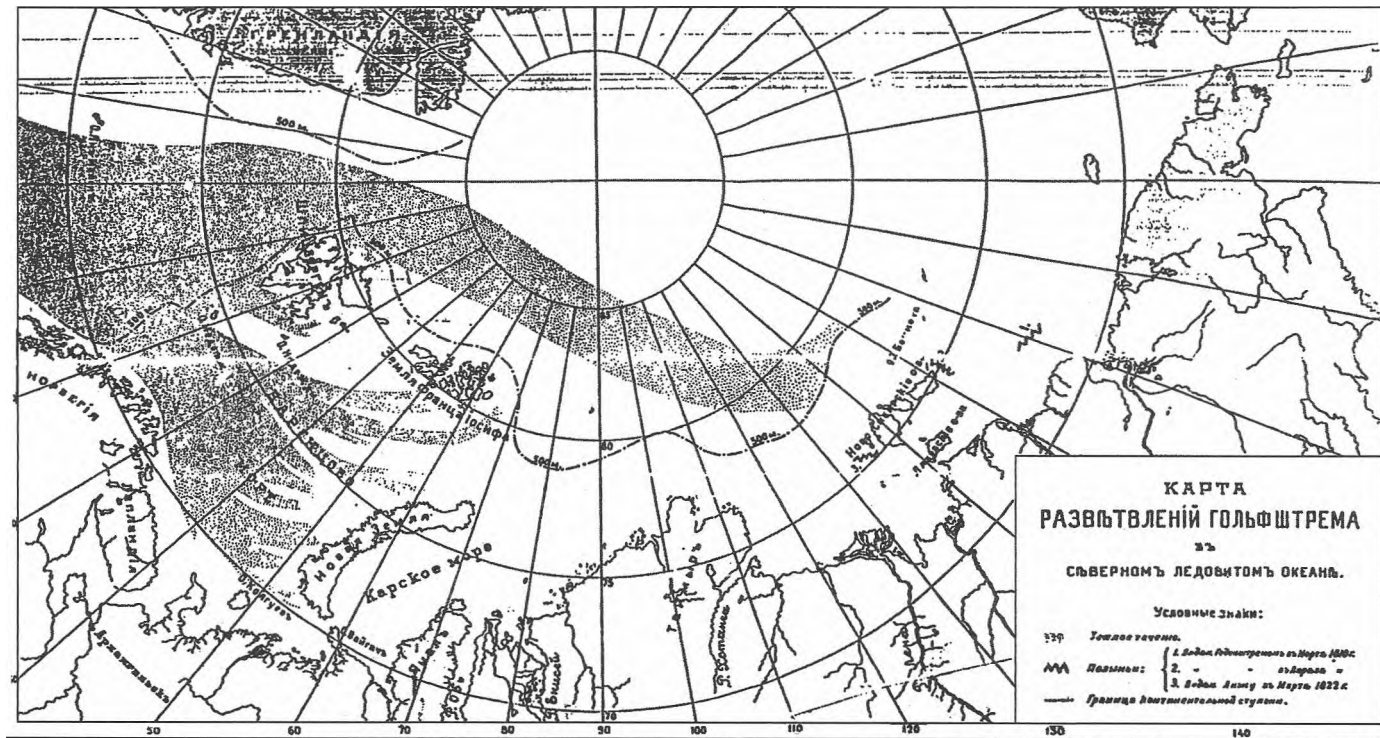
Второй рукав (восточный) или *Нордкапское течение*, уклоняющийся к востоку вследствие того же вращательного движения Земли, устремляется между Нордкапом и Медвежьим островом в мелкое Баренцево море, куда он вливается веерообразно расположенными ветвями.

Из этих веток на меридиане Кольского залива наиболее хорошо отличимы по температурным максимумам четыре, из коих южная, идущая в SE направлении, почти параллельно Мурманскому берегу в расстоянии около 150–175 верст, имеет для нашего мурманского рыболовства весьма важное значение, и в ней мы всегда находили ранней весной, когда лов у берегов Мурмана еще не начинался, промысловую рыбу в более или менее значительных количествах. Эта ветвь, касаясь Канинской отмели, где нашей экспедицией также констатированы значительные рыбные богатства, разделяется на много мелких ветвей, согревающих весь западный берег южного острова Новой Земли от Маточкина Шара до Карских ворот.

Северное из этих четырех течений доходит до Земли Франца-Иосифа и, посылая небольшие ветки в ее проливы, входит в северо-восточном направлении в глубоководный полярный бассейн, где эта атлантическая вода, как можно предполагать, снова соединяется с той, которая сюда приносится Шпицбергенским течением.

Все ветки теплого течения в своем поступательном движении к востоку во время длинного пути в массе холодной арктической воды, конечно, не только все более и более охлаждаются, но, смешиваясь с этой водой, в верхних слоях теряют также и в концентрации своего раствора, причем, как несущие воду более плотную, – они протекают довольно глубоко под поверхность.

Как известно, Баренцево море не имеет глубин, превышающих едва 400 метров (обыкновенно 150–300 метров), Карское же море и береговая полоса Сибирского океана еще того мельче. Ступень с глубиной в 500 метров очерчена на нашей карте



Издание 1880 года. Издательство Императорскаго Морского Вѣдомства. Тиражъ 1000 экз.

Карта разветвлений течения Гольфстрим в Северном Ледовитом океане по результатам исследований океанолога А.В. Колчака

по Нансену линией (- - -), за этой границей начинаются глубины от 1000 до 3800 метров³.

Изысканиями нашей экспедиции выяснено также, что вливающийся в Ледовитый океан Гольфстрим не всегда несет воду одной и той же температуры и солености; напротив, температура и соленость его колеблются здесь не только *периодически*, т.е. по временам года, но помимо этого еще и *непериодически*, нарастая или падая в течение ряда лет. Последнее явление зависит от малоисследованных еще космических причин.

Дальнейшими наблюдениями установлена и непосредственная связь между теплотой океана как с состоянием климата на Севере, так и всей обстановкой плавания, особенно в восточной части этого океана, где навигации препятствуют плавучие льды и частые туманы, и т.е. — установлена зависимость между гидрологией, климатологией и навигацией.

Обращаясь снова к теплым течениям, которые по мере вступления в арктические воды, как более плотные, опускаются на более или менее значительную глубину, мы увидим, что и в этом случае они не перестают оказывать влияние на льды. Так, около западного берега Шпицбергена весь путь подводного течения на расстоянии почти 120 миль характеризуется уже ранней весной свободным от льда фарватером, известным еще в старину под названием «Whalers bay», т.е. залива китов. Аналогичное явление мы видим местами и около западных берегов Новой Земли, а также и к югу от мыса Флоры на Земле Франца-Иосифа, от которой в юго-западном направлении во льдах обыкновенно наблюдается фарватер, наиболее доступный идущим с юга судам. Этим фарватером проследовали многие экспедиции, напр., в 1896 г. пароход «Windward» (с возвращающимся Нансеном), в 1899 г. экспедиция герцога Абрुцконого на «Stella polare» на обратном пути и другие. Наконец, я полагаю, что в такой же связи с Гольфстримом находятся и льды около Новосибирских островов, а весьма вероятно и те исторические полыньи (показанные на карте цифрами 1–3) около этих островов, которые в марте и апреле видели Геденштрем (Геденстром) (1810) и Анжу (1822), т.е. полыньи, образующиеся в такое время, когда сибирские реки не могут еще оказывать своего теплого влияния на лед.

Эта связь с Гольфстримом особенно характеризуется наблюдениями экспедиций барона Толля и нашей в 1902 и 1903 гг.

³ У мыса Челюскина, по данным Норденшельда, надо полагать, эта изобата значительно ближе.

А именно, по гидрологическим разрезам, полученным нами по Кольскому меридиану в 1902 г. в Баренцевом море, год этот, по сравнению с предшествующими и последующими, надо признать весьма холодным; в климатическом отношении он для Северной Европы был также весьма холодным. В Северной Европе, даже в Лифляндии и Эстляндии, ячмень не созрел. Поэтому в этом году льды у Новосибирских островов были столь непроходимы, что в течение всего лета паровое судно «Заря» экспедиции Толля, несмотря на все усилия, не могло пробраться к северу ни выше широты северных берегов о-ва Котельного и Новой Сибири, ни, тем более, к о-ву Беннетта, и партии этой экспедиции, сидевшие на этих островах, остались не снятыми. Зато следующий 1903 год (а, вероятно, и 1904 до 1906), когда нагревание Гольфстрима в Баренцевом море было весьма значительно, также и для сибирских вод являлся теплым гидрологическим годом, и лейтенант Колчак, отправившийся на вельботе на поиски за бароном Толлем, между Новосибирским островом и островом Беннетта встретил лишь несколько отдельных льдин.

Я полагаю, что высокие температуры в глубокой части арктического океана (т.е. открытые Нансеном следы Гольфстрима) находятся в тесной связи с явлениями образования в марте и апреле упомянутых уже полыней.

Мы уже знаем, что с развитием гидрометеорологических наук «непроходимый Карский ледник», как называл его академик Бэр, утратил всякий характер серьезного препятствия, и что ныне Карское море беспрепятственно⁴ переплывается не только единичными судами, но и целыми флотилиями в несколько десятков судов (как, напр., в 1905 году). Оказалось, что для плавания в Сибирь следует не форсировать льды в Карском море и в проливах Новой Земли и Вайгача, а – выжидать время, когда эти льды или отгонит ветром, или же – они растают от притока теплой и опресненной воды из Печоры.

Влияние ветров также поразительно велико; ветры не только непосредственно влияют на лед, отгоняя его в ту или другую сторону, но они также оказывают на него не меньшее влияние и тем, что N-е или NNE-е ветры в Карском и Сибирском море, задерживая и замедляя движение теплой речной воды с юга на север, дают ей возможность согреть морскую воду и таким образом способствуют таянию льда. Тогда как S и SW ветры,

⁴ Исключением могут являться лишь особенно холодные годы, как, напр., 1902 г.

ускоряя течение рек, противодействуют этому влиянию, хотя, с другой стороны, и непосредственно влияют на отгон льда. Важным фактором в этом вопросе, как справедливо указывает барон Толль, является также и количество осадков предыдущей зимы на материке.

С начала 70-х годов прошлого столетия начались более или менее правильные плавания из Европы в Сибирь, преимущественно с коммерческими целями; причем, до настоящего года, т.е. с лишком за тридцать лет, было 107 плаваний туда и около половины этого числа, а именно 46⁵, обратно, а всего, следовательно, совершено 153 плавания, и притом преимущественно на паровых судах (около 125). Из 107 судов, шедших почти исключительно в Западно-Сибирские воды, благополучно дошло до мест назначения 78, вернулось с пути по разным причинам 23 и погибло 6. Из 46 судов, вышедших из Западной Сибири в Европу, дошло 39 и погибло 7, в том числе 3 парусных, построенных в Сибири и недостаточно снаряженных.

(...) Удалось преодолеть между Европой и Сибирью, благополучно окончилось 117 или свыше 76%, не дошло до назначения 36, из коих погибло от льдов и незнания фарватера 13 или около 8%.

Рассматривая эти цифры и принимая во внимание тяжелые условия плаваний, крайнюю недостаточность оборудования пути знаками и проч., надо удивляться такому малому проценту неудачных кампаний. Следует еще заметить, что в эту статистику не вошли зверобойные яхты, ежегодно посещающие Карские воды; и если мы круглым счетом прибавим к указанному раньше числу ежегодно только по 10 яхт, крушения среди которых бывают крайне редко, то процент безопасных плаваний к сибирским берегам еще значительно возрастет.

Это обозрение плаваний, почти исключительно в западно-сибирские реки, т.е. в Обь и Енисей, как нельзя лучше опровергает мнение о непроходимости Карского моря и дает надежду, что при большем внимании к остальной части Сибирского морского пути она станет столь же доступна.

В течение жизни нашей планеты Таймырский полуостров пытались огибать четыре судна, из коих «Lena» (1878) имела местом назначения Якутск, «Vega» (1878) – Берингов пролив и «Fram» (1891) и «Заря» (1900) – Новосибирские острова, при этом все четыре удачно достигли цели, не потерпев аварий.

⁵ Почти половина судов предназначалась для сибирского речного судоходства, а потому не возвращалась обратно.

Поэтому, северо-западный берег Таймыра, ныне считающийся столь грозным препятствием при огибании Азиатского материка, по мере большего знакомства с местными топографическими условиями и, особенно, по мере большего изучения гидрометеорологических элементов Сибирского океана, несомненно, также утратит свою грозность и перестанет наводить ужас на мореплавателей.

Миновав же Челюскин Нос на Таймыре для достижения дельты Лены не встретится больше никаких серьезных препятствий. Для достижения же Берингова пролива останутся еще зунды между Ляховскими островами, которые по отзывам знатоков севера далеко не представляют тех трудностей, которые приходится преодолевать, особенно, около западного берега Таймыра.

Мы видим отсюда, что развитие гидрологических и метеорологических знаний весьма благотворно повлияло не только на общий ход полярных исследований, но и на практику мореплавания в северных широтах. Полярные экспедиции последнего времени, благодаря этим знаниям, стали на прочную основу и утратили печальный характер тех полных ужаса и превратностей скитаний, скорбные повествования о которых проходят красной нитью чрез всю историю полярных открытий сравнительно недавних еще времен.

Зная местные условия, исследователи перестали форсировать непроходимые льды и другие неодолимые условия, а напротив, стали или выжидать время, или пользоваться этими природными условиями в качестве союзников в достижении своих целей. Так, Нансен, изучив предварительно условия естественного передвижения полярных льдов, забился на своем «Фраме» в эти льды и предоставил им тащить свою экспедицию чрез неведомые до того времени морские пространства.

Все это говорит за то, что не столько успехами современной техники, сколько – и почти исключительно – специальными знаниями сущности природы Севера обуславливается этот прогресс в методике исследования арктических стран.

Обращаясь к специальному вопросу изучения фарватера около берегов северной Сибири и сравнивая эти берега с берегами арктических стран Северной Америки, мы увидим, что как по своим контурам, так особенно и по расположению речной системы, берега Сибири находятся в гораздо более благоприятных условиях, нежели таковые Северной Америки. Первые на значительном своем протяжении свободны от островов и рифов, вторые же – открыты лишь со стороны Берингова пролива, с восто-

ка же они забаррикадированы Гренландией и значительным архипелагом островов. У нас богатейшая система рек вливается в Ледовитый океан, у американцев из крупных рек имеется лишь река Маккензи.

Богатство нашего океана реками, несущими массу нагретой воды, а также обстоятельство, что значительная часть этого океана находится, по-видимому, под влиянием Гольфстрима, прямо указывают нам здесь на морской путь как на самый удобный и естественный для страны, ибо вся Сибирь лежит у *подножья* Ледовитого океана.

Из предыдущего мы видим, что завоевание Ледовитого океана следует начать с различных сторон, и именно, как со стороны изучения картографии берегов и конфигурации дна, так и с изучения гидрологических и метеорологических элементов, т.е. ветров, течений, свойств морской воды, природы льдов, количества осадков на сибирском материке, наконец, напряжение электромагнитных элементов и проч., и проч. И с какой бы стороны мы не приступили к делу, лишь бы умело и честно, мы во всех случаях будем пролагать путь ко благу человечества и родины.

15 Февраля 1907 г.

Гидробиолог Л. Брейтфус

Рекомендательная записка от 20 февраля 1907 г.

Краткий обзор исследований

В заседании комиссии по рассмотрению вопроса о продолжении гидрографических работ в Северном Ледовитом океане, имевшем место 6-го октября с.г., из обмена мнений выяснилось, что более или менее регулярное и безопасное плавание вдоль северных берегов Европы и Азии не может считаться делом невозможным и невыполнимым, но требующим к себе самого серьезного отношения к целому ряду подготовительных работ и, прежде всего, возможно подробного гидрографического изучения этих мало известных вод, равно как и описания омываемых ими берегов, изученных также только местами и очень неполно.

Благодаря работам последнего времени, препятствия, представляемые для судов, идущих на восток, Карским морем, могут считаться почти устраненными, и проход судов из Европы в устье р. Енисея возможен почти наверняка. Следующим, наиболее серьезным, но не непреодолимым препятствием (как показывают плаванья «Веги», «Фрама» и «Зари») является обход мыса Челюскина – плавание вокруг Таймырского полуострова, до за-

падных берегов которого (устье р. Енисея) и доведены подробные гидрографические исследования. Естественно поэтому, что внимание комиссии более всего поглощено теперь частью океана, омывающего берега Таймырского полуострова, откуда и должны начаться работы новой Северной экспедиции. Препятствия, которые представляют, вероятно, для плавания накопления льдов вблизи Берингова пролива, уступят, конечно, трудностям обхода мыса Челюскина, а, возможно, и трудностям плавания в Карском море.

В настоящей записке я позволю себе, во-первых, высказать свое мнение относительно организации предполагаемых исследований – мнение сухопутного путешественника, а во-вторых, коснуться вопроса о возможности или невозможности воспользоваться внутренними водяными путями Северной Сибири для плавания судов хотя бы небольшого водоизмещения, для которых обход Таймырского полуострова с севера может быть особенно труден.

Морская гидрографическая экспедиция, работающая у берегов Таймырского полуострова, в силу местных условий, неизбежно должна сопровождаться и сухопутной экспедицией или экспедициями. Время, которым суда могут располагать для плавания в этих водах, чрезвычайно коротко; еще короче время для подробной описи берегов, так как бухты и заливы, которыми изрезаны эти берега, многими исследователями называемые фьордовыми, будут еще забиты льдом, когда море уже очистилось от него, и замерзнут, когда море еще вполне доступно для плавания. Невозможность задерживаться долго для описи берега, раз море свободно ото льда, чем необходимо пользоваться для дальнейшего плавания, неизбежно лишит береговую съемку многих подробностей, опущение которых впоследствии может оказаться очень печальным.

Объезжая в 1905 году на оленях берег Ледовитого океана между устьями рек Хатанги и Анабара, снятый во время Великой Северной Экспедиции, я убедился, насколько неблагоприятно полярные условия влияют на точность береговой съемки. Полученная нашей съемкой береговая линия имеет мало общего со съемкой Харитона Лаптева, но анализ исправленных нами погрешностей показывает, что дело идет об ошибках, вызванных условиями работ и, может быть, во многих случаях прямо неизбежных при этих условиях. Конечно, при предстоящих работах вместе с морской съемкой будут шлюпочные и береговые партии на собаках или оленях. Но все эти партии будут иметь базу на корабле и, в случае невозможности снестись с ними, могут

оказаться в крайне затруднительном и опасном положении. Возможны случаи, когда корабль, спустив на берег партию и уйдя на производство своих работ, будет лишен возможности подойти к этому берегу, хотя бы в значительном расстоянии от места работы береговой партии, и последняя будет вполне предоставлена своим силам, что при полной ненаселенности всего Таймырского полуострова является делом очень серьезным. Такие случайности всегда возможны, и с ними необходимо считаться. Во время экспедиции по градусному измерению на островах Шпицбергена одному из матросов пришлось прожить на берегу несколько недель вместо нескольких дней, так как его никак не могли снять раньше. Хорошо, что у невольного отшельника было достаточно припасов, и сам он отнесся к своей участи с таким спокойствием, что не оставил порученных ему занятий. Во время Русской Полярной Экспедиции «Заря» не могла снять с о. Новая Сибирь зоолога экспедиции Бяльницкого-Бирулю, и он вышел на материк своими средствами на собаках, когда замерзли проливы. Отважный начальник той же экспедиции барон Толль погиб с тремя спутниками, потому что «Заре» не удалось его снять с о. Беннетта, а условий для зимовки не оказалось из-за недостатка провианта. Насколько изменчивы здесь условия плавания, видно из того, что в следующем 1903-м году лейтенант Колчак беспрепятственно высадился в вельботе на о. Беннетта. Устроить на Таймырском полуострове вспомогательные пункты при помощи местного населения, хотя бы собранного и издалека, нет возможности. Никакие влияния, от кого бы они ни исходили, не заставят инородцев далеких тундр двинуться к морскому берегу в неподходящее для них время. Во многих случаях у них нет и средств к этому – в особенности собак. Только личное влияние опытного человека – «начальника», идущего вместе с инородцами и умеющего уговорить и заставить их идти куда следует, даст нужные результаты. Таким образом, снаряжение самостоятельной сухопутной экспедиции или экспедиций необходимо уже для того, чтобы оказать необходимую поддержку береговым партиям морской экспедиции. Кроме того, эти экспедиции исследуют пройденные ими по Таймырскому полуострову маршруты, что будет иметь большое значение для будущего. Можно предвидеть, что, если бы в предполагаемой морской экспедиции и удалось обойтись без совместных с ней сухопутных, позднее, после удачного окончания гидрографических работ, их все равно пришлось бы посылать. Безопасное плавание по Ледовитому океану будет возможно только при условии постоянного наблюдения за состоянием льдов, зависящим так или иначе от метеорологических усло-

вий. Потребуется устройство ряда наблюдательных пунктов и станций, которые придется связать друг с другом и с ближайшими жилыми пунктами, так как база этих пунктов будет уже, конечно, не на корабле.

Вспомогательные сухопутные партии сыграли в последних полярных экспедициях немалую роль, и участники Русской Полярной Экспедиции припомнят, какое значение имела при этом вспомогательная экспедиция Воллосовича. Но, кроме таких вспомогательных целей и производства подготовительных работ, сухопутные экспедиции окажут несомненное содействие и описи берегов. Опыт лейтенанта Шилейко, снявшего берег Ледовитого океана между устьями рек Оленека и Анабара, и моей экспедиции, снявшей берег между Хатангской и Анабарской губами, показывает, что (***?) опись идет очень быстро и точно. Гидрографические исследования сколько-нибудь подробные при этом невозможны, но опытный более или менее глаз легко отличает общий прибрежный характер моря, что дает важные наведения и указания. Вполне при этом возможно иметь с собой небольшую шлюпку для попутных промеров, например, глубоко врезавшихся бухт, особенно хорошо получающихся при этого рода съемке и часто теряющихся при плавании вдоль берега на судне, особенно там, где берега низки и мало приметны или покрыты уже сплошным снежным покровом. Разделение труда, таким образом, чтобы судно производило общую опись берега и занималось гидрографическими исследованиями, а детали изрезанной береговой линии были бы предоставлены береговой партии, значительно бы облегчило общую работу, увеличив в то же время и ее точность. Наконец, работы на судне всегда могут быть прерваны надвиганием льдов, с которыми судну придется бороться или уходить. Вернуться же к тому месту, где прерваны работы, может быть, и не удастся.

Между тем, все эти препятствия для сухопутных партий не существуют, и я, например, объехал мыс Пакса, когда на него грозно надвигались полярные льды. По нашей съемке полуостров Юрюм-Тумус оказался значительно меньших размеров, чем по съемке Прончищева. Я убежден, что случилось это потому, что Прончищев, обходя мыс Преображения, пробивался через льды и не мог уловить истинную береговую линию. В Великой Северной Экспедиции сухопутные поездки имели очень большое значение, и специально для Таймырского полуострова является даже затруднительным сказать, каким путем эта экспедиция собрала о нем больше сведений – морским или сухопутным. Во время санных поездок экспедицией Харитона Лаптева устано-

влено положение устьев рек Пясины и Таймыра. На санях же Челюскин объехал и северную оконечность Азии. На только что изданной карте побережья Западного Таймыра (берег Харитона Лаптева) береговая линия этой части Ледовитого океана исправлена в значительной степени по сухопутному маршруту лейтенанта Коломейцева. Может случиться, что морская экспедиция при наиболее благоприятных условиях возвратится, не выполнив вполне своей задачи, исследовав вполне часть берега и оставив отдельные участки его так же неизвестными, как и прежде, что потребует снаряжения новых экспедиций. При совместной работе морской и сухопутной экспедиций таких пропусков быть не может, и береговая линия, во всяком случае, будет получена на всем протяжении вполне точно.

Другой вопрос, которого я должен коснуться в предлагаемой записке, относится к материковым, внутренним водам и возможности воспользоваться ими, чтобы избежать трудного плавания по Ледовитому океану, вокруг мыса Челюскина. Единственным путем, которым можно было бы воспользоваться здесь для указанной цели, является река Хета, близко подходящая верхним течением к правым притокам р. Енисея и к верховьям р. Пясины.

Этим путем шли в свое время Туруханские казаки, беря пример с первых покорителей Сибири, с особой любовью удивительным искусством пользовавшихся речными путями, легко умевших находить удобные места перехода из одной системы в другую, перетаскивая через волок свои лодки. Теперь путь этот совершенно забыт, и только для части его имеются определенные указания Харитона Лаптева: «по реке Хете», говорит он «и в Хатангу привозят водою муку по малому числу и прочия нужнейшие вещи; и в низ водою. А в Хету плавают же на низ Вискою речкою, в вешнюю воду... Хатангские жители нужное по Пясине, Дудыпте и Аваме рекам проводят до волоку сухим путем до Хеты реки в Виску речку, а волоку больше версты не будет». Таким образом нужнейшие вещи, притом не местного происхождения, как мука, доставлялись за тундру, в центральный пункт — с. Хатангское по системе р. Пясины и Хеты. Нет основания думать, чтобы эти грузы шли в лодках длинным и опасным путем вниз по Енисею и затем через Ледовитый океан в устье Пясины и вверх по ней. Едва ли также они доставлялись прямо к волоку сухим путем с Енисея, так как при этом грузы сгружались бы непосредственно на р. Виске без плавания до рр. Пясины, Дудыпте и Аваму. Кроме того, при этом приходилось бы каждый раз строить на р. Виске лодки или доставлять их также с Енисея сухим пу-

тем, – работы, которые вполне могли бы быть заменены непосредственной доставкой грузов зимним путем в с. Хатангское. Водный путь был несомненно длиннее, и, вероятно, по Хете спустились те самые лодки, которые плавали и по Енисею, может быть, даже в его верхнем течении – в хлебородных местностях.

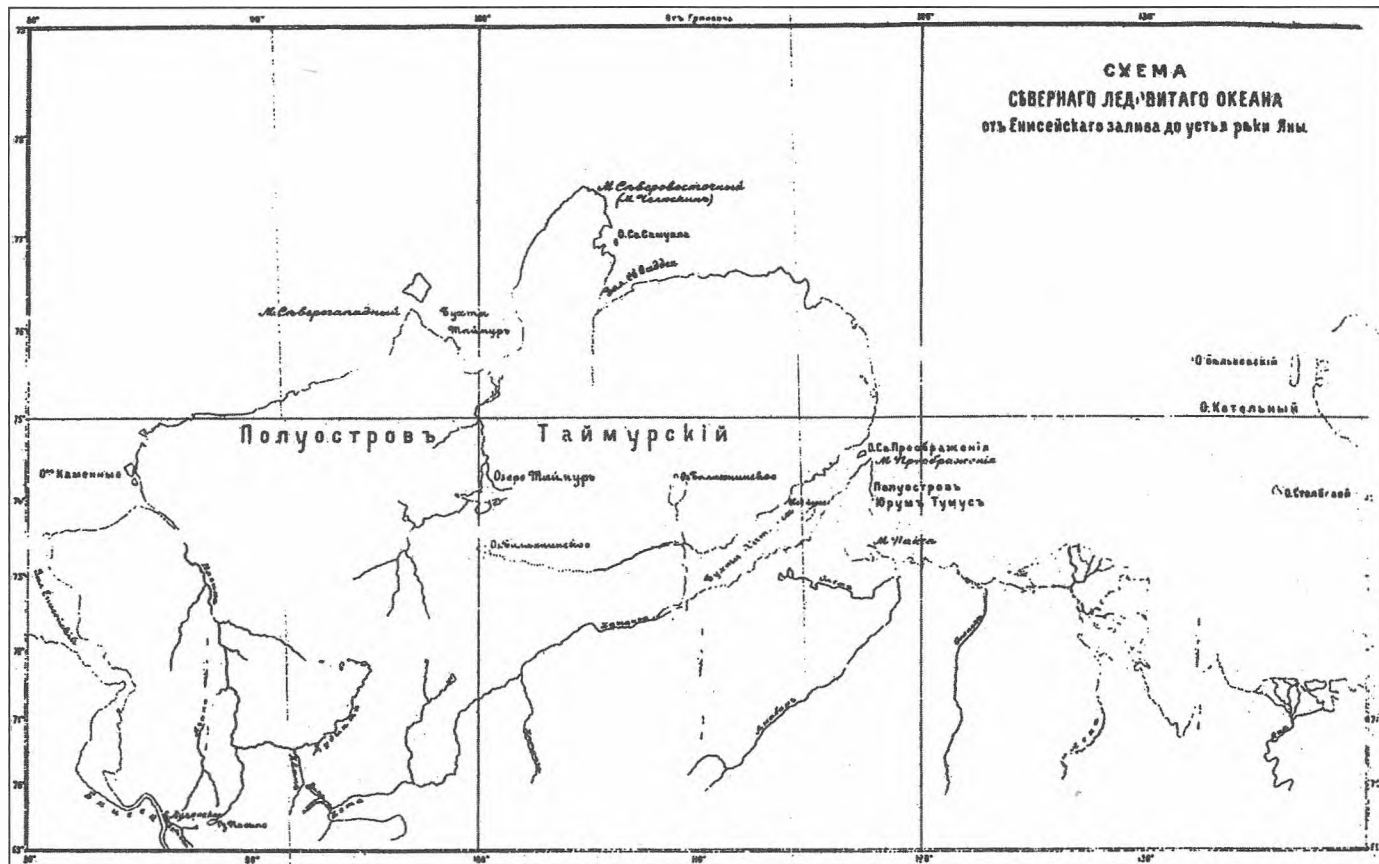
Отправным пунктом на Енисее было, вероятно, с. Дудинское, откуда лодки шли вверх по Дудинке и затем переваливали в систему Пясины через волок, о котором у местных жителей сохранились кое-какие сведения, более определенные по отношению к волоку между системой р. Пясины и Хеты.

Серьезность вопросов, поставленных комиссии, требует внимательного изучения и этого позабытого пути. С этой целью необходимо, прежде всего, подробное гидрографическое изучение р. Дудинки и исследование волоков между Дудинкой и Пясиной, с одной стороны, и Пясиной и Хетой, с другой. Так как для судов, приходящих из Европы, было бы ближе идти к последнему волоку непосредственно по р. Пясине, не поднимаясь по Енисею, необходимо изучение и р. Пясины, условия плавания по которой совершенно неизвестны. Далее необходимо изучение р. Хеты, низовьев Хатанги и Хатангской губы. В низовьях Хатанги плывал Харитон Лаптев, но сведения, сообщаемые им, слишком отрывочны, а мы во время нашей экспедиции не могли уделять время для гидрографических исследований, ограничившись только съемкой Хатанги и восточного берега Хатангской губы. Намеченные исследования особых трудностей не представят и будут стоить около 50 000 рублей. Экспедиция по зимнему пути пройдет на Аваме, запасшись лодками на Енисее, провеснует на старинном волоке, исследовав при этом соотношение рр. Пясины и Хеты, и затем летом разделится на две партии, из которых одна сплывет вниз по р. Пясине, другая по Хете. Обе партии выполнят эту задачу в конце лета и будут иметь еще достаточно времени: первая для исследования Пясинской губы и побережья Ледовитого океана, вторая – для исследования судходности нижней Хатанги и Хатангской губы и съемки западного берега последней, не снятой нами. Еще весной от экспедиции отделится третья партия, которая исследует систему Норильских озер, волок между Пясиной и Дудинкой и эту последнюю реку. В связи с этими работами следовало бы поставить экспедицию на совершенно почти неисследованный Восточно-Таймырский полуостров с губой Св. Фаддея и с впадающей в нее, совершенно проблематически нанесенной на карты, рекой. Можно надеяться, что пробраться в верховье этой реки или и к самой губе особых затруднений не представит, но, конечно, это будет делом опять-таки

особой партии, которая, добравшись до Ледовитого океана, исследует его берега на востоке и на западе от губы Св. Фаддея. Так как здесь потребуется более серьезное снаряжение, расход на эту экспедицию дойдет до 30 000 рублей. Рекогносцировка на эту часть берегов Ледовитого океана мне представляется настоятельно необходимой. Судя по имеющимся отрывочным данным, берега здесь высоки, даже гористы, вероятно, изрезаны, есть, может быть, и хорошие якорные стоянки, хорошие бухты и т.п., что всегда могут отметить сухопутные партии. Работы будет много и на западном Таймыре, где плавали «Вега», «Фрам» и «Заря», и из них последняя зимовала здесь, причем члены Русской Полярной Экспедиции сделали ряд санных поездок большой продолжительности. Тем более трудно ожидать, что гидрографическая экспедиция опишет в одно лето весь Таймырский берег, и что работы последней из намеченных сухопутных партий не дадут ценных разведочных данных для последующих морских работ.

Работы всех сухопутных партий должны быть строго согласованы друг с другом, и все они, будучи, строго говоря, самостоятельными экспедициями, явятся отдельными частями одной большой экспедиции, связанными общностью плана и руководством. Только при этом условии можно поручиться за их удачное проведение. С другой стороны, работы сухопутной экспедиции должны быть согласованы с морскими работами. Можно думать, что сухопутные партии придут на берега Ледовитого океана ранее судов экспедиции, так что последние при своих работах уже будут иметь целый ряд предварительных сведений, что, конечно, только послужит на общую пользу. Затем, сообразив ранее достигнутому соглашению, береговые партии устроят ряд вспомогательных складов, установят связь берега с жилыми местами и выставят береговые знаки, что опять-таки значительно сократит работу судовой партии. Научные наблюдения, которыми займутся сухопутные партии, будут, конечно, иметь и громадное практическое значение для тех конечных целей, которые имеются в виду при снаряжении проектируемой экспедиции. Топографические съемки, астрономические, магнитные и метеорологические наблюдения, исследования рек и озер – все это работы, непосредственно необходимые для главной экспедиции.

Но и чисто естественноисторические наблюдения, как, например, геологические, имеют важное практическое значение. В Хатангской губе нами встречены мощные залежи каменного угля, уголь известен и в Норильских горах. Уголь возможно встретить и на северном Таймыре. Теперь эти залежи не имеют никакого практического значения, но позднее, если надежды на



Составлено по материалам в фотокопированном виде. Изд. Гидр. Упр. № 46/1927.

Схема Северного Ледовитого океана от Енисейского залива до устья р. Яны по результатам Главного гидрографического управления морского министерства на 1907 г.

регулярное плавание по Северному Ледовитому океану оправданы, могут пригодиться и эти богатства. Наконец, изучение биологических условий Таймырского полуострова даст основание для суждения о той обстановке, в которой будут впоследствии находиться наблюдательные пункты и станции.

Указанная выше приблизительная сумма на сухопутные экспедиции – 80 000 рублей – немного увеличивает общий расход на предполагаемую гидрографическую экспедицию. Между тем на эту сумму вполне будет выяснено, в том или другом смысле, значение внутреннего водного пути в основании Таймырского полуострова, окончена сухопутная съемка берегов всего полуострова и дополнены исследования последнего в тех местах, где еще не была нога исследователя.

Гидрогеолог *И.П. Толмачев*

Приложение 6

Какой нужен России флот¹

Часть 1

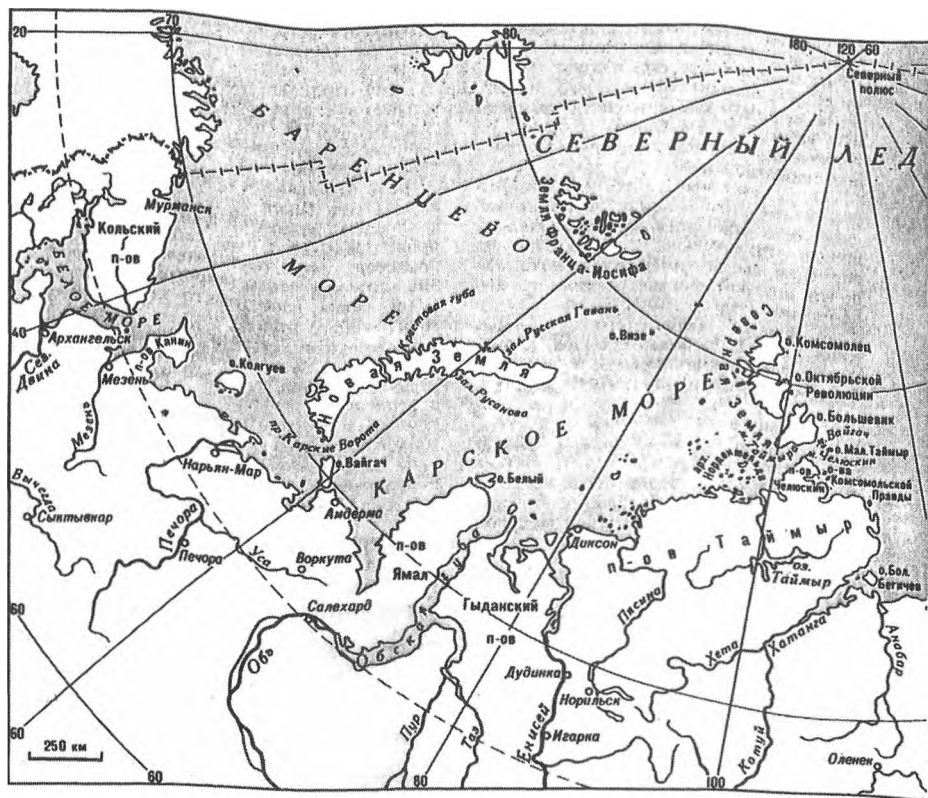
Минувшая война уничтожением Балтийского флота в Порт-Артуре и Корейском проливе привела Россию к потере морского могущества почти на всех водах, омывающих ее морские границы; последовавшая за войной внутренняя, государственная неурядица не могла не коснуться остатков бывшей морской силы, нанеся ей тяжелые удары морального свойства, еще более ее ослабившие. Кроме крайне стесненного финансового положения, мы должны считаться еще с утратой в значительной части общества сознания необходимости не только обладания нашими пограничными водами, но и с отсутствием правильных идей о морской силе, ее значении, вплоть до сомнений в целесообразности самого существования такой силы.

Воспроизводя копию с существующего хаоса политических убеждений и взглядов на желаемый государственный строй Российской Империи, идеи о вооруженной морской силе, проповедуемые в обществах, собраниях, периодической печати и литературе, заключаются между определенными мнениями о полном излишестве и даже вреде флота для России и столь же уверенно высказываемыми положениями о необходимости немедленного воссоздания морской силы, способной к борьбе чуть ли не с великобританским флотом, правда, в большинстве случаев на чисто фантастических основаниях.

Среди этого собрания всевозможных понятий о морской силе особенно заметна имеющая вековую давность тенденция создания оборонительного флота, и выделяется мнение о первенствующем значении армии для государства в связи с вытекающей отсюда необходимостью иметь флот как одно из вспомогательных средств этой армии.

С другой стороны, сознание тяжелых финансовых затруднений принуждает многих, признающих целесообразность и даже неотложность создания морской силы, искать выхода в осуществлении своих идей путем возможно экономичным, основываясь

¹ Настоящая статья представляет собой содержание докладов, сделанных капитаном 2-го ранга А.В. Колчаком в С.-Петербургском военно-морском кружке, в Клубе общественных деятелей, в Кронштадтском Обществе офицеров флота и в Обществе ревнителей военных знаний. Печатается в сокращении. Полный текст см. Морской сборник. 1908. Т. 346, № 6. С. 31–47.



Карта Северного Ледовитого океана с прилегающими морями

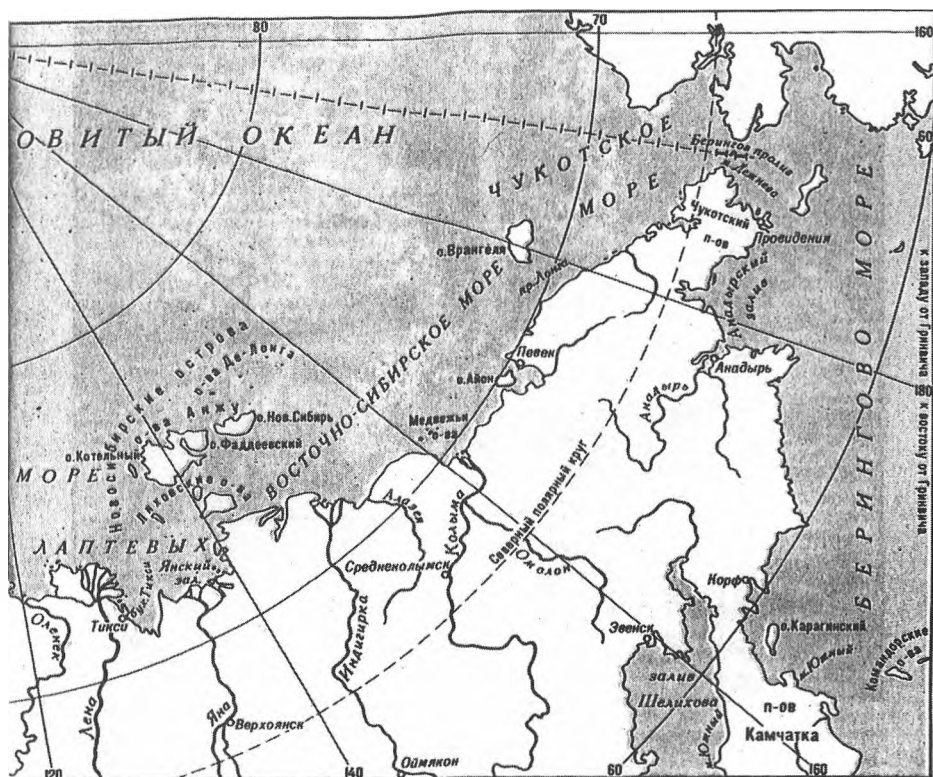
главным образом или на технических изобретениях и усовершенствованиях, либо на своеобразном понимании свойств и задач, возлагаемых на морскую силу.

Я беру на себя смелость разобрать по возможности беспристрастно основные вопросы: для чего России необходима морская сила и что такое эта сила, или точнее, в чем эта сила выражается.

* * *

Война есть одно из основных явлений жизни государства, сущность которого заключается в непреклонном осуществлении государственной воли по отношению к противнику путем применения открытой силы.

Эта непреклонность и вытекающая из нее война может быть обусловлена или задачами государственной необходимости с конечною целью развития собственного блага или же противопоставлением своей воли воле, лежащей вне государства, стремя-



щейся к достижению собственных благ, очень часто ограничивающих благополучие данного государства.

Первый случай определяет собой так называемую агрессивную, или наступательную политику, осуществляемую при надобности войной, второй – оборонительную политику, сущность которой сводится к применению войны только в зависимости от воли противника.

Как всякая борьба, единственно целесообразною может быть война только наступательная, уже по одному основному ее принципу желательности перенесения всей тяжести военных действий и связанных с ними разрушений на территорию противника. Если война, обусловленная наступательной политикой, как учит военная история, не всегда вызывается действительно необходимостью положения, то война при существовании политики обороны всегда является неизбежною, раз только она необходима ее инициатору.

В зависимости от этого государство может желать или не желать войны и соответственно быть или не быть готовым к войне,

464 1.1

СЕРИЯ VI
ПЛАТОНОВИТИ

27-ИЮН 1908

№ 66808

Handwritten signature
24/7

МОРСКОЙ

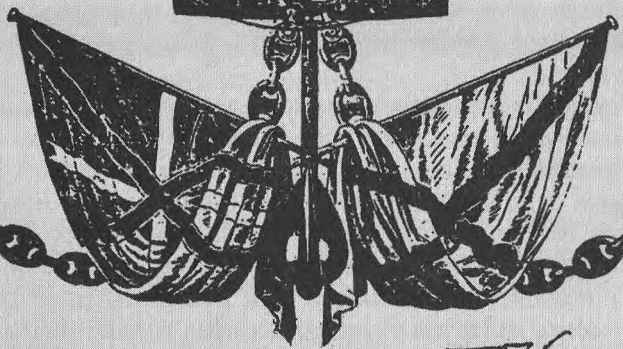
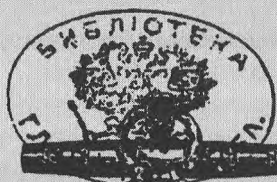
552 554

СБОРНИКЪ

№ 6

І Ю Н Ъ

1908



Handwritten initials

зависящей от его воли, но оно неизбежно должно быть готовым к той войне, которая определяется волей другого государства.

Современный строй государства опирается на политико-экономические основания такого свойства, что не только не умаляется сколько-нибудь значение войн, но они принимают уже формы, не позволяющие ни одному государству быть безучастным зрителем вооруженного столкновения соседей, и чтобы иметь право принять или не принять участие в борьбе за постоянные интересы, надо иметь силу, обеспечивающую это право.

Таким образом создается необходимость обладания силой и готовности к войне не только для осуществления своих целей, не только для парализования целей других непосредственно направленных для ограничения собственных, но и вообще для обеспечения самостоятельности своей политики и неприкосновенности государства.

С военной точки зрения полная безопасность пограничной части государства, а вместе с тем и всей государственной территории достигается расположением вооруженной силы, способной в случае надобности произвести вторжение в неприятельскую территорию, как уже выше было сказано, для перенесения туда всей тяжести связанных с войной последствий.

Представляется, однако, весьма важным выяснить сущность границ государства. На сухопутной территории государство вообще должно иметь условную черту, устанавливаемую пограничными договорами, которою определяются пределы его территориального верховенства и, следовательно, расположения вооруженной силы государства в мирное время.

Гораздо сложнее представляется вопрос уже в том случае, когда границей государства является река и вообще водное пространство.

Основное положение международного права об открытом море не распространяется, строго говоря, только на узкую береговую полосу территориальных вод, пределы которой тем же правом принимаются в 3 мили от крайних точек суши. Но вопросы и положения международного права о государственных границах отпадают при возникновении войны, когда выступает единственное право фактического обладания вооруженною силой, а следовательно, обладание морем с момента объявления войны устанавливает границы государства, владеющего морем на берегах его противника, не имеющего этого обладания.

←
Обложка Морского сборника за июнь (6) 1908 г., где была напечатана статья капитана 2-го ранга А.В. Колчака «Какой нужен России флот»

Этот вывод получает особую и первенствующую важность в вопросе государственной неприкосновенности, а потому необходимо остановиться на нем несколько дольше.

Объявление войны есть момент нарушения пограничного права, так как война немыслима без вторжения вооруженной силы одного из противников в пределы другого или, как иногда случается, в пределы третьего, нейтрального владения.

С момента объявления войны морская граница распространяется от берегов противников в открытое море и устанавливается борьбой за его обладание, располагаясь непосредственно у берегов утратившего это обладание. Следствием этого является возможность вторжения вооруженной силы на сухопутную территорию для одной стороны и полная невозможность выполнить это для другой, т.е. необходимость одной стороны принятия всей тяжести последствий борьбы на собственной территории и ответственность в этом смысле другой.

Если физические условия сухопутных границ и пограничных частей государственной территории могут благоприятствовать или затруднять вторжение вооруженной силы, то морские границы вообще являются благоприятными для этого акта. Чем больше ценности для государства представляет ее морская граница, тем опаснее являются проистекающие отсюда последствия.

Мировое значение моря как совокупности удобнейших и выгоднейших путей сообщения получает исключительную важность во время войны. Водное пространство моря с этой точки зрения можно рассматривать как развитую до пределов сеть железных дорог, получающих с момента объявления войны желаемое стратегическое значение.

Значение сообщения и транспорта во всякой войне слишком понятно, чтобы стоило об этом говорить далее.

Необходимо еще иметь в виду отличительное свойство морских границ при отсутствии обладания морем: это возможность получить удар во многих пунктах, практическое отражение которого крайне затруднительно, благодаря полной возможности для владеющего морем применить и использовать в высшей степени принцип внезапности. Предвидеть, где и когда может быть нанесен удар, почти невозможно, а следовательно, и предотвратить его.

«Море соединяет тех, кого разъединяет», и этот афоризм мирного времени в период войны можно изменить в следующий: «Море соединяет силы того, кто им обладает, и разъединяет силы потерявшего это обладание».

Итак, по своим свойствам морские границы государства полагаются в зависимости от обладания морем и могут прохо-

доть либо по береговой его черте, либо быть отодвинутыми от нее вплоть до береговой черты расположенного на этом море другого государства.

Значение моря вообще для современной жизни государств и развитие плавучих средств как военных, так и служащих в мирное время мирным целям придает чрезвычайную важность рассматриваемому вопросу.

Громадные армии и все необходимое их снабжение с необыкновенною быстротой могут быть переправляемы морем, создавая грозные перспективы тому, кто не пожелает обеспечить безопасность своих морских границ. Вторгнувшаяся с моря в сухопутную территорию противника вооруженная сила, обладающая морем, получает в виде этого моря базу, ресурсы которой неисчислимы, так как этою базой является весь мир.

Чем же достигается безопасность морских границ государства?

Из всего вышеизложенного видно, что опасность заключается в расположении морской границы по береговой черте одного из государств, того именно, которое не обладает морем.

Обеспечение (защиты) от опасного состояния морских границ лежит в этом обладании.

Борьба за это обладание составляет сущность морской войны.

Обладание морем как конечная цель морской войны достигается борьбой с вооруженными силами противника.

Опыт истории войн, опыты маневров мирного времени, военные соображения и расчеты показывают, что вторжения неприятельской армии с моря на берега государства, утратившего обладание морем, не могут быть предотвращены сухопутными силами. Армия, действующая на берегу, не может помешать высадке с моря другой армии. Последняя может быть впоследствии разбита или уничтожена в зависимости от соотношения сил, но предотвратить последствия военных действий на собственной территории таким путем не может.

Рассмотрим морские границы нашего отечества. С точки зрения военно-географической расположение наших морских границ вообще представляет много неудобств. Территориальное развитие государства, состоящее в распространении площади обладания до естественных границ, определяемых открытыми морями или океанами, у нас еще не вполне закончилось. Итоги вековой борьбы за моря как великие международные пути сообщения выразились в распространении государственной территории только до внутренних морей: Балтийского, Черного и Японского, выходы из которых находятся не в наших руках. Только на

северной своей части государство определилось естественными океанскими границами, в настоящее время по своим физико-географическим условиям не имеющими серьезного значения для его существования. Пойдет ли наше отечество дальше в направлении к открытому морю или обратится к использованию того, чем уже обладает – этот вопрос выходит из задачи настоящей статьи.

Если признать, что обеспечение морской границы лежит в наличии вооруженной морской силы, то казалось бы, что эта сила должна быть создана на всех трех морях, причем в силу изолированности этих морей упомянутая сила должна безусловно обладать своими морями и выходами из них в океан, чтобы не быть разьединенной и иметь возможность оказаться там, где ее присутствия государственные интересы потребуют.

Практическое решение такой задачи является невозможным; логически мы неминуемо пришли бы к необходимости обладать несколькими флотами, каждый из которых превышал бы флот государства, наиболее сильного на данном море. Но безопасность государства вовсе этого не требует. Морские границы так же, как и сухопутные, не на всем своем протяжении имеют одинаковое значение для государственной безопасности.

Важность той или другой части государственных границ определяется ценностью территории, прилегающей к этой границе, и возможностью получить на эту часть границы наиболее тяжелый и трудно парализуемый удар извне со стороны сильнейшего, а стало быть и опаснейшего противника.

Итак, необходимо рассмотреть, какие из морских границ государства могут быть признаваемы за наиболее ценные и подверженные ударам возможного сильнейшего противника.

Я не буду рассматривать северные океанские границы – их малое значение с рассматриваемой точки зрения слишком очевидно, равно как и крайние северо-восточные границы, определяемые Беринговым морем.

Я начну с наших тихоокеанских окраин. По своему географическому положению они являются отдаленными колониями, настолько удаленными, что сухопутные сообщения метрополии с ними при известной степени экономического их развития в силу дороговизны сухопутного транспорта и фрахта представляются совершенно невозможными.

Поэтому и обладание ими при помощи сухопутной вооруженной силы представляется в настоящее время почти неразрешимым вопросом и могло бы быть достигнуто единственно морской силою. Эти колонии лежат у внутренних морей, коими

владеет Япония с ее молодым могущественным флотом, опирающимся непосредственно на ресурсы всего своего государства.

Являются ли наши берега Японского и Охотского морей такими важными для жизни государства, что потеря их была бы невознаграждима? Мы владели частью берегов еще и Желтого моря; правда, обладание этими берегами было достигнуто государственными деяниями, которые теперь называются «Дальневосточной авантюрой», но внесла ли тяжелое расстройство в жизнь нашего отечества потеря этих берегов? Как с исторической точки зрения можно посмотреть на приобретение к Российской Империи наших дальневосточных окраин: разве походы Хабарова, Пояркова и Атласова не авантюра, разве подвиги Невельского и Муравьева не могут быть рассматриваемы с той же точки зрения постольку, поскольку они не вызывались действительной необходимостью и не определились до сих пор реальной государственной мощью? Распространение России на берега Тихого океана, этого Великого Средиземного моря будущего, является пока только пророческим указанием на путь ее дальнейшего развития, связанный всегда с вековой борьбой, ибо только то имеет действительную ценность, что приобретено путем борьбы, путем усилий. Минувшая война – первая серьезная борьба за берега Тихого океана – есть только начало, может быть, целого периода войн, которые будут успешны для нас только тогда, когда обладание этими берегами сделается насущнейшею государственной необходимостью, которая определит обладание не только одной вооруженной силой, не одними стратегическими железными дорогами или флотом.

Обеспечение этих границ в настоящее время может быть достигнуто политикой, политика должна опираться на вооруженную силу, но присутствие последней в виде флота, надежнейшего разрешения вопроса о неприкосновенности наших тихоокеанских окраин не является безусловно необходимым.

Вооруженная сила, в частности флот, точнее его стоимость, есть, по выражению Рузвельта, та страховая премия, которую государство уплачивает за обеспечение своих ценностей. Ценность премии не может превышать ценности страхуемого, и с этой точки зрения создание мощной силы, способной бороться за обладание морем в Тихом океане, едва ли является целесообразным.

Совершенно иное значение имеют для нас берега Черного моря, другого замкнутого бассейна, выходами из которого владеет государство, не представляющее выдающейся военной мощи, особенно на море. Другие государства, владеющие частя-

ми западного побережья Черного моря, не обладают морской силой, которую следовало бы принять во внимание. Побережье Черного моря и прилегающий к нему Южно-Русский край получают значение одного из важнейших промышленных районов государства; экономический центр государства по-видимому имеет все данные продвинуться на юг к Черноморскому краю, где присутствие Донецкого каменно-угольного бассейна и месторождения железа обеспечивают будущность железодельной промышленности; обилие могучих речных систем связывает Черное море с внутренними частями Империи, и уже теперь мы имеем вывозную торговлю на Черном море вдвое превышающую таковую же на Балтике. Угроза Черноморскому побережью являлась бы серьезнейшей угрозой экономическому благосостоянию России, но непосредственно на Черном море мы не имеем противника, с которым в настоящее время произошло бы серьезно считаться.

Единственный противник, который мог бы угрожать неприкосновенности Черного моря, это – Англия, могущественный флот которой распространяет границы Великобритании вблизи морских границ любой державы.

Но обладание морем, достигаемое флотом Великобритании, получает несколько другой характер, чем тот, который выше рассматривался. Обладание морем как путями сообщения имеет с английской точки зрения значение обладания теми ценностями, которые в каждый момент на этом море находятся; 53% всего тоннажа судов, ведущих торговые сношения с Россией, принадлежит английскому флагу, наш флаг не располагает в этом деле более 10%. Ценности государственной на море по сравнению с Великобританией у нас нет, и если мы обратим внимание на то, что вооруженная сила Англии имеет, главным образом морской характер, то мы увидим, что с точки зрения государственной безопасности флот Англии, имея одинаковое значение на всех наших морях, нам непосредственно не угрожает.

Итак, значение наших границ на Черном море обеспечивается самим характером этого замкнутого бассейна, отсутствием в этом море сильного вероятного противника, возможностью защищать это море сравнительно слабыми силами и решать политические осложнения на нем при наличии вооруженной силы в другом месте.

Остается третий водный бассейн – Балтийское море. Этот бассейн с военно-географической точки зрения представляется также замкнутым, но значение его получается иное, чем вышеупомянутого Черноморского.

На берегах Балтики мы имеем могущественного и сильнейшего соседа, соприкасающегося с нами на сухопутной территории. У Полангена эта граница выходит на берег Балтики, где казалось бы и разделяется: одна идет на север и восток, определяя территорию нашего отечества, другая на запад по берегам Померании.

На этом море мы имеем один из сильнейших мировых флотов, сильных не только количественно, но и качественно, управляемый непосредственно Императором державы, политика которой, основываясь на глубоких экономических причинах, является воинственной и угрожающе единственному мировому ее конкуренту – Англии.

Политика мира в настоящее время определяется политикой Великобритании и Германии, имеющих за собой обеспечение в виде первых в мире вооруженных сил.

Обладание водами Балтийского моря принадлежит Германии, и ее морская граница от Полангена совсем не направляется на запад, а идет параллельно нашей вдоль курляндских берегов, далее по берегам Финского залива и подходит к передовым фортам Кронштадта в 50 верстах от столицы.

Германия располагает вторым в мире коммерческим флотом и одной из первых в мире армий и тем самым представляет собой такую силу, вблизи которой можно существовать постольку, поскольку это определяется ее мировой политикой, поддерживаемой упомянутым военным могуществом.

Но может ли представить это обладание Балтийским морем реальную опасность для существования нашего государства? Экономическое значение Прибалтийского края невелико, но на берегах Балтики в 50 верстах от германской морской границы, т.е. самой опасной со стратегической точки зрения, к которой подходят лучшие в мире стратегические дороги – морские пути – лежит столица нашего отечества, и эта граница лежит на фланге и в тылу нашей западной армии.

Я не буду рассматривать значение столицы с широкой государственной точки зрения, а коснусь этого вопроса только с чисто военной стороны. Взятие и потеря столицы всегда в истории войны имели огромное значение, а иногда определяли окончание вооруженной борьбы за интересы государства, так как столица с военной точки зрения является одной из основных организационных и снабжающих баз вооруженной силы страны. Обеспечение этой базы есть неременное условие вооруженной мощи государства и с этой точки зрения представляется совершенно необходимой.

Вооруженные силы государства, обеспечивающие его безопасность на западной границе, имеют у себя на фланге и в тылу море, обладание которым находится теперь не в наших руках; только надежная сила, способная поколебать это обладание, может дать уверенность нашей армии, что она не получит удара с моря, который может поставить ее в положение, хотя бы характеризующее переменной операционного фронта, и неизбежностью принять на собственной территории последствия всей тяжести современной вооруженной борьбы.

Здесь я коснулся уже специального, так сказать сухопутного, военного вопроса, но я не намерен вторгаться в область чужой компетенции и буду рассматривать этот вопрос постольку, поскольку он связан с морской стратегией. Я обращаю внимание, что массовые перевозки войск морем и операции вторжения вооруженной силой со стороны морских границ получают с каждым днем все большее и большее значение – это явное следствие свойств моря как путей сообщения, о которых я упоминал выше.

Коммерческий флот возможного противника и повелителя Балтийского моря дает ему возможность нанести тяжкие и непредотвратимые удары в этом смысле. Операциям вторжения с моря на балтийских морских границах благоприятствует политическая обстановка Прибалтийского края и Финляндии.

Элементарная истина стратегии определенно указывает, что сосредоточие сил, сама мобилизация у нас в силу одних географических условий будет протекать всегда медленнее, чем у нашего соседа. При угрозе с моря со стороны противника, который мобилизует свои силы скорее нас, не может быть уверенности, что мы в состоянии будем произвести развертывание наших армий на западном сухопутном фронте в той мере, в какой этого потребует обстановка войны.

Политическая оценка прибалтийских государств нашего Прибалтийского края и Финляндии только усиливает значение вышеизложенного, подчеркивая исключительную важность надежной охраны наших балтийских морских границ, которая может быть достигнута только наличием вооруженной морской силы.

Кроме Германии, мы имеем на Балтийском театре исторического векового врага – Швецию. В силу естественных последствий обладания морем, политика Швеции и в настоящее время подчинена политике Германии, и ее вооруженные морские силы, специализированные для действия в шхерных районах Балтийского бассейна, явятся грозным резервом германского флота, представляя уже теперь сами по себе силу, которую мы при нашем бессилии не можем игнорировать.

Я позволю привести слова генерала Бобрикова, характеризующие политическое положение вещей на Балтийском театре: «Переход господства на Балтийском море к Германии является уже совершившимся фактом. Вся политическая система на этом бассейне нарушена, и если последствия нового строя вещей еще не осязательны, тем не менее они громадны, как создающие почву к нравственному подчинению Швеции Берлину и, в связи с этим, тяготению Финляндии к новому владыке. Отсюда с достаточной легкостью обрисовываются тяжелые для нас результаты, которыми может сопровождаться одно промедление в воссоздании балтийской боевой эскадры».

Эти слова были сказаны 18 лет назад и, к несчастью, сохраняют полную свою силу в настоящие дни.

Я не буду касаться весьма деликатных по существу вещей, которые к тому же хорошо всем известны, но вглядываясь в то, что происходит на берегах Финского и Ботнического заливов, невольно вспоминаешь о «тяжелых последствиях» потери обладания Балтийским морем.

Политическое значение морской силы на Балтике, ввиду расположения на этом бассейне сильнейшей державы, управляющей политикой всего мира, очевидно.

Вступая в непосредственную связь и так или иначе реагируя на вооруженную силу одной мировой державы, мы тем самым обеспечиваем значение нашей политики во всем мире; и безопасность наших границ на Японском море и, быть может, на Черном будет всегда стоять в зависимости от основания всякой политики – вооруженной силы на Балтийском море.

Но придавая политическому влиянию морской силы даже второстепенное значение, мы видим, что наши прибалтийские морские границы представляются во всех отношениях самыми опасными, а потому требующими создания такой силы, которая могла бы поколебать обладание морем и быть способной хотя бы к борьбе за это обладание в течение известного периода военных действий.

Наше политическое могущество 200 лет назад создано в водах Балтики, и нет решительно никаких оснований думать, что за этот период значение Балтийского моря для нас утратилось. Исходя поэтому из оснований государственной безопасности и независимости его политики, следует признать, что вооруженная морская сила должна быть создаваема на Балтийском море.

Я рассматривал вопрос о создании морской вооруженной силы только с точки зрения оборонительной политики, но если бы отечество наше и вступило на путь агрессивной политики,

разрушаемой применением силы, т.е. пожелало бы осуществить фактическое обладание водами Тихого океана, омывающими наши восточные границы, или приступить к решению задач Ближнего Востока, то сила для этих целей должна быть создаваема на стапелях Петербурга. Вопрос о свойствах и особенностях этой силы есть вопрос чисто технический, и близость разрешения его не подлежит сомнению, а с ним попутно утратится и значение изолированности наших морских театров².

Капитан 2-го ранга *А.В. Колчак*

² Вторую часть статьи см.: Морской сборник. 1908. Т. 347, № 7. С. 1–25.

Приложение 7

Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе (25 апреля 1917 г.)¹

Прошел месяц после объявления Временным правительством воззвания, в котором Правительство открыто высказывало свой взгляд на положение Родины нашей словами: «Отечество в опасности». Изменилось ли это положение в течение минувшего месяца и в какую сторону, уменьшилась или увеличилась эта опасность, какое направление приняло течение нашей государственной жизни, какие возможности открываются нам в ближайшем будущем, к которому мы идем в силу неизбежной связи последующего с настоящим?

По приказу Военного министра мне пришлось на этих днях побывать в Петрограде, встретиться с членами кабинета министров, общественными и политическими деятелями, принимать участие в обсуждении государственных вопросов. Это обстоятельство дало мне возможность более ясно познакомиться с теми вопросами, о которых суждение могло основываться на прессе, частных сообщениях и слухах, и я, вернувшись к месту служения своего, к командованию флотом Черного моря, решил ознакомить вверенный мне флот с положением нашей Родины в конце третьего года европейской войны и двух месяцев, истекших после государственного переворота. По своему положению и компетенции в вопросах государственной жизни я могу обсуждать их преимущественно с военной точки зрения, но я полагаю, что в дни величайшего пожара, охватившего почти весь цивилизованный мир, эта точка зрения имеет некоторое значение, даже в ущерб всем прочим.

Должен сказать, что с первых дней государственного переворота общество в лице прессы, значительной части официальных представителей возникших общественных организаций, провозгласив высокие патриотические лозунги, совершенно уклонилось от беспристрастной оценки создавшегося положения нашей вооруженной силы и вытекавших из него последствий. Наряду с великими словами появился никем открыто не провозглашенный, но точно признанный каким-то соглашением лозунг «все обстоит благополучно» в отношении вооруженной силы. Были

¹ РГА ВМФ. Д. 64. Л. 1–6.

«беспорядки», были «волнения», были «изменения режима», но теперь все «благополучно», и никто не решился назвать вещи своими именами и открыто сказать, в чем же заключается опасность для Отечества, признанная открыто нашим Временным правительством. Говорили о расстройстве экономической жизни, транспорта, но о расстройстве существенного элемента вооруженной силы, духа ее и «морального элемента», ее способности к борьбе и победе умалчивалось.

Свергнутый государственный строй привел нашу армию морально и материально в состояние крайне тяжелое, близкое к безвыходному. Казалось бы, что революция, знаменовавшая возрождение и новую жизнь государства, изнемогавшего при ранее существующих порядках, должна была возродить, во всяком случае, поднять дух и силы лучшей части народа, с оружием в руках отстаивавшего саму жизнь и существование Родины; необходимость этого подъема сознательно и даже бессознательно ощущалась всеми и каждым, и естественно явилось молчаливое признание благополучия в отношении того, отсутствие чего знаменовало бы всеобщее крушение и гибель. И таким образом создалась тенденция непременно говорить, что флот и армия сохранили основание вооруженной силы – дисциплину и организацию, что создание свободы и гражданского долга обеспечивает «моральный элемент» вооруженной силы, что последняя стоит на высоте призвания сохранить неприкосновенность и интересы свободной Родины.

Но великие слова и лозунги в течение двух месяцев остались словами, а желаемое и высказываемое благополучие вооруженной силы не возымело до настоящих дней осуществления.

Я хочу сказать флоту Черного моря о действительном положении нашего флота и армии, о том, что из такого положения вытекает, как нечто совершенно определившееся, и какие последствия влечет это положение в ближайшем будущем. Я буду говорить об очень тяжелых и печальных вещах, и я долго думал, говорить ли о них совершенно откровенно, так как многих слабых людей это сообщение могло бы привести в состояние, близкое к отчаянию, к предствалению, что все потеряно и выхода из создавшегося положения нет. Но я не буду считаться с ними – я буду говорить для сильных и твердых людей, способных хладнокровно и спокойно смотреть в глаза надвигающейся катастрофе, обдумать и взвесить ее значение, а затем делом и поступками ее предотвратить.

Мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы во время мировой войны, когда решается участь и судьба

народов оружием и только при его посредстве. Причины такого положения лежат в уничтожении дисциплины и дезорганизации вооруженной силы и последующей возможности управления ею или командования.

После переворота наряду с громкими словами о победе, защите свободы и т.п. неоднократно произносились слова о новой дисциплине, основанной на чувстве гражданского долга, сознании обязательств перед Родиной, говорилось даже о «железной дисциплине», построенной на этих же основаниях.

Эти слова остались только словами. Старые формы дисциплины рухнули, а новые создать не удалось, да и попыток к этому, кроме воззваний, никаких, в сущности, не делалось. Все усилия командного состава были обращены на сохранение хотя бы организации или внутреннего порядка, и в некоторых частях путем, совершенно противоречащим основаниям военного дела, этот порядок до известной степени удалось сохранить. Другие части приступили к попыткам создать новую организацию, но, конечно, в этом не успели и пришли в состояние полного развала.

Революционный переворот застал Балтийский флот на зимней стоянке. Эта обстановка позволила флоту без всякой помехи со стороны противника заняться немедленно преобразованиями, ломкой и уничтожением всей своей внутренней жизни.

Намерения создать что-либо новое, конечно, не удалось, и ко времени открытия навигации Балтийский флот оказывается с дезорганизованным личным составом, лишенным всякой дисциплины, какой бы то ни было внутренней спайки и связи, то есть фактически не управляемым в боевой обстановке. Действительно, офицерский состав частью убит, частью удален с судов, а оставшиеся поставлены в невозможность какой бы то ни было работы. Состав кондукторов и сверхсрочнослужащих деморализован и нести обязанностей не может, взаимного понимания, не говоря уже о доверии, не существует, дисциплины никакой нет, и, как явление окончательного распада вооруженной силы, явились дезертирство и политические течения, совершенно тяготеющие к анархии, под именем и лозунгами которой выступают и прикрываются наиболее низменные и преступные элементы и инстинкты. Говорить о духе, воле к победе в такой воинской части не приходится. Если таковое положение продолжится, Балтфлот надо будет признать как вооруженную силу не существующим. Я думаю, что отдельные части и суда Балтфлота сохранили способность к боевой деятельности, конечно, надо думать, что чувство самосохранения определит возможность выполнить некоторые задачи, но участь столкновения такого флота с дисципли-

линированными и организованными частями противника предreshена, если немедленно не последуют изменения.

Мои слова, сказанные в отношении Балтфлота, в отношении дисциплины и организации, приложимы и к широким частям нашей вооруженной силы, в которых моральный элемент понижен и частью утрачен. То же явление дезорганизации комсостава, крайняя трудность и даже невозможность военной работы, удаление и вынужденный уход многих опытных начальников и офицеров, лучшие из которых ищут места в армиях наших союзников для выполнения долга перед Родиной, с одной стороны, и явления сношения с неприятелем и дезертирство, с другой, создают грозные перспективы в будущем.

Я остановлюсь более подробно на одном явлении, получившем распространение в различных частях нашей армии, явлении, на которое указывает наша пресса, часто даже с выражением сочувствия. Оно называется «братанием». В некоторых частях наши солдаты самостоятельно вошли в сношение с неприятелем, которое выразилось во взаимном посещении окопов и установлении соглашения о прекращении военных действий. На значительных участках фронта создалось полное затишье и бездействие. Появились явления отказа команд работать для укрепления позиций, идти на смены и т.д. «Братающийся» неприятель посещал наши окопы иногда в таком количестве, что некоторые части команд, сохранившие совесть и представление о долге, намеревались применить для прекращения этой гнусности силу, но встретили сопротивление и даже угрозы со стороны сочувствующих «братанию». В некоторых участках «братание» получило характер постоянных митингов между нашими и неприятельскими частями, где обсуждались приличные этому явлению вопросы.

Жалкое недомыслие, глубокое невежество, при полном отсутствии военной дисциплины, сознания долга и чести, вызвали это «братание», которое получило объяснение, как средство революционизирования армии противника, как прием для создания революции в Германии и Австрии.

Приказы генералов Брусилова и Гурко² совершенно исчерпывают этот вопрос. «Братающиеся» немцы и австрийцы в некоторых частях арестованы, и на допросе выяснилось, что неприятель широко использует этот обычай для целей разведки и изучения наших позиций.

² Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901), российский генерал-фельдмаршал. В 1877–1878 гг. под Плевной и Филиппополем разбил турок.

«Братание» создано вовсе не нами – это самомнение, свойственное глупости, что подонки армии могут своей явной изменой и предательством создать революцию в Германии! Но если бы вы знали, с каким презрением и насмешками относятся немцы к «братающимся» с ними представителям нашей армии, то никому не пришло бы в голову говорить о создании подобными приемами революции в Германии.

С первых же дней государственного переворота многочисленные германские агенты и шпионы, пользуясь создавшимся беспорядком, преимущественно через Финляндию, проникли к нам и под видом политических деятелей и совместно с некоторыми из них произвели и производят работу по разложению нашей вооруженной силы.

Успехи этой деятельности в Гельсингфорсе, Кронштадте и других местах фронта обязаны их работе в значительной степени, и «братание» есть один из приемов этих агентов.

Другое явление, вызывающее самые серьезные опасения не только за дух, но и за самый состав армии, – это дезертирство. Массовое дезертирство, помимо непосредственного своего значения как убыль личного состава, внесло огромные затруднения и дезорганизацию в железнодорожные сообщения, вплоть до расстройств транспорта и порчи подвижного состава железных дорог. Можно сказать, что в последнее время дезертирство как будто стало ослабевать. Находится ли это явление в связи с установившимся спокойствием на фронте и «братанием», сказать трудно, но, кажется, связь между этими явлениями существует. Значение германских прокламаций и агентурной работы о земельном разделе в развитии дезертирства следует признать весьма значительным.

Великий государственный переворот, свершившийся во время войны, не мог пройти, не оказав влияния на вооруженную силу. Конечно, нельзя не видеть, не признать положительной стороны многих явлений, возникших под влиянием революции в наших вооруженных силах, но вызывает самые серьезные опасения переход естественного и временного беспорядка в прогрессирующий развал и дезорганизацию. Дальнейшие шаги в этом направлении создают величайшую опасность для самого существования нашей свободной Родины, и об этой опасности я буду говорить теперь.

Революция произошла в период зимнего затишья на фронте и замерзших заливов Балтийского моря. В дни слабости нашей вооруженной силы наши союзники – англичане и французы – перешли в огромное наступление на немецкий фронт на Западе.

Занятые событиями и развитием государственного переворота у себя внутри государства, многие не отдают себе отчета и неясно представляют значение операций наших союзников.

Уже месяц, как на английском и французском фронте идут бои, подается и отходит к востоку немецкий фронт. Немцы стянули все возможные резервы на западный фронт, снимая частью их с нашего, чтобы остановить это наступление. На нашем фронте установилось затишье, «братание». Вот смысл этого явления и той кампании против войны, внезапного миролюбия некоторых кругов, сменивших лозунг «война до победы», появившийся в первые дни революции. Теперь германский фронт ослаблен, насколько это допустимо с точки зрения учета германскими штабами нашего состояния, и союзники сделали все возможное. Дальше надо рассчитывать только на себя, и если дух армии изменится в лучшую сторону, если мы сумеем создать в ближайшие дни дисциплину, восстановить организацию и дать возможность комсоставу заняться оперативной работой, мы выйдем из предстоящих испытаний достойным образом. Если же мы будем продолжать идти по тому пути, на который наша армия и флот вступили, то нас ждет поражение со всеми проистекающими из этого последствиями. Суждения обитателей, собравшихся в горящем доме, о вопросах порядка следующего дня приходится признавать несколько академичными.

К сожалению, мне пришлось 20, 21 апреля в Петрограде быть свидетелем событий, носивших характер уже не академический, а угрожающий внутренним пожаром, который называется гражданской войной.

Я убежден, что каждому из 1000 демонстрантов, выступавших на улицах под плакатами и знаменами с надписями «Долой Временное правительство», «Долой войну», «Война войне», вопрос о смене правительства был полностью безразличен, но кому-то он был нужен. Он был нужен тем кругам, тем лицам, которые ведут антигосударственную работу с явной тенденцией к уничтожению всякой организации и порядка, эта работа, которая проявилась в форме «братания» на фронте, дезертирства, в ослаблении и уничтожении дисциплины нашей вооруженной силы, — эта работа нужна нашим врагам. Она ведет нас к поражению и гражданской войне, к государственному разложению и гибели. Это нужно и полезно прежде всего Германии! Наряду с упомянутыми плакатами и знаменами, говорят, в Петрограде было знамя с надписью: «Да здравствует Германия!». Лично я не видел этой гнусности, известия о ней появились в газетах, но раз возможно «братание» на фронте, то можно допустить появление такого

знамени. Я не могу не признать известной ошибки со стороны автора этой надписи – она слишком откровенна и все объясняет.

Вот почему в грядущем, никому из нас пока не известном, встает грозный призрак ликвидации войны на началах, о которых мы пока не думаем. Этот призрак будет ужаснее поражения и проигрыша войны центральными европейскими державами. Он обрисовывается из нашего международного или мирового положения. На него указывает железная логика истории!

Мы живем в эпоху величайшей войны, в эпоху решения международных и национальных вопросов вооруженной силой. Можно сочувствовать или нет такому положению вещей – никакого значения для существующей войны эти рассуждения не имеют. И эта сила, которой определяется война, будет решать вопросы мира, вопросы нашего дальнейшего существования.

Деятельность союзников наших в течение минувшего месяца заставляет остановиться на вопросе о взаимоотношениях с ними. С первых дней революции в некоторых общественных кругах создалось представление об универсальном или мировом ее течении и немедленном влиянии на внутреннюю жизнь и даже политический строй иностранных государств.

Никто, конечно, не станет отрицать влияние нашей революции на жизнь наших союзников и соседей, но это влияние ослабляется теперь мировой войной, в которой лежит центр тяжести всей жизни воюющих государств.

С этой точки зрения наша революция и интересуется наших союзников и врагов: поскольку мы окажемся в состоянии после переворота продолжать войну? Нам приходилось слышать фразы о непосредственном сношении нашей демократии с демократиями иностранных государств, даже помимо их правительств, и первый опыт был сделан в виде известного обращения к германской демократии; он дал совершенно отрицательный результат, с моей точки зрения, прямо оскорбительный для нас.

Практическое решение вопроса о сношениях с демократиями иностранных государств приводит к сношению с правительствами этих государств, и только с ними. Эти правительства и являются выразителями воли демократии, и другого приема сношений быть не может. Демократии иностранных государств и их правительства заняты в настоящее время войной, и наша революция интересуется их теперь только с точки зрения отношения нашей демократии к этой войне. Не покажется ли голос части нашей новорожденной демократии, протестующей против войны, как бы сделавшей открытие, что мир есть благо, а война зло, для иностранных демократий слишком слабым, а открытие неко-

торых истин несколько несвоевременным? Текущая война есть в настоящее время для всего мира дело гораздо большей важности, чем наша великая революция. Обидно это или нет для нашего самолюбия, но это так, и, совершив государственный переворот, нам надо прежде всего подумать и заняться войной, отложив обсуждение не только мировых вопросов, но и большинство внутренних реформ до ее окончания.

Мы должны ясно представить свое положение, которое сейчас нашей силой в виде армии и флота, финансовым и экономическим состоянием не обеспечивается в должной мере, – вот в этом и заключается государственная опасность. Вот тот призрак, он может реализовываться в виде новой войны, к которой неизбежно ведет путь государственного развала и связанной с ним слабости и бессилия.

Какой выход из этого положения, в котором мы находимся, который определяется словами «Отечество в опасности», я скажу более – «Отечество в критическом положении!»?

Этот выход лежит в сознании этой опасности и необходимости всем, кто имеет силу смотреть ей в глаза, объединиться во имя спасения Родины. Это объединение должно быть выражено в форме искреннего признания Временного правительства как Верховной власти. Как представители вооруженной силы мы должны признать единственно верной формулу: «Наша политика есть повеления этой Верховной власти» – и явиться надежной опорой для нее.

Первая забота – это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на сомнении и невежестве. Надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников. Это есть единственно правильное разрешение вопроса.

Надо отказаться и по крайней мере сократить самомнение незнания и признать, что Правительство гораздо лучше нас понимает многие вопросы государственной жизни и в вопросах международной политики МИД гораздо осведомленнее митинговых ораторов.

Цель моего сообщения заключалась в том, чтобы представить действительность такой, какой я ее понимаю. Это мое мнение, но если оно несколько выяснит то положение, в котором находится Родина, и (вынудит) (?) прийти к убеждению, что надо приложить силы для одной цели – спасения Родины, то я буду считать свою задачу выполненной.

25 апреля 1917 года

Вице-адмирал *Колчак*

Приложение 8

Письмо

Александра Ростиславича Колчака,

внука адмирала

(отправлено из Парижа 22 апреля 2004 г.,

получено в Москве 7 мая 2004 г.)¹

Париж, 19-го апр. 04^{го}

Многоуважаемый г-н Синюков

Благодарю за посланную вами книгу² – прочел ее с величайшим интересом: про Колчака-полярного я конечно знал, но Ваш исключительный труд пропитан ценнейшими подробностями. Мой вам большой почет [слава].

Однако, дана оценка Колчака Верховного правителя порой ошибочна, порой несоответственна.

Ошибочна [оценка]:

1) стр. 239, с начала – Колчак переворота не «осуществлял»: переворот был совершен во время его отсутствия, пребывания на фронте; Александр Васильевич предварительно про него не знал; переворот был совершен военными Омска; они арестовали Сибирскую Директорию за хищение государственной казны, приготовление к захвату и сильное подозрение в соучастии с большевиками. Только эти последние подозрения не были форменно [действительно] доказаны на суде Директории.

А.В. [Колчак] не принял самовластно титул и полномочие «Верховного правителя»: после его возвращения в Омск, его [Верховную власть] возглавил Совет министров, причем голосовали, и выбор Колчака был баллотирован [избран] всеми кроме одного голоса.

(Если нам дозволено – в чем я не уверен – обсуждать, в 2004^м году, людей 1918^{го} [года] в революционной обстановке. Можно считать «ошибкой» само согласие адмирала. Следует припомнить, что А.В. [Колчак] был министром им признанной штатской власти [военным министром в Правительстве Директо-

¹ Стиль и орфография письма полностью сохранены. Текст расшифровали ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования (МАНГО) В.В. Синюков и ученый секретарь ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН к.г.-м.н. О.А. Соколова. В квадратных скобках слова и фразы включены В.В. Синюковым в текст для более точной расшифровки.

² Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. М.: ЗАО «КноРус», ООО «Корвет», 2004. 528 с.

Париж, 19²⁰ апр. '04²⁰

Исторический III Сивков

Благодарю за посланную Вами книгу - прочел ее с величайшим интересом: про Кочетка - молчаливо и конечно знал, но был исключительно туп и пропитан ценнейшими материалами. Мои Вам большие почит.

Однако, была оценка Кочетка Верховного Правительства попой сивковна, попой несот-
- вѣстна.

Сивковна:

- 1) стр. 229, с начала - Кочетка перевернул те
"оценки": перевернул был совершенно
во время его отсутствия, прибавил те
франты; Александр Васильевич перевернул
- то про него не знал; перевернул был соф-
- мен военный оштра: они арестовали
Сивковна Директора за хищение
государственной казны, истребовали
к захвату власти и сестры положе-
- ния в союзе с болшевиками. Talbis
коллегии Эта положе не были функциями госуда-
- ства на Сивковна Директора.

А.В. не принял самолично тату и
милитарное "Верховного Правительства":
после его возвращеня в Ошк, его
выгнали Совет Министров, и проче
Голосовед, и болшевик Кочетка был

Самостоятельно в своем конце одного голоса.

(Если нам известно - в чем и не уверен -
обсуждать, в 2004 г. году, тогда 1918 г., и
в революционной обстановке, можно
считать "документ" чисто отвлеченным.
- да. Следует признать что А.В. был
Министром или исполняющим обязанности
Министра, как военный во время он вполне
подходил. Разрешим - вот так:
и так.)

2) стр. 239, п. 3: "Историческая справка" и т.д.
Это же была советская информация, когда
возникла проблема и для Кнута -
После афганской операции Директор
Торгов состоялся в с.г., в котором было
явно показано что члены Директории
Киничани гос. казны и сообразно уста.
- то есть Директору "закатать".

Первоначальное решение
принимал все дело следственного
отдела Директоров за границу, иначе
скажем Каясго из них 50.000 руб. в год,
(около, так сейчас человека, 75.000 руб.)

Историческая справка? Впрочем, стр.
241 в своей книге, конец 2-го раздела,
во всем и так же Верховного Прокурора:
"и фактически могу представить историю -
- то, то и их от нас по с.г. и где
затрагивается".

Как был этот человек, борясь за законы
России, сармател, сража воевавшего разло-
-жене, острейшей азиатизации, в Сибирских
раздольях, созвездии и беззвучные
Тех кто. Ему "возникла" или что его
не изобретали (как Сибирь мог быть
Аронет)? Милитаризм вообще что
стихийно восторжествовал и фанатизм
войны обе стороны, но за счет за фактор
завоевателя кровопролитием может
присутств. жить - Восток в этом контексте
- или Туркестанского - невообразиме.

Несоответствия:

Сделали же - то есть воспринимать - как
одно из симптомов Восточного Фанатизма,
из тех кто его называл "Затей"; кто
бы, но восточный менталитет, победил бы больше.
- Восток если его бы усиливали - это
неграмотно.

А.В. был воспитан в фанатизме, фан-
-тизмом сража, куда индивидуальное раздува-
-ется не восторжествовал и за счет восторжествовал:
в сражении где царил идеализм - и бы
Степан идеализирование - все материальное
создание мировой, и особенно русской, ноли-
-тикой сущности (зачем: идеализм
- идею - войну с Германией, то тем не менее, тем
за счет войны с Японией готовил не война.)
В таком сражении где царил бюрократический
авторитаризм вместо своего коренного,

Зафавро, Бостового сменила. За что стал с собой
так и ружьями, неслитра же дворянские
убеждения.

Колмак - Выходивший издалека генерал по
образу как он был пропитан, не считая
себя в праве обещать "Неизменности деп,
землю владения, заводы, фабрики" и
отдавать имущество от Русской Империи.
Платит то теперь легко видеть что это были
поковы, стратегические ошибки: в этом
Смисла Колмак "кондуктор" не был,
или, proprio motu, это не могло быть его
подвигами - то приключалось это "чуждей".

- стоял за собой, как чуждым и неслитра
пот факто некоторым из его буржуазных
возможностей, это делало с собой куда
лучше дела -

История показала что стояли некоторые из
этих - то с собой гонимых: Сылалась же тех
кто историко-возле неслитра на "губы"
непоколебиме. А укоряется А.В. в его
составе - или в его идеей оценке
Мозей - какой у него был выбор?
Кашница то была посылка, за и без
Крути.

Можно было бы много добавлять про эти
Сибирские владения и про А.В.: а на
золотые неслитра не годя, за и та нефа -
- флоту историко-охотники - до работы -
- изомный с собой промаи по своей собствен-
ной вине, поучивалась, хотел нехотел,

Идеальный исторический закон: общество
что не сумеет самолично избавиться
к мучимому само себя приотравляет
к позорной смерти.

Упорнее две фактически теории Макса.
- теория "заряженных в беззвучие", "438.4" "Теория
Волна", "Теория - Нота Копла 1986". Макса.
- теория и можно знать и беззвучия и
теория теория: заряжены он те
теория в беззвучие, но и в зыбу Коплата,
с зыбу теория сотрудничества.

Максимум две теории что он в зыбу был
убежден что А.В., управляет зыбу Виревого
управления, знает что Россия зыбу
управления - в зыбу и зыбу в зыбу
убежден - теория теория теория теория
теория теория теория, зыбу теория теория
теория теория теория - теория теория теория
А.В. управляет зыбу теория, а теория теория
теория теория теория в теория, зыбу теория теория
- зыбу без зыбу теория.

Но у теории его теория, теория теория
теория, и теория теория теория теория.

С теория теория теория

А.Копла

рии], кот. [орой] как военный под присягой он вполне подчинялся: назначили – долг ясен: идешь [выполняешь].

2) стр. 239, пар. [аграф – абзац] 3: «жесточайшая диктатура» и т.д. Это ревели [кричала] советская пропаганда, когда позволяла упоминать имя Колчака – после ареста Омской эсеровской Директории состоял [ся] ее суд, в котором было явно доказано что члены Директории хищничали [расхищали] гос. казну и собирались установить эсеровскую «диктатуру».

Верховный правитель принял все меры для безопасного отъезда Директоров [членов Директории, их было пять, но уехало двое] за границу, притом снабдил каждого из них 50.000³ рублями, одного, как семейного человека, 75.000³.

Жесточайшая диктатура? Впрочем [впрочем], в стр. 241 вашей книги, конец 2^{го} параграфа. Вы сами цитируете Верховного Правителя: «Я фактически могу расстрелять преступников, но я их отдаю под суд и дела затягиваются».

Как мог этот человек, борясь за законную Россию, справиться, среди всеобщего разложения, очередной атаманины, в Сибирских разстояниях [расстояниях] [обширных территориях], со зверствами и бесчинством тех кот.[орые] ему «подчинялись» или просто его не признавали (как Семенов под властью японцев)? Мимолетом добавлю что в стихийном взрыве революции и гражданской войны обе стороны показали до какого дьявольского кровопоеения может русский дойти. – Винить в этом Колчака – или Тухачевского – неподходяще.

Несоответственна.

Ссылаясь на (обстоятельство) – то есть воспринимать – мнение одного из сотрудников Верховного правителя, из (числа) тех кто его называл «дитей» [«жизненным младенцем» – так назвал А.В. Колчака в своих воспоминаниях барон А.П. Будберг – военный министр в Омском правительстве Колчака в конце 1918 – начале 1919 г., уехал летом 1919 г. в Харбин в связи с болезнью и поэтому остался в живых...]; кто бы, по [его] своему мнению, победил бы большевиков если его бы послушали – это недосмотр [Будберга].

А.В. [Колчак] был воспитан в формальном, традиционном строе [стиле], куда политические рассуждения [рассуждения] не входили и даже воспрещались: в строе где царил идеализм – я бы

³ В письме упоминаются члены Директории эсер Н.Д. Авксентьев и эсер В.М. Зензинов. Они получили большие суммы денег и были высланы за границу. Вскоре к ним присоединился Верховный главнокомандующий, член Директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. В разных источниках средства, выданные Верховным правителем, колеблются от 50 до 200 тыс. руб.

связал идеализирование – вне малейшего сознания мировой, и особенно русской, политической сущности (допустим: предвидели [но] – поздно – войну с Германией, но ни на нее, ни даже на войну с Японией готовы не были). В таком строе где царила божественная автократия вместо самого коренного, здорового, бытового смысла. За то этот строй так и рухнул, несмотря на многовековые уведомления.

Колчак – Верховный правитель действовал по обряду каким он был пропитан, не считая себя в праве обещать «немедленный мир, землю крестьянам, заводы рабочим» и отделять Финляндию от Русской Империи. Нам то теперь легко видеть что это были роковые, стратегические ошибки: в этом смысле Колчак «политиком» не был, или, *propter motu*, это не могло быть его политикой. Но причислять это «житейскому детству», как желчно писали *post facto* некоторые из его обиженных подчиненных, это метать стрелу куда ниже цели.

История показала что стояли [стоили] некоторые из этих-то сотрудников: ссылаются [ссылаются] на тех кто историю позже переделывал на «даты» непоходяще. А укорять А.В. [Колчака] в его составе [несостоятельности] – или в его плохой оценке людей – какой у него был выбор? Кашница [питание] то была постная, да и без круп.

Можно было бы многое добавить про эти Сибирские времена и про А.В. [Колчака]: я на долгие переписки не гожд, да и на переработку истории не охотник. До революционный строй пропал по своей собственной вине, подчиняясь хош нехош [хочешь не хочешь] железному историческому закону: общество что не сумеет самовольно превратится [превратиться] к лучшему само себя приговаривает к постыдной смерти.

Позвольте мне рекомендовать книгу Максимова «Заглянуть в бездну», изд. «Третья волна» Париж – Нью Йорк 1986 г. Максимова я лично знал и встречал в Париже неоднократно: заглянул он не только в бездну, но и в душу Колчака, с достоверным состраданием.

Максимов мне говорил что он в душе был уверен что А.В. [Колчак], принимая звание Верховного правителя, знал что Россия уже пропавша. В этом я тоже в душе уверен. Но командиры тех времен судна не покидали, даже когда оно тонуло и гибло. Не по отчаянью А.В. [Колчак] принял свой крест, а смотря своей судьбе и смерти в глаза, идя навстречу без иллюзий.

Но у вождей его размера все-таки [все-таки] остается Вера и хоть искра надежды.

С возобновленным почтением.

А. Колчак (подпись)

Приложение 9

**Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2005 г. № 433 г. Москва
«О переименовании географического объекта в Карском море»**

Постановление Правительства Российской Федерации
от 15 июля 2005 г. № 433 г. Москва

О переименовании географического объекта в Карском море

В соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов» Правительство Российской Федерации **постановляет**:

На основании представления Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа переименовать распо-

ложенный в Таймырском заливе Карского моря остров Расторгува в остров Колчака в целях возвращения этому географическому объекту первоначального наименования.

Председатель Правительства Российской Федерации
М. Фрадков

Федеральный закон

Приложение 10

А.В. Колчак в творчестве поэтов

Драматизм эпохи в поэзии М. Волошина

Поэзия Максимилиана Волошина (1877–1932) с удивительной глубиной раскрывает сущность происходящих драматических деяний, прикрываемых знаменем революционной эпохи.

Гражданская война в России 1917–1922 гг. искалечила, искромсала людские судьбы, души и тела тех, кто искренне верил в иную, скороприходящую, посланную самим Богом, неповторимую на нашей Планете жизнь.

Монархия, война, униженный народ, уничтоженный в Цусиме Российский флот, распутинский беспредел, террористы-революционеры во главе с Евно Азефом (1869–1918) и Борисом Савиновым¹ (1879–1925), Октябрьский переворот в 1917 г. во главе с Лениным и Троцким – от всего этого народ устал, влача нищенское существование.

Многие миллионы россиян тогда и теперь разбрелись по всему свету, думали, что на время, а оказалась – навсегда.

В апреле 1919 г. Софья Федоровна Колчак отплыла из Новороссийска в Константинополь, а великий русский поэт Максимилиан Александрович Волошин почти в эти же «окайнные дни» в ноябре 1919 г. выплеснул на бумагу изумительные строчки, буквально раздирающие душу, они отражали тогдашнюю трагедию России:

Северо-восток

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и кружит снежные завесы
Выстуженный северо-восток.
Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,

¹ Савинов Борис Викторович. Политический деятель, публицист, писатель (В. Ропшин). В 1903 – сент. 1917 г. – эсер, один из видных лидеров «Боевой организации», вдохновитель и руководитель многих террористических актов. Во Временном правительстве А.Ф. Керенского (1881–1970) военный министр. Руководитель антисоветских заговоров и вооруженных выступлений. Белоэмигрант. В результате блестяще проведенной ОГПУ операции «Трест» при переходе советской границы в 1924 г. арестован и осужден. Покончил жизнь самоубийством.

Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.
Этот ветер был нам верным другом,
На распутье потерявшим отчий дом.
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам,
С юга вдаль на северо-восток.
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России –
Страшная, безумная судьба

Конец ноября 1919 г.

На этой Волошинской ноте мы и заканчиваем наш Колчаковский Реквием. – «Вечный покой даруй им, Господь!» – «Requiem aeternam dona eis, Domine!»

Своеобразной эпитафией на трагические события тех дней можно считать его стихотворение «Гражданская война».

Гражданская война

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.
Другие из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.
В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров
И жив разбойный древний дух
И Разиных, и Кудеяров.
В других – лишенных всех корней –
Тлетворный дух столицы Невской,
Толстой и Чехов, Достоевский –
Надрыв и смута наших дней.
Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле.
В других весь цвет, вся гниль империй,
Все золото, весь тлен идей,

Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.
Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.
В тех и других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный гнев разгула, –
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам,
Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.
И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаных жнив.

*

И здесь и там между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас, тот против нас!
Нет безразличных! Правда – с нами!»
А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами моими
Молюсь за тех и за других.

Коктебель. 22 ноября 1919 г.

Это произведение, как видим, датировано двадцать вторым ноября 1919 г. Именно в этот день застрявшие в Ново-Николаевске адмиральские эшелоны привели в негодование Верховного правителя. Он пытался своими грозными приказами спасти гибнущую армию, но все было тщетно... Болезни, холода, слабое питание, нехватка оружия и боеприпасов подавляли воинский дух тех, кто совсем недавно освободил Урал и подошел к берегам Волги весной 1919 г., взял Самару, Казань и Оренбург.

Но теперь войска были в состоянии полной деморализации, и многие из его личной охраны, пользуясь ночным временем, раз-

бегались по необъятным сибирским просторам. Еще недавние боевые соратники теперь уже самовольно покидали «тонущий корабль» и уходили на Барнаул и Бийск, в надежде соединиться с войсками генерала А.И. Дутова² и атамана Б.В. Анненкова³.

А.В. Колчак оставался непримиримым противником большевиков и когда М.А. Волошин писал «И всеми силами моими молюсь за тех и за других». Верховный правитель строил новые победные планы, намереваясь весной 1920 г. в Китае и Монголии собрать уцелевшие войска Белой гвардии и разгромить Красную Армию.

Но, увы, все его прожекты были наивны, опрометчивы, а отсутствие конкретной политической программы заставляло многих усомниться в скором возрождении России под знаменами Верховного правителя.

Тем временем Красная Армия наносила сокрушительные удары генералам Пепеляеву, Войцеховскому, Семенову, одерживая победу за победой.

Максимилиан Волошин в Коктебеле летом 1920 г. написал такие строки:

«Что менялось? Знаки и заглавия –
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах – дух самодержавия,
Взрывы революции – в царях...»

Под ними стоит дата: Коктебель, 31 июля 1920 г.

² Дутов Александр Илларионович (1879–1921), генерал-лейтенант. С сентября 1917 г. атаман Оренбургского казачества, в ноябре 1917 г. возглавил вооруженное выступление против Советской власти в Оренбурге. Установил диктатуру. В 1918–1919 гг. командовал Оренбургской армией. Зажиточное оренбургское казачество, владевшее обширными землями, поддержало Дутова.

А.И. Дутов в августе 1918 г. провозгласил «Самостоятельность области войска Оренбургского», а в сентябре влился в колчакоскую армию. Летом 1919 г. М.В. Фрунзе, командующий Туркестанским фронтом, разгромил армию Дутова. Его разрозненные отряды ушли в Китай. Дутов был убит в своем кабинете в Суйдине (Китай) в феврале 1921 г.

³ Анненков Борис Владимирович (1889–1927), атаман Белой гвардии, действовал в Гражданскую войну в Семипалатинской и Семиреченской областях. В марте 1918 г. прибыл в Омск. Командовал Сибирской казачьей дивизией, насчитывавшей до 10 тыс. чел. Его карательные отряды жестоко расправлялись со сторонниками Советской власти. В конце 1919 г. назначен Колчаком командующим Отдельной Семиреченской армией. В марте 1920 г. эта армия была разбита, и остатки ее бежали в Китай. Анненков в 1926 г. проник тайно на территорию СССР, но был арестован. По приговору трибунала расстрелян в августе 1927 г.

В это время душа Колчака уже покинула земное пристанище и удалась от нас... Но надо помнить, что «большая душа никогда не бывает одинокой. Как бы судьба ни отнимала от нас друзей, она в конце концов всегда их себе создаст», – так думал на закате жизни Ромен Роллан.

Сегодня мы убеждаемся в правомерности этих слов. Все больше становится тех, кто восхищается Александром Васильевичем Колчаком, открывая в этом человеке, в его душе все новые грани, которые высвечивают нам величайшую порядочность человека, сохранившего честь и достоинство Российского морского офицера даже в объятиях смерти.

Сибирские поэты о Колчаке

Географ, путешественник, мореплаватель, военный, Александр Васильевич Колчак, волею сложившихся обстоятельств став диктатором, возложил на себя тяжелейшую ответственность за дальнейшую судьбу многострадальной России [139]. О Колчаке слогали легенды. Его призывали остановить всколыхнувшиеся массы, пропитанные безумием свободы и обманчивой возможностью сразу подняться из нижних эшелонов общества к самым его вершинам [140].

Поэты, посвящавшие ему свои стихи, поэмы, песни, находились под живым впечатлением его славы и бесславия, трудовой жизни и героической смерти. В их воображении вставал образ человека, до конца сохранившего честь и достоинство русского офицера, дело жизни которого было проиграно и который, не склонив головы, смело шагнул к «могильному откосу». С ним уходила в прошлое эпоха Великой Российской Империи.

«Шпагами последних кондотьеров⁴
Мы эпохе отдали салют... »

Сергей Марков

В 1920–1930-е годы группа поэтов-сибиряков во главе с молодым Леонидом Мартыновым написала о Колчаке много ярких строк.

Колчак – фигура спорная, трагическая, неординарная и противоречивая, и кто бы с ней ни соприкасался, всегда находил новые грани. Случилось так, что многие поэты, писатели, худож-

⁴ Кондотьер – наемник, человек, получающий вознаграждение за военные услуги. Составляли ядро иностранного русского легиона во Франции.

ники о своем восхищении Колчаком смогли поведать только Соловецким островам, так как они были после процессов 32-го года сосланы на Соловки.

В марте 1932 г. ОГПУ НКВД провело ряд арестов поэтов-сибиряков, входящих в так называемую «Сибирскую бригаду» (первоначально «Памир»). Их обвиняли как контрреволюционеров, а их произведения, печатавшиеся в журнале «Сибирские огни», клеймились как антисоветские, умышленно направляющие агитацию и пропаганду на свержение Советской власти в Сибири.

По делу «Сибирской бригады» проходили Леонид Мартынов, Николай Анов (Иванов), Сергей Марков, Павел Васильев, Евгений Забелин, Лев Черноморцев и многие другие [141, с. 7]. Леонид Мартынов, например, был сослан на Север, на каторжный для эзков Архангельский лесоповал.

«В моей семье, – говорил на следствии поэт Евгений Забелин, – колчаковщина была воспринята восторженно как фактор спасения многострадальной, измученной родины. Мне тогда было 16 лет. Я полностью воспринял все эти настроения, которые у меня оставались вплоть до выхода из “группы сибиряков”. При Колчаке я никакой непосредственной работы не нес, но все мероприятия Колчака (расстрелы большевиков, рабочих и крестьян) воспринимались мной с энтузиазмом. Я считал до 1931 года Колчака вторым Наполеоном и так к нему относился. Все зверства колчаковцев считал необходимыми и нужными. Расстрел Колчака мною был воспринят очень болезненно».

«Нужно сказать совершенно определенно, что в группе на все время осталась идеализация Колчака: как личность крепкая, правдивая, как “прототип” вождя, спасающего Россию». (Из показаний Е. Забелина.)

«Будущее Сибири определяется, во-первых, огромными естественными возможностями страны, во-вторых, высоким качеством человеческого материала, населяющего Сибирь. Кряжистый, инициативный, предприимчивый сибиряк выгодно отличается от “лапотника”, забитого, столетиями проживающего в нужде и гнете российского крестьянина. Качество этого людского материала позволяет ему не только использовать все возможности Сибири, но и устремиться на юг и восток, колонизируя прилегающие к Сибири и Средней Азии страны – Китай, Индию, Персию, Афганистан – и сливаясь с народами этих стран. Пути к югу должны пересечь горные хребты, перевал этих путей – вершина Памира. Отсюда и название литературной группы “Памир”, объединившей первоначально меня – Мартынова, Маркова, Анова, Ерошина, Феоктистова». (Из показаний Л. Мартынова.)

«На собраниях группы при моем присутствии разбирались и уточнялись вопросы текущей политики. В результате пришли к следующему. Индустриализация – хорошая штука, пусть большевики построят побольше и лучше, все это будет использовано другим строем, пришедшим на смену советской власти. Коллективизация отрицалась. Было решено в обществе членов группы взять установку на показ гибельности коллективизации, уничтожающей по существу здоровое ядро деревни». (Из показаний Л. Черноморцева.)

«Все абсолютно высмеивали призыв ударников в литературу. Говорили о том, что “душится живое слово”, “уничтожаются подлинники художники” и так далее. Анов говорил, например: “Развернул я как-то журнал времен Николашки – вот и демократия, вот где свобода была, хотя бы половину такой свободы теперь. Теперь куда ни плюнь – Бенкендорф”. Это разделялось и всеми остальными». (Из показаний П. Васильева.)

«Особо хочу остановиться на “Альманахе мертвецов”. Это тетрадь в 30–40 страниц, на которой наклеены вырезки стихов “колчаковских поэтов” – Ю. Сопова, Г. Маслова и других. Эти стихи собрал Мартынов и привез в Москву. В группу приносил их Марков и читал. Стихи явно контрреволюционные, написанные “сочным” языком, производили очень сильное впечатление, подогревали нас. Многие из прочитанных стихов смаковались. Стихи эти читались для возрождения памяти Колчака и колчаковщины. Нужно добавить, что эти стихи печатались в газетах на злобу дня – яркие, враждебные к советской власти и большевикам, которых в стихах называли “белыми гориллами”. Эти стихи давали нам пищу, а Марков и Мартынов брали с них пример». (Из показаний Е. Забелина.)

«Материалы для составленного Сергеем Марковым “Альманаха мертвецов” были собраны мною как материал для статьи, которую я готовил для опубликования в журнале “Сибирские огни” и которая должна была явиться ответом на тезис Зазубрина, что Георгий Маслов и другие “колчаковские поэты” воспевали Колчака как спасителя Отечества. Смысл моего ответа заключался в отрицании этого тезиса Зазубрина и в утверждении того, что они оплакивали свою гибель и гибель колчаковщины, которую они предвидели. Ознакомившись с собранными мною материалами, Марков оформил их в сборник, названный им “Альманахом мертвецов”». (Из показаний Л. Мартынова.)

Приводим стихи Леонида Мартынова, в них звучит трагическая эпитафия гибнущей культуре:

Знакомых и друзей, случайно
Явившихся издалека,
Чтоб вместе оставаться в чайной –
Степной столицы Колчака.

Не пить и не забавы ради
Иные люди шли сюда,
Где проходила по эстраде
Поэтов сонных череда.

Когда перед приходом красных
Сгустилась мгла метельных дней,
Туда пришел Георгий Маслов
Сказать о гибели своей.

Он говорил – зараза липнет,
На всем кровавая печать.
Он говорил – культура гибнет,
И надо дальше убежать...

В «Альманахе мертвецов» были собраны стихи Георгия Маслова, Игоря Словника, Юрия Сопова, Григория Вяткина, печатавшиеся в газетах колчаковской Директории. В этом же духе романтизации колчаковщины как одного из последних оплотов сопротивления установившемуся режиму и ощущения его неминуемого трагического конца писали стихи, посвященные памяти адмирала, Евгений Забелин, Сергей Марков. Таковы и ранние редакции стихотворения Леонида Мартынова «Воздушные фрегаты» и его поэма «Адмиральский час».

«Любая идеализация потомками какой-либо страницы прошлого не несет с собой ничего путного. Прежде наводили глянец на “красных”, сейчас идет “отмывание” Белого движения, которое, право же, ни в каком “отмывании” не нуждается, – считает С. Куняев.

Бесмысленно задаваться вопросом: кто пролил больше невинной крови – командарм Тухачевский или атаман Анненков, чьи зверства перевешивают – командарма Буденного или генерала Мамонтова. Гражданская война тем и ужасна, что порождает чудовищное озверение обеих сторон, независимо от их окраски. Александр Васильевич Колчак – не исключение из этого правила».

Ниже, в стихах Евгения Забелина звучит «Реквием об убитом адмирале». Вечный покой даруй им, Господи!

Адмирал Колчак

Сначала путь непройденных земель,
Потом обрыв израненного спуска,
И голубая изморозь Иркутска,
И проруби разинутая щель.
Полковники не слушали твой зов,
Вокальный всплеск укачивал их сонно,
Созвездия отгнившего погона
Им заменяли звезды коньяков.
Свои слова осколками рассыпь
Меж тупиков сереющих пустынно
Плюгавое похмелье кокаина
И сифилиса ситцевая сыпь.
Кашмирский полк, поющий нараспев,
Кашмирский полк, породистый британец,
Обмотки на ногах, у плеч – тигровый ранец,
На пуговицах – королевский лев.
Приблизилась военная гроза,
Рождались дни, как скорченные дети.
От них, больных, в витринах на портрете
Старели адмиральские глаза.
Что ж из того, упрямо перейду
Былую грань. Истерикой растаяв,
Дрожа слезой, сутулый Пепеляев
Покаялся советскому суду.
Перехлестнул, стянул, перехлестнул
Чеканный круп неконченного рейса.
Жизнь сволочнулась ртом красногвардейца,
Вся в грохоте неотвратимых дул
Душа не вынесла. В душе озноб и жар,
Налево – марш к могильному откосу.
Ты, говорят, опепив папиросу,
Красногвардейцу отдал портсигар.
Дал одному солдату из семи.
Сказал: «Один средь провонявшей швали
На память об убитом адмирале,
Послушай, ты, размызганный, возьми!»

1925

Сергей Марков

Полярный адмирал Колчак

Там, где волны дикий камень мылят,
Кольхая сумеречный свет,
Я встаю, простреленный навывлет,
Поправляя сгнивший эполет.

В смертный час последнего аврала
Я взгляну в лицо неожиданным снам,
Гордое величье адмирала
Подари заплыванным волнам.

Помню стук голодных револьверов
И полночный торопливый суд.
Шпагами последних кондотьеров
Мы эпохе отдали салют.

Ведь пришли, весь мир испепеляя,
Дерзкие и сильные враги.
И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги.

Я запомнил те слова расплаты,
Одного понять никак не мог:
Почему враги, как все солдаты,
Не берут сейчас под козырек,

Что ж считать загубленные души,
Замутить прощальное вино?
Умереть на этой белой суше
Мне, наверно, было суждено.

Думал я, что грозная победа
Поведет тупые корабли...
Жизнь моя, как черная торпеда,
С грохотом взорвалась на мели.

Чья вина, что в злой горячке торга
Я не слышал голоса огня?
Полководцы короля Георга
Продали и предали меня.

Я бы открывал архипелаги,
Слышал в море альбатросов крик,
Но бессильны проданные шпаги
В жирных пальцах мировых владык.

И тоскую по морскому валу,
И с лицом скоробленным, как жуть,
Я прошу: «Отдайте адмиралу
Перед смертью боевую честь...»

И теперь в груди четыре раны.
Помню я, при имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем.

* * *

Леонид Мартынов

Померк багровый свет заката⁵,
Громада туч росла вдаль,
Когда воздушные фрегаты
Над этим городом прошли.

Их паруса поникли в штиле,
Не трепетали вымпела.
– Друзья, откуда вы приплыли?
Какая буря привела?

И через рупор отвечали
Таинственные моряки:
– О потонувшем адмирале
Не зря вещали старики.

Я помню рейд республиканца,
Колчак сдавал оружие нам,
Но адмирал спешил на шканцы
Оружие подарить волнам.

И море страшно голубое,
Жить, умереть – не все ль одно?
Лети, оружие золотое,
Лети, блестящее, на дно!

...

Колчак сказал: «Здесь скот, руда,
Экономическая база.
Здесь Атлантида. И сюда
Сначала надо водолаза»

⁵ Эти отрывки из ранней редакции поэмы «Адмиральский час» также фигурировали в «деле» в качестве материала для обвинительного заключения по делу Леонида Мартынова.

...

И нет Европ, и нет Америк.
Есть только узкий волчий след,
Ведущий на полярный берег.

...

Здесь сохранилась от восстаний
Единственная из корон –
Корона северных сияний.

Приложение 11

Лирическая новелла

«Две любви как радуга и мираж»¹

«...Я хотел, чтоб и ты пошел бы, когда вырастешь, по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, – это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей».

(Из письма-завещания А.В. Колчака, написанного сыну Ростиславу в 1920 году)

Александр Васильевич Колчак – личность сложная, противоречивая, спорная и во многом еще не раскрытая. В его биографии есть страницы, овеянные героической романтикой, пронизанные мужеством отважного полярника и целеустремленностью ученого. Волею сложившихся обстоятельств, став Верховным правителем России, Колчак принял на свои плечи тяжелейшую ответственность за судьбу многострадальной страны. Безусловно, вся жизнь А.В. Колчака была отдана служению Отечеству, в том смысле, как он это служение понимал.

Все мы родом из детства.

Александр Колчак родился в семье морского офицера, артиллериста, участвовавшего в обороне Севастополя. Он рос рядом с живым свидетелем героических страниц истории Российского флота, с детских лет слышал рассказы отца о выдающихся русских адмиралах Корнилове, Истоমине, Нахимове, воспитывался в атмосфере бесконечной любви к Отечеству, величайшего патриотизма российских моряков.

После окончания в 1894 году Морского кадетского корпуса, находясь под впечатлениями от географических открытий начала века, он грезил о полярных странах, о неизвестных пока загадочных землях, восхищался подвигами викингов и поморов – смелых мореплавателей, дерзнувших познать неизведанный мир. Он энергично добивался своего включения в состав Русской полярной экспедиции под началом барона Э.В. Толля, отправляющейся на поиски Земли Санникова.

Но наступил 1900 год, на южной оконечности Африки разразилась англо-бурская война, события которой получили большой

¹ Литературно-художественный журнал «Литературные незнакомцы». 2004. № 3.

резонанс в мире. На волне сочувствия бурам многие отправились тогда волонтерами в Трансвааль, готовые умереть за справедливость и свободу Южно-Африканской Республики. «Я думаю, – писал Колчак, – что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был испытывать хотя бы смутное желание в нем участвовать» (РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.). Вполне естественно, что он устремился в этот «африканский водоворот», собирався в Трансвааль, на войну, с оружием в руках.

Осуществлению южно-африканских планов Колчака «помешало» долгожданное предложение Академии наук принять участие в Русской полярной экспедиции под руководством барона Толля. Осуществление мечты! «Предложение это я принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям», – говорил об этом Колчак на допросе в 1920 году.

Как видим, защищать, открывать новое, невзирая на опасности и трудности, – вот устремления молодого А. Колчака.

Грандиозное ледовое плавание, участником которого был Колчак, завершилось неодинаково для его товарищей. Из материалов допроса 1920 года: «...на 3-й год (экспедиции) барон Толль, видя, что нам не удастся пробраться на север от Новосибирских островов, предпринял эту экспедицию с Зеебергом и двумя каюрами. У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти... Он решил, что на судне туда не пройти, и ушел. Он приказал нам...вернуться в Петербург, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Он рассчитывал самостоятельно вернуться на Новосибирские острова, где мы ему оставили склады».

Однако барон Толль ушел, чтобы не возвращаться. В 1903 году Колчак сумел организовать спасательную экспедицию для его поисков и возглавил ее. В то время он собирався жениться, но товарищи оказались в беде – выбор Колчака был предопределен – настоящий мужчина там, где необходима его помощь, где нужно выручать и защищать.

После завершения Спасательной экспедиции Колчак рассчитывал найти свое счастье – у него уже пять лет была невеста, преданно ждущая его из походов. Но тут случилась русско-японская война – он опять нужен России, и свадьбу пришлось сыграть буквально по дороге на фронт.

Потом была работа в Морском генеральном штабе и служба на флоте.

Но, конечно же, выдвинула Колчака Первая мировая война. В 1916 году он – вице-адмирал и командующим Черноморским флотом. В то время ему был всего 41 год. Главная задача, вставшая

перед ним в новой должности, – обезопасить черноморское побережье и порты Новороссийска, Севастополя, Одессы от разбойных набегов германских крейсеров «Бреслау» и «Гебен», действовавших под турецким флагом. Колчаку удалось в короткий срок надежно перекрыть Босфорский пролив минным заграждением.

В роковом 1918 году, когда Отечество было раздираемо самой отвратительной из существующих войн – Гражданской, Колчак принял на свои плечи непосильную ношу Верховного правителя России. Он мечтал о восстановлении великой и единой страны, смотрел на свое «положение как на посланный небом» счастливый жребий и был убежден, что ему удастся вернуть России ее величие и славу.

Две музы

Современники вспоминают, что Александр Васильевич Колчак не был красив. Был он худой, подтянутый, стройный, остролицый, с орлиным взглядом, всегда чем-то встревоженный, словно мысли его не давали ему и минуты покоя. Наверное, он находился в вечном поиске путей к намеченной цели.

При этом он обладал безусловным внутренним обаянием, привлекающим к нему всех, кто его окружал. Возможно, этому помогал романтический ореол героя-полярника, может быть, образ удачливого морского офицера. Современники вспоминали, что Колчаку были свойственны воспитанность, интеллигентность, честность, искреннее желание служить России и высочайшая внутренняя порядочность. (*Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Колчаковская эпопея. Л., Прибой, 1929*).

В трагическую жизнь Александра Колчака, без остатка отданную служению Родине, как радуга и мираж вплетаются судьбы двух удивительных женщин, любивших его самоотверженно и жертвенно.

Одна из них – Софья Федоровна Омирова – была Колчаку другом и невестой, пять лет ждавшей своего жениха из полярных походов, а затем – любящей женой и заботливой матерью его сыну.

Другая – Анна Васильевна Тимирева – своей молодостью и самоотверженной пылкой любовью согрела последние, отчаянно трудные, годы его жизни. А после его смерти писала мемуары о Нем, стихи, обращенные к Нему, и в течение тридцати лет платила за свою любовь заключениями в тюрьмах и ссылками.

Как беззаветно и безусловно А.В. Колчак любил свою Родину, служил ей, так же беззаветно и безусловно любили его и служили ему две женщины, две его музы.



Представители Иркутского казачества на панихиде на месте расстрела
А.В. Колчака. 7 февраля 2003 г. Фото Елены Чавчавадзе



Панихида по убиенному А.В. Колчаку. На переднем плане атаман Иркутского казачьего войска Николай Миронов и Ирина Аркадьевна Пабст-Удинцова, дочь полковника А. Удинцова – начальника личной охраны А.В. Колчака.
7 февраля 2003 г. *Фото Елены Чавчавадзе*



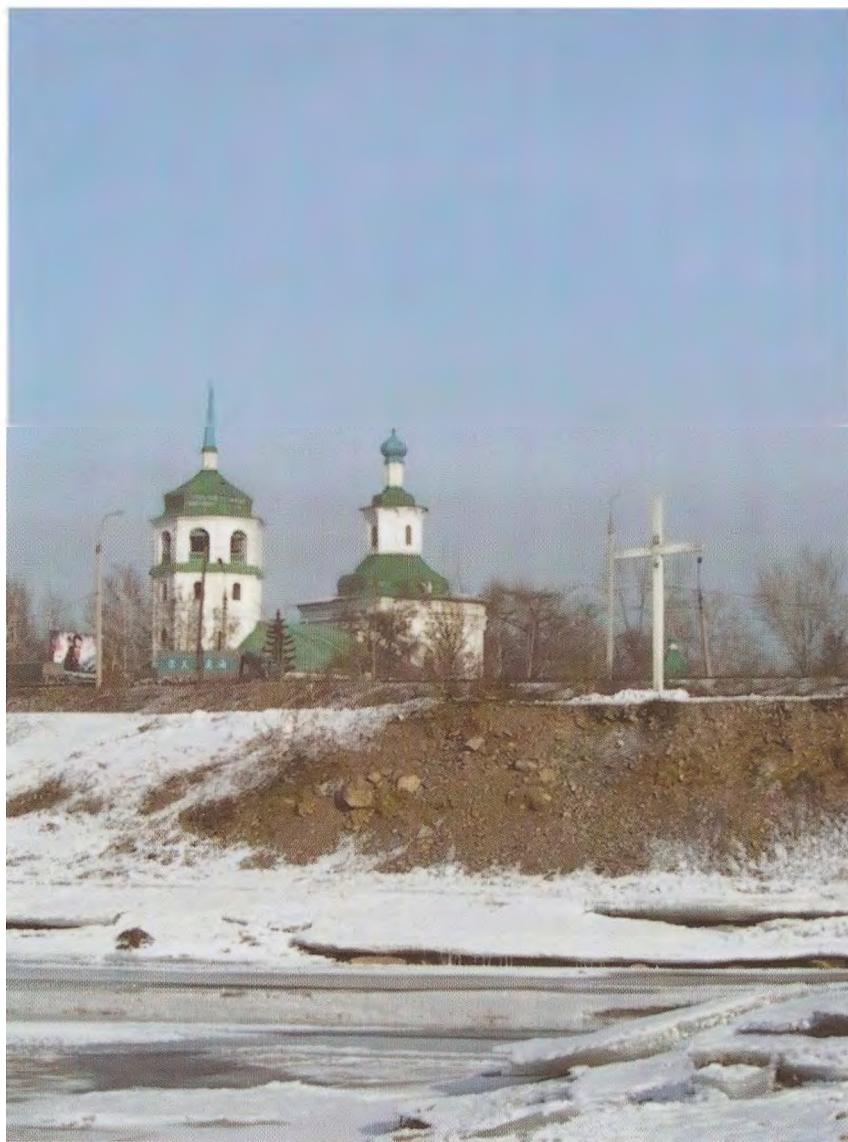
Представители Иркутского казачества В. Рудюк и С. Балагуров на панихиде.
7 февраля 2003 г. *Фото Елены Чавчавадзе*



Памятный конверт к 125-летию со дня рождения А.В. Колчака.
1999 г.



Барельеф с изображением А.В. Колчака на мемориальной доске, установленной
в бывшем Морском кадетском корпусе. Санкт-Петербург. 2003 г.



Памятный крест у стен Знаменского монастыря на месте расстрела
А.В. Колчака. Река Ушаковка. 2003 г. Фото Елены Чавчавадзе



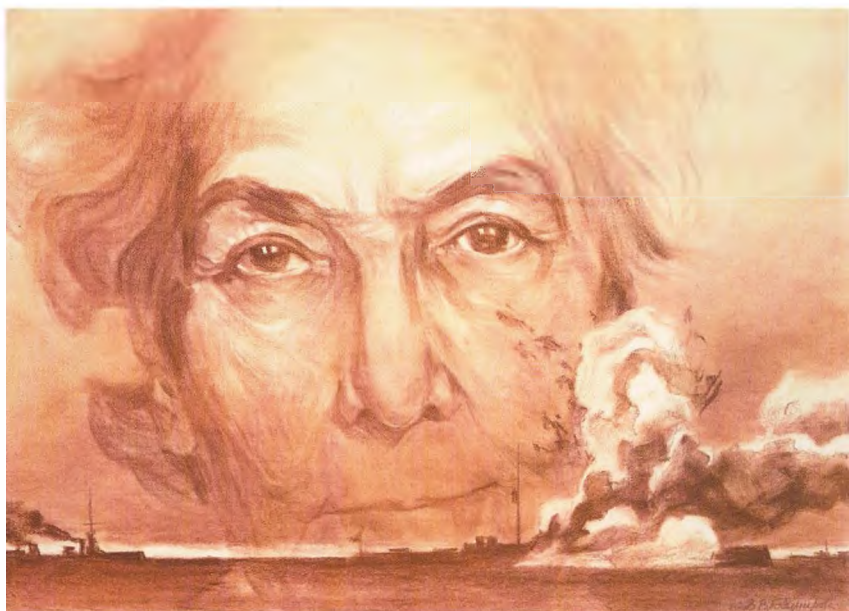
Колчак-Полярный. Бумага, сангина, 42 × 62 см. 2002 г.
Художник В. Владимирова



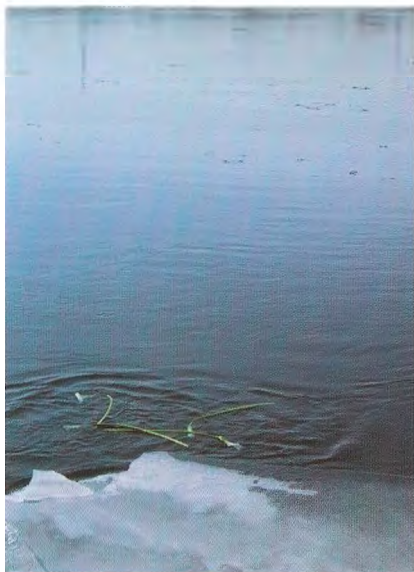
Шхуна «Заря», затертая во льдах. Бумага, сангина, 42 × 62 см. 2002 г.
Художник В. Владимирова



Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак.
Бумага, сангина, 42 x 62 см. 2002 г. Художник В. Владимирова



«Звезда» адмирала Колчака – Анна Васильевна Тимирёва.
Бумага, сангина, 42 x 62 см. 2002 г. Художник В. Владимирова



Студеные воды реки Ушаковки у места впадения в Ангару оказались последним приютом Александра Васильевича Колчака. *Фото Елены Чавчавадзе*



Венки на месте расстрела А.В. Колчака. Иркутск. 7 февраля 2003 г.
Фото Елены Чавчавадзе



Памятник легендарному адмиралу А.В. Колчаку в Иркутске. Открыт 16 ноября 2004 г. Работа народного художника РФ В.М. Клыкова (1929–2006 гг.). На переднем барельефе – фигуры красноармейца и белогвардейца, скрестившие винтовки и направившие их вниз – конец братоубийственной войне. Виден Знаменский женский монастырь. В сотне метров от р. Ангары, недалеко от этого места 7 февраля 1920 г. был расстрелян адмирал А.В. Колчак



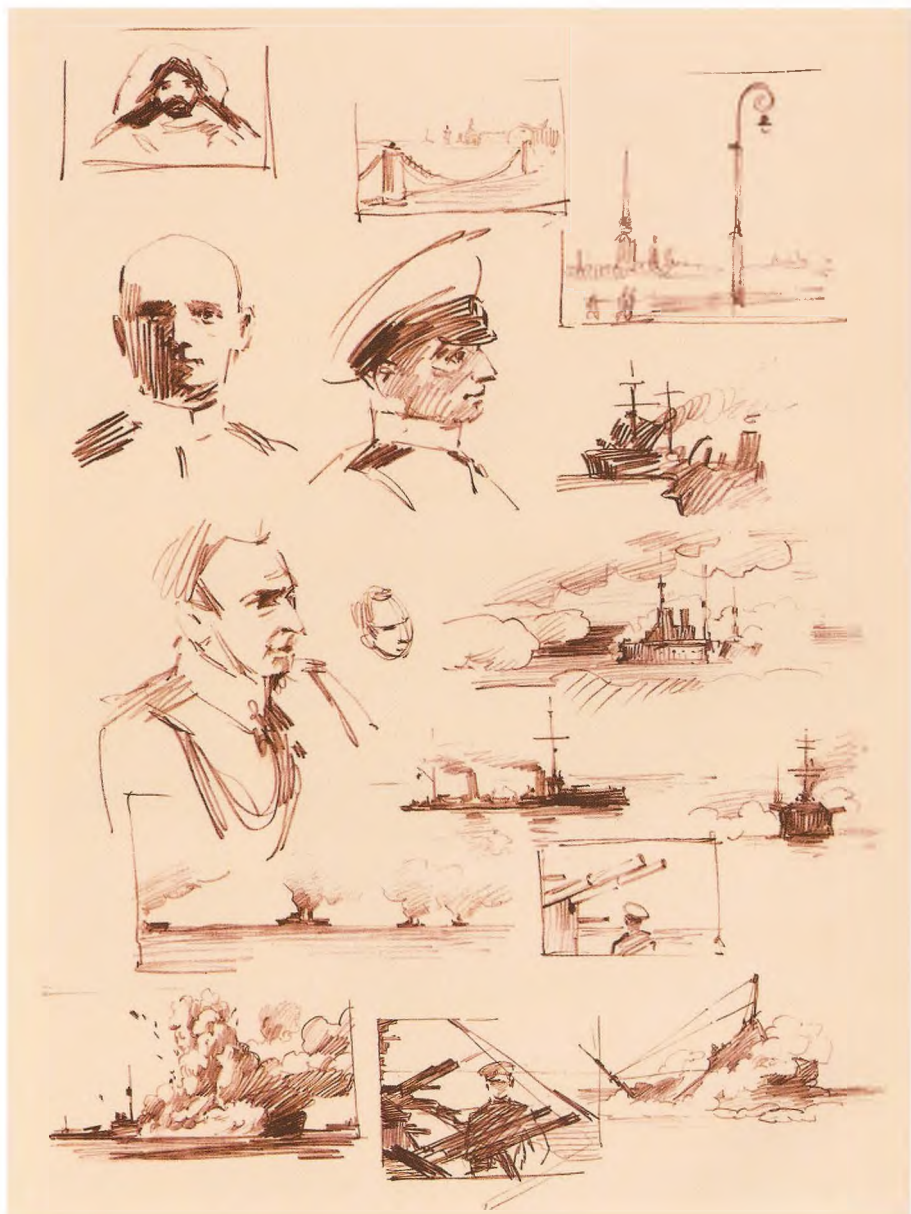
Колчак – последний хозяин Сибири. Холст, масло, 80 × 180 см. 2000 г.
Художник В. Владимирова



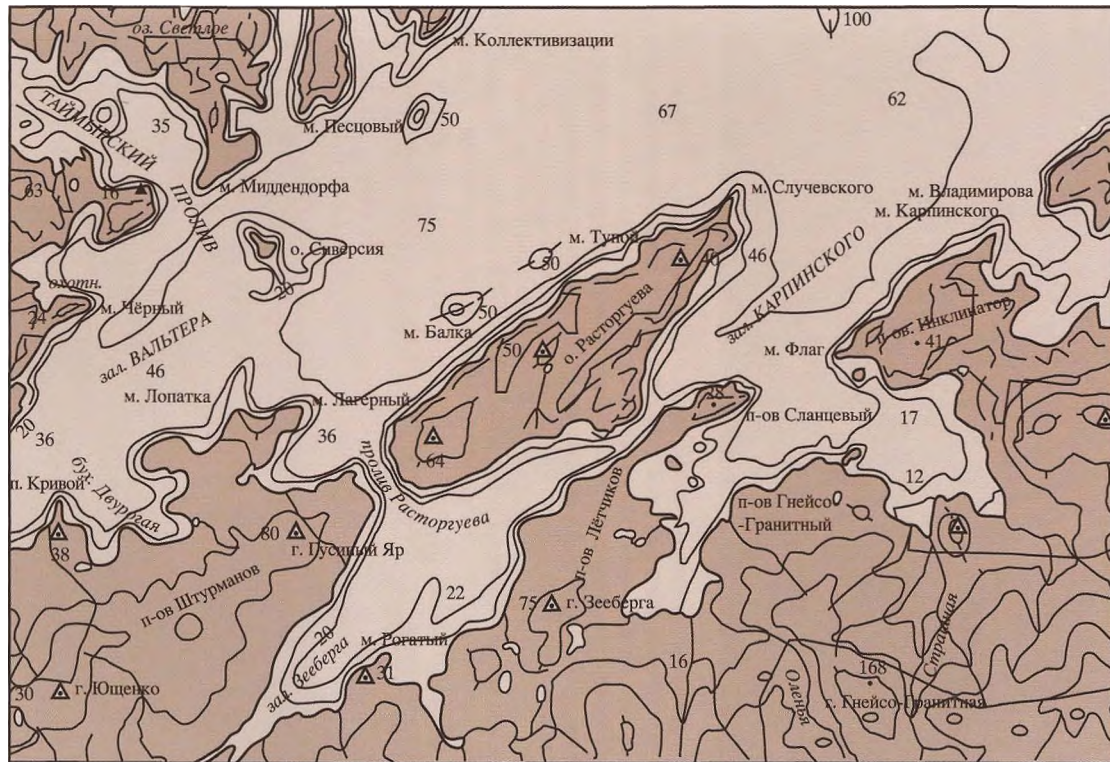
Светлой памяти известного географа Э.В. Толля.
Бумага, сангина, 42 × 62 см. 2002 г. Художник В. Владимирова



А.В. Колчак – Верховный правитель России. Бумага, сангина, 42 x 62 см. 2002 г.
Художник В. Владимирова



Зарисовки к графическим работам. Бумага, карандаш. 2002 г.
Художник В. Владимирова



Акватория Карского моря. Карта с о-вом Расторгуева. На основании представления Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа о-в Расторгуева, расположенный в Таймырском заливе Карского моря, в целях возвращения этому географическому объекту первоначального наименования переименован в остров Колчак. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2005 г. № 433, г. Москва. «Российская газета» от 20 июля 2005 г. № 156(38231)



В 120 км от с. Чокурдах стоит церковь. Такие церковноподобные сооружения создавались из плавника. Построенные в стародавние времена, возможно 200–300 лет назад, они давали приют случайным путникам, оказавшимся по воле судьбы в безмолвной сибирской Арктике. Вьюга и лютая стужа не останавливали первопроходцев. Они шли к Северному полюсу, порой расплачиваясь своими жизнями. Такой заманчивой и несказанно притягательной была эта «точка» на Земном шаре. Недалеко от этих мест могучие льды раздавили хрупкую «Жаннетту». На мемориальной доске – фамилии исследователей Арктики. *Фото В. Босикова*



Гостиница Троицкая в Архангельске, где останавливался А.В. Колчак проездом в Мезень в январе 1903 г. Здание не сохранилось, снесено в 1970-е годы. *Открытка любезно предоставлена Ю.А. Барашковым, проф. Архангельского гос. технического университета*

Свадебный марафон

Софья Федоровна Омирова (Колчак) родилась в 1876 г. Была воспитанницей Смольного института. Знала семь языков; французским, немецким и английским владела превосходно.

На пять долгих лет, наполненных ожиданием, тревогой, разлукой, надеждами растянулся путь к свадебной церемонии Сони Омировой и Александра Колчака. А пока Софья Федоровна ждала своего жениха из полярных экспедиций, на географических картах России появлялись новые земли и острова, носящие имя Софии.

На острове Беннетта есть мыс Софии, названный в честь Софьи Федоровны Колчак ее женихом в дни посещения острова Спасательной экспедицией. В Карском море в архипелаге Норденшельда в группе островов Литке на 95 гр. 45 в.д., 76 гр. 50 с.ш. расположен небольшой остров, носящий имя Софии. Название острову дано в 1906 году, когда весь Петербург чествовал Колчака. Императорское русское географическое общество подарило жене Героя маленький, затерявшийся в Карском море островок, открытый Русской полярной экспедицией, а именно самим Колчаком, в 1903 году.

Начало декабря 1902 года. А.В. Колчак вернулся в Петербург из первого полярного плавания, где его ждали не только родители, но и невеста – Софья Федоровна Омирова или просто Соня. Почти трехлетняя разлука, когда Колчак находился в походе, сделала их отношения еще теплее. Очевидно, Соня была для А.В. Колчака не только верной невестой, но и хорошим другом, советчицей, с ней он обсуждал самые важные события, случавшиеся в его жизни.

Тогда, на исходе 1902 года, по возвращении из полярной экспедиции, А.В. Колчак очень тревожился из-за отсутствия известий от барона Толля, отправившегося с небольшой партией на острова. Он открылся невесте, что окончательно решил принять участие или даже готов руководить экспедицией, которая должна быть послана для оказания помощи пропавшим товарищам.

Софья Федоровна поняла, что их свадьба опять откладывается и, скорее всего, на неопределенное время, но вынуждена была смириться с планами Александра. Долг, честь и достоинство молодого офицера не только для Александра, но и для Сони были превыше всего. Соня, конечно же, одобрила предполагаемое участие Александра в спасательной экспедиции и обещала, сдерживая слезы, ждать его до завершения всех полярных дел. Колчак был счастлив, что у него с невестой полное взаимопонимание, именно такой он и представлял себе свою будущую жену – жену морского офицера.

Свадьба Александра Васильевича и Софьи Федоровны все же состоялась. Почти через полтора месяца, после завершения Спасательной экспедиции. Правда, произошла она на фоне новой беды, вернее, нового дела для молодого морского офицера и настоящего патриота – наступил 1904 год, началась русско-японская война.

Показания Колчака на допросе в январе 1920 г.: *«Когда я в Якутске (будучи еще в экспедиции) получил известие о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре, я обратился в Морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в тихоокеанскую эскадру для участия в войне.... Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову...»* [1, с. 251].

Таким образом, становится понятно, что до Санкт-Петербурга А.В. Колчак так и не доехал. Скорее всего, телеграммой, он сообщил своему отцу и невесте, что намерен отбыть в Порт-Артур, и, следовательно, все свадебные дела или опять должны быть отложены на неопределенное время, или их надо решать на сибирской земле. Очевидно, на семейном совете был принят «сибирский вариант». Софья Федоровна и 67-летний генерал-майор Василий Иванович Колчак выехали для встречи с Александром в Иркутск.

Сын Колчака Ростислав приводит другую версию приезда Софьи Федоровны к своему жениху: *«Она решила к нему поехать, и одна, девушкой 26 лет, проехала с Капри в Усть-Янск на Ледовитом океане. Для того времени это было довольно удивительно. Возвращаясь на собаках и на оленях из Верхоянска, Якутска и Иркутска вместе со своим женихом...»* [2, с. 198].

Из показаний А.В. Колчака: *«...В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел (в полярную экспедицию) женихом – должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала; затем наступила война... Здесь, в Иркутске, я обвенчался, после чего, пробывши несколько дней, я уехал вместе со своим другом Бегичевым, сказавшим, что он пойдет со мною (на войну) дальше...»*.

Медовый месяц для молодой семьи, таким образом, длился «одно мгновенье», возможно сутки или чуть больше...

Софья Федоровна Колчак

В Госархиве по Иркутской губернии в фонде духовной кон- истории Градо-Иркутской Михайло-Архангельской (Жарлампиевской) церкви сохранилась запись о бракосочетании 5/18 марта 1904 г. А.В. Колчака с Софьей Омировой. В ней указывается:

Звание, имя, фамилия, отчество ...жениха

– *Лейтенант флота Александр Васильевич Колчак, православный, первым браком, 29 лет.*

Звание, имя, отчество, фамилия ... невесты

– *Дочь действительного статского советника, потомственная дворянка Подольской губернии Софья Федоровна Омирова, православная, первым браком, 27 лет.*

Кто совершил таинство

– *Протоиерей Измаил Ионов Соколов с диаконом Василием Петелиным.*

[см.: 4, с. 29].

Следует заметить, что материальное положение генерал-майора Василия Ивановича Колчака, по-видимому, было достаточно скромным. Пенсия позволяла ему жить со средним достатком, и лишних денег никогда в доме не было.

А.В. Колчак, ровно как и его близкие, прекрасно понимал, что отправляется не просто в новое плавание в Арктику, а на войну... А всякая война приносит не только славу победы или горечь поражения, но и самое страшное, что может случиться на войне, – смерть. И к этому надо быть готовым всем: от матроса до адмирала. У каждого своя судьба, которая вручает любому огромную чашу с бесконечным количеством загадочных, как счастливых, так и трагичных, фантов. Предстоит вытащить Колчаку всего один, но какой – об этом знает только Всевышний...

Он вернулся с войны героем, награжденным орденом Св. Анны, Св. Станислава и Георгиевским оружием – золотой саблей с надписью на эфесе «За храбрость». Как же иначе!

Софья Федоровна родила ему троих детей: две девочки умерли во младенчестве, а сын Ростислав (1910–1965) подрастал, радовал Софью Федоровну и Александра Васильевича.

Совместную жизнь Софьи Федоровны и Александра Васильевича вряд ли можно назвать безоблачной и благополучной. Муж постоянно находился на кораблях, уходил в плавание, виделись урывками, обо всех новостях извещали друг друга чаще письма-

ми [5]. Жили в казенных квартирах, сначала в Гатчине, затем в Либаве, ныне Лиепая (Латвия).

Сохранились письма, свидетельствующие, что Софья Федоровна вынуждена была чрезвычайно экономно вести домашнее хозяйство, кое-что из одежды даже перешивала и очень сетовала на то, что не имела возможности, как она пишет в письме, помогать родственникам:

«Дорогой Сашенька!

Живу в квартире Богдановских, которые уехали на дачу. Твои вещи я отвезла на квартиру Тихона Александровича, они лежат в трех пакетах и картонке (котелок) на шкафу в его передней. Портупеи я отнесла в гвардейское общество, где тебе их выдадут за 4 руб., когда ты назовешь свою фамилию. Я тебе писала, что Богдановские предложили нанять мне у них на собственной их даче две комнаты, не знаю, как ты отнесешься и желательна ли тебе, чтобы мы жили поближе к Петербургу?

Разбирая вещи, я осмотрела твое штатское платье: оно в порядке, кроме смокинга, попорченного молюю. Так, лежит смокинг, жилет и брюки, потом сюртук и полосатые брюки и коричневый светлый костюм, а также шкиперская фуражка. Быть может, что-либо из этих вещей ты мог бы пожертвовать бедному Горе, которого надо одеть, т.к. он кончает реальное училище, и тетя Деля в отчаянии, что мальчику не во что одеться. Митя обещал ей 50 руб., но что сделаем на эти деньги, когда нужно и белье, и платье, и пальто? Сколько прекрасных вещей за бесценок отдали по твоему желанию татарину. Конечно, если тебе эти вещи самому нужны, а то я берегла твои старые штатские пальто, думая, что они могут племянникам пригодиться, и теперь мне ужасно жалко, что зря выбросили вещи. Да и брат мой одет ниже всякой критики, конечно, ты в этом непричем, но отчего не помочь, если есть возможность? Деньгами мы помочь не можем, т.к. у самих нет, ну а старые вещи лучше отдать, чем из них извлекать гроши.

Твоя любящая Соня» [6, с. 61–62].

В начале войны (2 августа 1914 г.), после обстрела Либавы немцами Софья Федоровна бежала на юг, бросив все, кроме нескольких чемоданов; казенная квартира Колчака была затем полностью разграблена.

В бурном 1917 году на одном из матросских митингов командующему были предъявлены обвинения в личном обогащении. *«В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое матери-*

альное положение определяется следующим. С самого начала войны, с 1914 года, кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Либавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей... Если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь имущество или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я могу их охотно передать, потому что их не существует в природе» [1].

Надо отметить, что адмирал был популярен и любим на Черноморском флоте, многие матросы относились к нему не только с большой симпатией, но даже с любовью и восхищением. Достаточно сказать, что в революционном 1917 году, когда Колчак покинул Севастополь, его жена и сын скрывались в матросских семьях под чужой фамилией [8, 9].

В апреле 1919 г. Софья Федоровна Колчак отплыла из Новороссийска в Константинополь на английском военном корабле. Затем, соединившись с сыном, переехала во Францию, где прожила оставшуюся часть жизни.

Оказавшись в парижской эмиграции, она первое время была достаточно обеспечена и позволяла себе устраивать даже представительские приемы, гордясь тем, что муж поднялся в России на «Эверест государственной власти».

Александр Васильевич узнал о нахождении семьи в Париже далеко не сразу. Посол Франции при его правительстве сообщил ему эту новость, и адмирал стал переписываться и высылать Софье Федоровне скромные средства на жизнь. Он писал ей тогда с явным раздражением.

«Мне странно читать в Твоих письмах, что Ты спрашиваешь меня о представительстве, – писал он 15 октября 1919 г., – и каком-то своем, как жены Верховного Правителя. Я прошу Тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои задачи... Я не являюсь ни с какой стороны ни представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера...

Относительно денег я писал, что не могу высылать более 5000 фр. в месяц...

Из моего письма Ты усмотришь, что никакой роли в смысле представительства и приемов не только не требуется исполнять, но, по моему мнению, она недопустима и может поставить тебя в очень неприятное положение...» [7, с. 152].

После расстрела мужа ее финансовое положение значительно ухудшилось. Софье Федоровне пришлось даже продать главную

фамильную ценность – Большую Константиновскую золотую медаль, которую Колчак получил из рук выдающегося географа П.П. Семенова-Тян-Шанского за свой географический подвиг.

Ей удалось, несмотря на все трудности, постоянно закладывать серебро в ломбард, перешивая старые вещи и занимаясь огородом, дать образование сыну Ростиславу.

Умерла Софья Федоровна в госпитале Лонжюмо под Парижем в 1956 г. [8, с. 118]. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Анна Васильевна Тимирева

А.В. Тимирева, урожденная Сафонова, родилась 18 июля 1893 г. В 1906 семья переехала в Петербург, где Анна Васильевна окончила гимназию кн. Оболенской (1911) и занималась рисунком и живописью в частной студии С.М. Зейденберга.

В восемнадцать лет вышла замуж за своего троюродного брата С.Н. Тимирева (1875–1932) – балтийского офицера, героя русско-японской войны. В 1914 г. произошло ее знакомство с А.В. Колчаком, в 1918 г. она рассталась с мужем.

В последние два года жизни А. Колчака эта хрупкая и одновременно мужественная женщина все время была рядом с ним. Совместную жизнь с адмиралом и Верховным правителем России не афишировала, но позднее в следственных заявлениях и документах писала, что была гражданской женой Колчака, и требовала выдачи ей его тела для захоронения по православному обычаю [11].

После расстрела Колчака Анна Васильевна провела в тюрьмах, лагерях и ссылках в общей сложности около 30 лет – такова была цена ее краткой и яркой любви.

Еще при жизни А.В. Колчака, в январе 1920 г., она самоарестовывалась (А.В. Тимирева настояла на том, чтобы ее арестовали вместе с А.В. Колчаком, первоначально ей отказывали в этом) вместе с ним, освобождена была в том же году по октябрьской амнистии и в мае 1921 г. вторично арестована. Находилась в тюрьмах Иркутска и Ново-Николаевска, освобождена летом 1922 г. в Москве из Бутырской тюрьмы. В 1925 г. арестована и административно выслана из Москвы на 3 года, жила в Тарусе.

В четвертый раз взята в апреле 1935 г., в мае получила по ст. 58¹⁰ пять лет лагерей, которые через 3 месяца при пересмотре дела изменены ограничением проживания («минус 15») на 3 года. Возвращена из Забайкальского лагеря, где начала отбывать срок, жила в Вышнем Волочке, Верее, Малоярославце. 25 марта

1938 г., за несколько дней до окончания срока «минуса», арестована в Малоярославце и в апреле 1939 г. осуждена по прежней статье на 8 лет лагерей. «В Карагандинских лагерях была сначала на общих работах, потом – художницей клуба Бурминского отделения. После освобождения жила за 100-м километром от Москвы (ст. Завидово Окт. ж.д.). 21 декабря 1949 г. арестована в Щербакове как повторница без предъявления нового обвинения. 10 месяцев провела в тюрьме Ярославля и в октябре 1950 г. отправлена этапом в Енисейск до особого распоряжения; ссылка снята в 1954 г. Затем в «минусе» до 1960 г. (Рыбинск). В промежутках между арестами работала библиотекарем, архивариусом, дошкольным воспитателем, чертежником, ретушером, картографом (Москва), членом артели вышивальщиц (Таруса), инструктором по росписи игрушек (Завидово), маляром (в енисейской ссылке), бутафором и художником в театре (Рыбинск); подолгу оставалась безработной или перебивалась случайными заработками. Реабилитирована в марте 1960 г., с сентября того же года на пенсии» [8, с. 9].

Судьба Анны Васильевны напоминает жизнь человека, оказавшегося за бортом в бушующем океане не по своей воле, но высочайшей закалки нравственные силы помогали ей выживать и сохранять самообладание. Через всю свою трагическую судьбу Анна Васильевна пронесла неугасаемое чувство любви к Александру Васильевичу. Немыслимые тяготы последующей жизни не смогли расплескать, уничтожить и вытравить из ее сердца великое чувство.

* * *

Анна Васильевна Тимирева оставила нам, потомкам, наследие. Мемуары о своей жизни и стихи, большая часть которых посвящена Александру Васильевичу Колчаку [10, 11].

Спустя полвека после гибели А.В. Колчака, Анна Васильевна часто вспоминала строчки, написанные величайшим поэтом XX века Петром Леонидовичем Пастернаком. Они чутко и глубоко проникали в ее душевный мир, наполненный как древнегреческая амфора до краев тревогой и смутными надеждами, напоминающими тончайшие кружева из ее воспоминаний, спасая израненное сердце от острой боли и страданий.

Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги,
За дверью ты стоишь...

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему...

Литература

1. Допрос Колчака / Центр. арх. Л.: Госиздат, 1925. Здесь цит. по сб.: Арестант пятой камеры. М.: Политиздат, 1990. С. 233–479.
2. Колчак Р.А. Адмирал Колчак: Его род и семья (из семейной хроники) // Воен.-ист. вестн. Париж, 1959. № 13, 14; 1960. № 16. Здесь цит. по приложению к кн.: Максимов В.Е. Избранное. М.: Изд. центр «ТЕРРА», 1994. С. 177–198.
3. Бегичев Н.А. [Воспоминания] // ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–113.
4. Цит. по: Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1998. 320 с.
5. Черкашин Н. Вдова Верховного правителя России // Родина. 1999. № 11. С. 68–69.
6. Черкашин Н. Вдова Верховного правителя России // Родина. 1999. № 3. С. 60–64.
7. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: ЗАО Изд-во Центр-полиграф, 2002. 702 с.
8. Милая, обожаемая моя Анна Васильевна // Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. М.: «Прогресс» – «Традиция» – «Русский путь», 1996. 570 с.
9. Колчак В.И., Колчак А.В. Избранные труды / Под ред. В.Д. Доценко. СПб.: Судостроение, 2001. 384 с.
10. Милая Химера в адмиральской форме: Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку (18 июля 1916 – 17–18 мая 1917 г.) / Издание подгот. А.В. Смолин и Л.И. Спиридонова. СПб., 2002. 240 с.
11. Книпер А.В. Фрагменты воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. Т. 1. М.: Прогресс: Феникс, 1990. С. 99–190.
12. Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М.: Наука, 2000. 325 с.
13. Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак от исследователя Арктики до Верховного правителя России. 2-е изд., перераб. М.: ЗАО «КноРус», ООО «Корвет», 2004. 528 с.

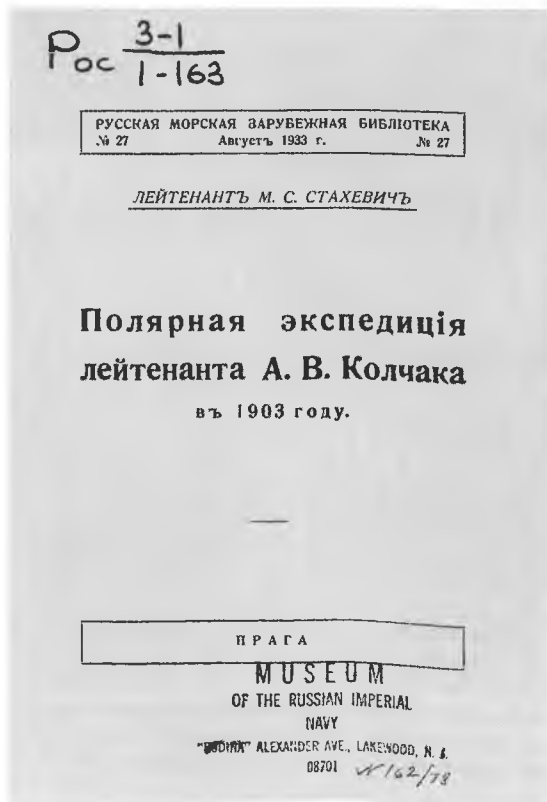
Приложение 12

Вновь открытые публикации о А.В. Колчаке

Книги, статьи и брошюры, посвященные научной и политической деятельности Александра Васильевича Колчака, представлены в материалах, охватывающих отечественные и зарубежные издания, большая часть которых выпускалась под грифом «Секретно» или «Для служебного пользования» за период с 1909 по 1991 г.

Всех, кто пытался узнать правду, выуживая ее хотя бы из ложной информации, переполняющей нашу прессу, подвергали явно и тайно преследованиям, вплоть до изгнания из страны. Сейчас, как нам кажется, наступили другие времена.

Благодаря величайшим революционным изменениям в 1990-е годы в социально-политической жизни страны стали доступны уникальные материалы, хранившиеся многие десятилетия в сейфах и несгораемых шкафах.



„ЖИЗНЬ ДЛЯ ВСЕХ И СМЕРТЬ ЗА ВСЕХ“



Владимир Васильевич Князев. Монреаль. Канада. 1970–1971 гг.
«Жизнь для всех и смерть за всех». Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А.В. Колчака ротмистра В.В. Князева. Сохраненные русской эмиграцией свидетельства деятельности выдающегося соотечественника в России издаются впервые. Восстанавливают малоизвестные страницы истории России. «ТАЛ», «Стром Вятка». 1991 г.

Верх $\frac{0}{3}$



849

Владимиръ Хипарисовъ.



№ 11-805.
ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

АДМИРАЛЪ

А. В. КОЛЧАКЪ.



1919 г.
Издание Литературно-Художествен. Отд.
Освѣдомит. Канцелярии Штаба 3-й Армии.



355
149

~~355~~
~~81~~

801-84
6867-49

Не подлежит оглашению.

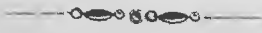
СПИСОКЪ
 ЛИЧНАГО СОСТАВА
 СУДОВЪ ФЛОТА,
 СТРОЕВЫХЪ И АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ
 УЧРЕЖДЕНІЙ
 МОРСКОГО ВЪДОМСТВА.



4-
1897915

Издание Статистическаго отдѣленія Главнаго Морскаго Штаба.

Исправлено по 11 Апрелья 1916 года.



ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Морскаго Министерства, вѣ. Главномъ Адмиралтействѣ.

1916.

2-й БАЛТИЙСКІЙ ФЛОТСКІЙ ЭКИПАЖЪ.

Кап. 1 ранга: Федоръ Вяткинъ.

Въ расп. Мор. Мин.

Кап. 2 ранга: Федоръ Босса 1.

К-шій порт. суд. *Работникъ.*

Евгеній Крилицій.

зв.

Сергѣй Посоховъ.

лв. Адъютантъ Е. И. В. Вла. Князя
Георгія Михайловича.

Камилло Бойсманъ 2.

Флигель-Адъютант. Пр. въ Гъ. эк.

Георгій Маэуровъ.

лр.

И. д. Пом. команд. эквп. по ход. ч

Дмитрій Михайлазъ 1.

лш.
лс
лв
лн

К-ръ яхты *Нева.*

Петръ Сонцовъ.

с.

К-ръ пос. суд. *Разъединенъ.*

Федоръ Матисенъ.

лш.

К-ръ тр. *Таймырь.*

2-й БАЛТИЙСКІЙ ФЛОТСКІЙ ЭКИПАЖЪ.

Кап. 2 ранга: Александръ Рыковъ.

с.
ин.
ар.

Берег. сост.

Сергій Бугаковъ 3.

ва
ар.

К-рь яты *Ильмень*.

Захарій Шипулинскій.

Александръ Колчакъ 2.

ин.
ва.

К-рь тр. *Вайгач*.

Петръ Азбеловъ.

ва.
ва.

Берег. сост. На Адм. судостр. зае.

Алексан. Афанасьевъ 1.

с.
с.

Берег. сост. Зае. мобил. дѣл. въ
СПБ. портѣ.

Владиміръ Васильевъ 3.

с.
ар.

Кап.-Лейт. Сергій Погуляевъ.

Морской Агентъ во Франціи.

Бар. Карлъ Шваннагъ 1.

ин.

237 358 89 134

РОСПИСАНІЕ

Адмираловъ, Генераловъ, Штабъ и оберъ-офицеровъ, Гражданскихъ и Медицинскихъ чиновъ строевого состава.

- 1) Строевой составъ — флотскіе экипаж. и отдѣльныя роты.
- 2) Зачисленные по Флоту.
- 3) Зачисленные по Корпусамъ.
- 4) Зачисленные въ списокъ берегового состава.
- 5) Откоманд. для службы въ посторонн. вѣдомства.
- 6) Состоящіе на Коммерческихъ судахъ (по обществамъ).
- 7) Окончившіе курсъ: на Учебно - Артиллерійскихъ судахъ, въ Офицерской Стрѣлковой Школѣ, въ Морской Учебно - Стрѣлковой Командѣ и бывшемъ Учебномъ Пѣхотномъ баталіонѣ, въ бывшемъ Военно - Морскомъ Гимнастическомъ Заведеніи, въ Мѣнномъ Классѣ на званіи миннаго офицера и миннаго механика, въ Водолазной Школѣ, въ Учебномъ Воздухоплават. Паркѣ, въ разныхъ Академіяхъ и бывшихъ Офицерскихъ Классахъ Морского Кадетскаго Корпуса, и флотскіе офицеры имѣющіе званія Штурм. офиц. I и II разр. и офиц. подводн. плавания.
- 8) Офицеры переменнаго состава учебныхъ командъ читающіе лекціи въ академіяхъ.

Четверское изданіе 1909 года.

ПЕТЕРБУРГЪ.

въ Главномъ Адмиралтействѣ.

41. **Веселкинъ Михайлъ Михайловичъ.** Въ *Свѣтъ ЕГО ИМПЕР. ВЕЛИЧ.* (6, XII, 15). 1 Балт. фл. эк. *К-ръ лин. кр. Бородино* (6, XII, 13). Почетн. гражд. г. Рени (16). Ар. (03). Род. (13, XI, 71). Пр., ж. Въ служ. (93). Мичм. (94). Кап. 1 р. за отлич. (13). Въ чинѣ со старш. на осн. Выс. пов. 23 Дек. 1913 г. (6, XII, 15). И. д. ст. адъют. Мор. канц. Гл. в-шаго сухоп. и мор. силъ дѣйств. противъ Ип. (05 и 06). Адъют. Мор. М-ра (06). Адъют. Е. И. В. Ген.-Адм. Алекс. Алекс. (07 и 08). К-ромъ: эск. мин. Инж.-мех. Дмитриевъ (09), эск. мин. Достойный (09 и 10). Загр. Амуръ (10—13). К-щимъ кр. Бородино (18). Ордена: Сер. **Ⓢ** (96), Зн. Имп. Алекс. Лиц. (93), Бр. **○** п. соб. Кат. 1900—1901 г. (02). Ст. 2 (05), А. 2 (05), Св.-бр. **○** п. Р.-Я. в. 1904—1905 г. (06). Вл. 4 (08). Зн. п. 200 л. Гв. эк. (10), Насл. нагр. зн. и св.-бр. **○** п. 800 л. царств. дома Романов. (13), Вл. 3 (6, XII, 14), **✕** къ Вл. 3 (24, XII, 14), Св.-бр. **○** п. 200 л. Ганг. поб. (15). Зв. почетн. гражд. г. Рени (16). Иностр.: *Сiam.* Короны 3 кл. (97). *Фран.* Кам. оф. Зн. (01). *Ип.* Св. Сокр. 4 (02). *Ит.* Св. Мавр. и Лазаря кав. кр. (03). *Фран.* Поч. Лег. оф. кр. (11). в. черн. **✕** ком. кр. со зв. (14). *Серб.* Бѣл. Ор. 3 и 2 ст. со **✕** и Кос. **○** (15).

42. **Колчакъ Александръ Васильевичъ.** 1 Балт. фл. эк. *Нач. минн. дивиз. Балт. фл.* (10, IV, 16). Шт. (99). Род. (4, XI, 74). Пр., ж. 1 сн. Въ служ. (91). Мичм. (94). Кап. 1 р. за отлич. (13). Въ чинѣ со старш. на основ. Выс. пов. 23 Дек. 1913 г. (10, IV, 16). К-шій мин. Сердчатый (04). И. д. шт. оф. высш. окл. Мор. Ген. Шт. (06 по 08), К-ръ тр. Вайгачъ (08—11). Шт. оф. высш. окл. Мор. Ген. шт. (11—12). К-ромъ эск. мин.: Уссуріецъ (12—13). Пограничникъ (13—14). К-щимъ подъ бр.-вымп. мин. дивиз. Балт. фл. (15—16). Ордена: Сер. **Ⓢ** (96). Вл. 4 (6, XII, 03), А. 4 «за храбр.» (11, X, 04), Зол. сабля «за храбр.» (12, XII, 05), Ст. 2 **✕** (12, XII, 05), Сер. **○** п. Р.-Я. в. 1904—1905 г. (06), **✕** и бант. къ Вл. 4 (19, III, 07), Зол. зн. п. оконч. кур. Мор. Корп. (10), А. 2 (6, XII, 10), Св.-бр. **○** п. 300 л. царств. дома Романов. (13), Подар. по чину (25, III, 12), Нагр. зн. для зашитн. крѣп. Портъ-Артуръ (14), Св.-бр. **○** п. 200 л. Ганг. поб. (15), Вл. 3 **✕** (9, II, 15), Подар. изъ кабин. ЕГО ИМПЕР. ВЕЛИЧ. (9, V, 15). Георг. 4 (2, XI, 15). Иностр. *Фран.* Поч. Лег. оф. кр. (14). *Англ.* Бани 3 (16). Зн. яз.-Фр. и Англ.

43. **Погудяевъ Сергѣй Сергѣевичъ.** Въ *Свѣтъ ЕГО ИМПЕР. ВЕЛИЧ.* (29, II, 16). Черн. фл. эк. *Нач. 1 бриг. лин. кор. Черн. моря* (29, II, 16). Род. (1, III, 73). Пр., ж. Въ служ. (91). Мичм. (94). Кап. 1 р. за отлич. (13). Въ чинѣ за отлич. со старш. на осн. Выс. пов. 23 Дек. 1913 г. (29, II, 16). Фл.-оф. при Упр. Мор. Мин. (02 по 05). Фл.-оф. при Мор. Мин. (05—06). Адъют. Мор. Мин-ра (02—06). Мор. аг. во Франціи (06 по 10). К-ромъ: эск. мин. Кап. Сакенъ (11—13). кр. Кагуль (13—16). Ордена: Сер. **Ⓢ** (96), Сер. **Ⓢ**

Январское издание.
Исправлено по 1 Января.

809

715

СПИСОКЪ

ЛИЦАМЪ

СОСТОЯЩИМЪ ВЪ МОРСКОМЪ ВЪДОМСТВѢ

АДМИРАЛАМЪ и ШТАБЪ-ОФИЦЕРАМЪ

СТРОВОГО и БЕРЕГОВОГО СОСТАВОВЪ ФЛОТА

ЧЛЕНАМЪ, ЗАЧИСЛЯЕМЫМЪ ПО ФЛОТУ.

ЧАСТЬ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ТЕПОГРАФИЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА
1910.



— 362 —

КАПИТАНЫ 2 РАНГА.

161			
КОЛЧАКЪ 2		Сер. мед. въ пом. Цар.	890
АЛЕКСАНД. ВАСИЛЕН.		Паш. Александра III	903
		Св. Влад. 4 ст. 6 Дек.	
Е-ръ гр. Вай-	Млв	Св. Анны 4 ст. съ зап.	
гайча	905 29	«за храбрость» 11 Окт.	904
		Зем. сабля съ зап. «за	
ш	599	храбрость» 12 Дек.	905
Ровняк	874	Св. Стан. 2 ст. съ зап.	
Въ службѣ	891	13 Дек.	905
Мичманомъ	594	Сер. медаль въ память	
		Русско-Японск. войны	
Въ числѣ	905 18	1904—1905 г.	906
		Апр. Мечи в бою въ орд.	
Православн.		Св. Влад. 4 ст. 19 Мар.	907
Менать.			
Б-ий мин-офиц.			
Сердечный 904			
П. б. шт. оф.			
реск. оск. Мор.			
Ген. Шт. съ 906			
по 908.			

— 363 —

КАПИТАНЫ 2 РАНГА.

152			
ПРОХОРОВЪ 1		Сер. мед. въ пом. Цар.	396
КОНСТАНТ. ВЯКТОР.		Вил. Александра III	
		Бронз. мед. въ пом.	
Е-ръ оск. мин.	Сент.	воен. соб. въ Нитзѣ въ	
Расторопкинъ	905 23	1900—1901 г.	902
		Св. Анны 8 ст. 6 Дек.	
ш	905	въ пом. Русско-Японск.	906
ш	903	войны 1904—1905 г.	
Родился	873	Св. Стан. 2 ст. съ зап.	906
Въ службѣ	891	18 Июня	907
Мичманомъ	894		
Въ числѣ	908 18	Иностранный:	
		Тулус. Николае-Иф-	
Православн.		тварь оф. кр.	904
Менать.			
2 дѣтей.			
И. д. ст. оф.			
гр. I р. Лерора			
съ 905 по 907			
Е-ромъ оск. мин.			
Длительный 907			
и 908.			

Литература

1. *Синюков В.В.* Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. – М.: Наука, 2000. – 325 с., ил. (Научно-биографическая литература).
2. Цит. по: *Бутиков Г.П.* 180 лет со дня рождения Императора Александра II // Музеи России: Науч.-попул. иллюстр. журн. – СПб., 1998. Вып. 6. С. 3–11.
3. *Колчак Р.А.* Адмирал Колчак: Его род и семья (из семейной хроники) // Воен.-ист. вестн. – Париж, 1959. № 13, 14; 1960. № 16. Здесь цит. по приложению к кн.: *Максимов В.Е.* Избранное. – М.: Изд. центр «ТЕРРА», 1994. С. 177–198.
4. *Максимов В.Е.* Избранное. – М.: «ТЕРРА», 1994. – 734 с.
5. *Колчак В.И.* На Малаховом кургане // Мор. сб. 1899. № 9/11. С. 1–63. Отд. отд.
6. *Колчак В.И.* // Воен. энциклопедия. Т. 13. – СПб., 1913. – С. 48.
7. *Дуров В.А.* Ордена России. – М.: Воскресенье, 1993. – 160 с.
8. Цит. по: *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 320 с.
9. Допрос Колчака / Центр. арх. – Л.: Госиздат, 1925. Здесь цит. по сб.: Арестант пятой камеры. – М.: Политиздат, 1990. С. 233–479.
10. *Колчак В.И.* О сталелитейном производстве // Мор. сб. 1864. № 5. С. 1–26. Отд. отд.
11. *Колчак В.И.* Пудлинговая сталь и ее применение в сталелитейном государстве. – СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1898. 80 с.
12. *Колчак В.И.* История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. – СПб., 1903.
13. *Колчак В.И.* Война и плен 1853–1855 гг.: Из воспоминаний о давно пережитом. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904. – 178 с.
14. *Смирнов М.И.* Адмирал Колчак. – Париж: Изд. Воен.-мор. союза, 1930. – 60 с.
15. *Ауслендер С.* Адмирал Колчак // Сиб. стрелки: Газета: Изд. штаба 1-го Ср.-Сиб. арм. корпуса, Б.г. – С. 1–7.
16. *Дроков С.В.* Александр Васильевич Колчак: Исторические портреты // Вопр. истории. 1991. № 1. – С. 50–67.
17. *Синюков В.В.* Монография А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей»: К 90-летию постановления Императорской Академии наук о публикации // Океанология. 1996. Т. 36, № 1. – С. 138–143.
18. *Синюков В.В.* Полярные исследования Александра Колчака в 1900–1903 гг. // География: Ежегод. прил. к газ. «Первое сентября» 1996. № 20. Май. – С. 14–15.
19. *Дроков С.В.* Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998. –

- 20 с. См. его же: Дисс. ... канд. ист. наук / Ин-т рос. истории РАН. – М., 1998. – 275, 58 с. (приложение).
20. Крылов А.Н. Мои воспоминания. – Л.: Судостроение, 1979. – 479 с.
21. Мичман Колчак [Колчак А.В.]. Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Юрикс» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г. // Зап. по гидрографии. Вып. XX. – СПб., 1899. – С. 95–113.
22. дю Шатне М. Доклад на борту НИС «Академик Борис Петров», 27 янв. 1998. – 5 с. Спец. сообщ. чл.-кор. РАН Г.Б. Удинцева заслушано на заседании Президиума РАН. Протокол № 240 от 23 июня 1998 г.
23. Синюков В.В. Забытый морской министр // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 3. – С. 285–288.
24. Синюков В.В. Письмо в посольство Франции в Москве в связи с 250-летием маркиза де Траверсе (1754–1831) от 28 авг. 2002 г. // Личный архив автора.
25. Синюков В.В. Развитие морских гидрохимических исследований: Черное, Азовское и арктические моря. – М.: Наука, 1993. 225 с. См. раздел: Русская полярная экспедиция Э.В. Толля. Золотая медаль – А.В. Колчаку за исследования в Арктике. – С. 54–56.
26. Синюков В.В. Структура одноатомных жидкостей, воды и водных растворов электролитов. – М.: Наука, 1976. 256 с.
27. Соколов А.П. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова 1765–1766 годов // Зап. по гидрографии. 1847. Ч. V. – С. 240–251.
28. Толль Э.В. Очерк геологии Новосибирских островов и важнейшие задачи исследования полярных стран // Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII. 1899. Т. IX. № 1. – С. I–IV, 1–20.
29. Геденштром М.М. // Русский биографический словарь. – М.: Тип. Г. Лиссенра и Д. Собко, 1914. – С. 304–306.
30. Макаров С.О. Океанографические работы. – М.: Географгиз, 1952. – С. 95–252.
31. Цывинский Г.Ф. 50 лет в Императорском флоте. – Рига: Ориент, Б.г. – 375 с.
32. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / Пер. с нем. Н.М. Губского. – СПб., 1910. 232 с. Здесь цит. по репр.: М.: Сов. писатель, 1990. – 232 с.
33. Богданов К.А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. – СПб.: Судостроение, 1993. – 300 с.
34. Менделеев Д.И. Научный архив: Освоение Крайнего Севера. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1969. – С. 71–115.
35. Добротин Р.Б., Карпило Н.Г., Керова Л.С., Трифонов Д.Н. Летопись жизни и деятельности Д.И. Менделеева. – Л.: Наука, 1984. – 540 с.
36. Менделеев Д.И. К познанию России. – 3-е изд., вновь испр. и доп. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. – 160 с. + карта России.
37. Макаров С.О. «Ермак» во льдах: Описание постройки и плавание ледокола «Ермак» и свод научных материалов, собранных в плавании: В 2 ч. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1901. – 507 с.
38. Врангель Ф.Ф. Русская полярная экспедиция // Зап. по гидрографии. Вып. XXII. – СПб., 1900. – С. 95–122.
39. Без авт. (Статья) // Нива. 1899. № 51. – С. 998–999.
40. Без авт. (Статья) // Там же. № 42. – С. 816.
41. Без авт. (Статья) // Там же. № 47. – С. 914.
42. Виттенбург П.В. Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 247 с.

43. *Синюков В.В.* Д.И. Менделеев и его программа исследования Северного Ледовитого океана // XVI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии: История и достижения отечественной химии: Тез. докл. Т. 1. – М.: ВИНТИ, 1998. – С. 441–442.
44. *Синюков В.В.* Полярная одиссея Александра Колчака // Наука и жизнь. 1995. № 11. – С. 44–55.
45. *Крылов А.Н.* Воспоминания и очерки. Избрание в действительные члены Академии наук. Назначение директором Главной физической обсерватории. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 245–253.
46. *Синюков В.В.* Вода известная и неизвестная. – М.: Знание, 1987. – 176 с.
47. *Siniukow W.* Woda – substancja zagadkowa. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1994. – 204 s.
48. *Нансен Ф.* Выступление в Имп. Русском географическом обществе // Изв. Имп. РГО. 1898. Т. 34. Вып. 4. – С. 780–794.
49. Торжественное собрание Имп. РГО 15 апреля 1898 г. / Выступление П.П. Семенова // Изв. Имп. РГО. 1898. Т. 34. Вып. 4. – С. 777–779.
50. *Толль Э.В.* Проект экспедиции на Санникову Землю // Изв. Имп. РГО. 1898. Т. 34. Вып. 3. – С. 382–386.
51. *Шпаковский Ю.* Русская полярная экспедиция // Нива. 1900. № 21. – С. 414–418.
52. *Дроков С.В.* Полярный исследователь Александр Колчак // Северные просторы. 1989. № 6. – С. 32–35.
53. *Синюков В.В.* Сквозь льды за призраком Земли Санникова: Жертвоприношение Арктике // Терра Инкогнита. 1998. № 6. – С. 34–39.
54. *Коломейцев Н.Н.* Русская полярная экспедиция под начальством барона Толля // Изв. Имп. РГО. 1902. Т. 38. Вып. 3. – С. 342–369.
55. *Толль Э.В.* Плавание на яхте «Заря». – М.: Географгиз, 1959. – 340 с.
56. *Коломейцев Н.Н.* Приложение 5. Отчет о плавании яхты «Заря» с июня по сентябрь 1900 г. // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV. № 4. – С. 370–385.
57. *Толль Э.В.* I. Донесение начальника экспедиции барона Э.В. Толля Президенту Имп. АН Великому князю Константину Константиновичу // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XVI. № 5; Т. XV. № 4. – С. 335–352.
58. *Колчак А.В.* Отчет о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 г. Прил. 3 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV. № 4. – С. 361–364.
59. *Синюков В.В.* Гидрохимическая оценка загрязнения шельфа арктических морей и устьевых областей сибирских рек // Тез. докл. Междунар. конф. «История отечественной океанографии: к 300-летию Российского флота». – Калининград: Музей Мирового океана, 1996. – С. 97–98.
60. *Алексин О.А.* Основы гидрохимии. – Л.: Гидрометеиздат, 1970. – 444 с.
61. *Толль Э.В.* III. Донесение начальника экспедиции барона Э.В. Толля Президенту Имп. Академии наук Великому князю Константину Константиновичу за период времени с января по октябрь 1901 г. // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI. № 5. – С. 195–206.
62. *Колчак А.В.* Отчет по съемочным работам на месте первой зимовки. Прил. 5 // Изв. имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI. № 5. – С. 224–225.
63. *Громов К., Боголепов С.* Примечания к ст. А.В. Книпер «Фрагменты воспоминаний» // Минувшее: Ист. альманах. 1990. Т. 1. – М.: Прогресс; Феникс, 1990. – С. 152–190.
64. *Колчак А.В.* Отчет по гидрологическим работам, произведенным в течение первой зимовки и навигации 1901 г. Прил. 4 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. – С. 221–223.

65. Колчак А.В. Лед Карского и Сибирского морей // Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII. 1909. Т. 26, № 1. – С. I–V, 1–169, 11 табл., 60 рис., 24 фот.
66. Без авт. Театр на яхте «Заря». Прил. 8 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 4. – С. 391.
67. Болотников Н.Я. Никифор Бегичев. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – 232 с.
68. Бялыницкий-Бируля А.А. Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII. 1907. Т. XVIII, № 2. – С. I–XXXVI, 1–157, 8 табл., 23 фот.
69. Бялыницкий-Бируля А.А. V. Отчет о пребывании и научных работах на острове Новая Сибирь летом 1902 г. // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1903. Т. XVIII, № 3. – С. 91–94, 12 фот., 1 карта.
70. Визе В.Ю. Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936 (Полярная библиотека). – 446 с.
71. Толль Э.В. Позднейшие телеграммы начальника экспедиции на имя Августейшего президента Имп. Академии наук, Председателя комиссии для снаряжения экспедиции и др. лицам // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. – С. 248–251.
72. Воллосович К.А. Отчет начальнику Русской полярной экспедиции о личном составе вспомогательной санной партии и о ее работах по устройству спасательных депо. Прил. 10 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. – С. 244–247.
73. Синюков В.В. Океанологические исследования Александра Колчака в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. и его репрессированная книга «Лед Карского и Сибирского морей» // Тез. докл. Междунар. конф. «История отечественной океанографии: К 300-летию Российского флота». – Калининград: Музей Мирового океана, 1996. – С. 20–21.
74. Синюков В.В. Арктические экспедиции Эдуарда Толля и Александра Колчака: Шхуна «Заря» – первое научно-исследовательское судно России // География: Ежегод. прил. к газ. «Первое сентября», 1997. № 7. Февр. – С. 1, 4, 13 и 16.
75. Толль Э.В. Телеграмма Председателю комиссии для снаряжения РПЭ академику Шмидту // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. – С. 249.
76. Толль Э.В. Телеграммы Великому князю Константину Константиновичу // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. – С. 50–51.
77. Синюков В.В. Гидрохимические исследования Александра Колчака в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. и его репрессированная книга «Лед Карского и Сибирского морей» (1909) // XVI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии: История и достижения отечественной химии: Тез. докл. Т. 1. – М.: ВИНТИ, 1998. – С. 442–443.
78. Синюков В.В. Учение о растворах // Всеобщая история химии: История учения о химическом процессе. – М.: Наука, 1981. – С. 206–267.
79. Коломейцев Н.Н. II. Отчет лейтенанта Коломейцева о санных поездках и об устройстве угольного склада на острове Кузькин (Порт Диксон) // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 5. – С. 499–517.
80. Матисен Ф.А. IV. Отчет лейтенанта Ф.А. Матисена о плавании яхты «Заря» в навигацию 1902 года и о возвращении экипажа ее в Якутск // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1903. Т. XVIII, № 3. – С. 65–88.
81. Чайковский Ю.В. Гранит во льдах // Вокруг света. 1991. № 1. – С. 35–39; № 2. – С. 37–42.
82. Геденитром М.М. Отрывки о Сибири. – СПб., 1830.

83. *Матисен Ф.А.* VI. Донесение командира яхты «Заря» лейтенанта Ф.А. Матисена Августейшему президенту Императорской Академии наук // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. XX, № 2. – С. 55–66.
84. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Мир Божий. 1904. № 1. – С. 73–104.
85. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Мир Божий. 1904. № 2. – С. 90–110.
86. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Мир Божий. 1904. № 3. – С. 124–146.
87. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Мир Божий. 1904. № 4. – С. 89–111.
88. *Колчак А.В.* Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Изв. Имп. РГО. 1906. Т. 42. Вып. 2/3. – С. 487–519. Издана отдельным оттиском: *Колчак А.В.* Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Императорской Академией наук для поисков барона Толля (с двумя таблицами цинкографией). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1906. – С. 487–519 (с автографом А.В. Колчака).
89. *Колчак А.В.* VII. Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. XX, № 5. – С. 149–157.
90. *Бруснев М.И.* IX. Отчет начальника экспедиции на Новосибирские острова для оказания помощи барону Толлю // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. XX, № 5. – С. 161–194.
91. *Болотников Н.Я.* Никифор Бегичев. – М.: Географгиз, 1954. – 264 с., 1 карта.
92. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речи: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. – СПб., 1896. – С. 536.
93. *Синюков В.В.* Забытый адмирал маркиз де Траверсе – морской министр России (1754–1831) // Личный архив автора.
94. *Толль Э.В.* VIII. Краткий отчет барона Э.В. Толля // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. XX, № 5. – С. 158–160.
95. *Чайковский Ю.В.* Почему погиб Эдуард Толль? // Вопр. истории естествознания и техники. 1991. № 1. – С. 3–14.
96. *Бегичев Н.А.* [Воспоминания] // ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–113.
97. *Дроков С.В.* Порт-Артурский дневник лейтенанта Колчака // Сов. арх. 1990. № 5. – С. 63–74.
98. *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Адмирал Александр Васильевич Колчак // *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Флотоводцы России. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 431–455.
99. *Шокальский Ю., Колчак А., Брейтфус Л., Толмачев И.* Материалы к вопросу об исследовании берегов Сибири (1907): Подготовлены к заседанию 6.10.1907 г. Гидрографической комиссии СЛО // Опубликовано в наст. книге.
100. *Колчак А.В.* Какой нужен России флот // Морской сб. 1908. Т. 346, № 6. – С. 31–47; 1908. Т. 347, № 7. – С. 1–25.
101. *Дроков С.В.* Возвращение Колчака // Комсомольская правда: Вечерний выпуск. 2003. № 171 (23116). 17 сент. – С. 1, 12–13.
102. Академик Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 884 с.
103. *Ханович И.Г.* Академик Алексей Николаевич Крылов. – Л.: Наука, 1967. – 251 с.

104. Шмидт Ф.Б. Решение Отделения Имп. АН о публикации работы А.В. Колчака «Лед арктических и сибирского морей» (первоначальный вариант названия монографии) // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1906. Т. XXIV, № 3. – С. XXVI–XXVIII.
105. Kolchak A. The Arctic pack and the polynya / Ed. W.L.G. Joerg. N.Y., 1928. P. 125–141. (Amer. Geogr. Soc. Spec. Publ. N 7).
106. Синюков В.В. Репрессированная книга: К 90-летию постановления Императорской Академии наук о публикации монографии А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей» // Вестн. РАН. 1996. Т. 66, № 4. – С. 352–357.
107. Синюков В.В. В.И. Вернадский и С.В. Бруевич – основоположники нового направления биогеохимии // Химия морей и океанов / Под ред. О.К. Бородавского и А.Г. Розанова. – М.: Наука, 1995. – С. 16–26.
108. Айбулатов Н.А. Экспансия человека в прибрежно-шельфовую зону // Вестн. РАН. 1994. № 4. – С. 340–348.
109. Синюков В.В. Современные проблемы загрязнения арктических морей нефтепродуктами и тяжелыми металлами // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция – 1997. Ч. 2. – М.: Янус-К, 1997. – С. 128–139.
110. Синюков В.В. Научные исследования Александра Колчака в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. и его репрессированная книга «Лед Карского и Сибирского морей» (1909) // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция – 1998. Ч. 1. – М.: ИИЕТ РАН, 1999. – С. 107–120.
111. Гуков А.Ю. Экосистема Сибирской полярной пустыни. – М.: Научный мир, 1999. – 334 с.
112. Лисицын А.П. Процессы океанской седиментации. – М.: Наука, 1978. – 390 с.
113. Лисицын А.П. Ледовая седиментация в Мировом океане. – М.: Наука, 1994. – 448 с.
114. Колчак А.В. (перевод). Таблица точек замерзания морской воды Мартина Кнудсена // Зап. по гидрографии. – СПб., 1907. Вып. XXVIII. – С. 25–29.
115. Гореславский А. Арктическая одиссея Колчака // Моск. комсомолец: Газета. 1998. № 42. 10 марта. – С. 6.
116. Милая, обожаемая моя Анна Васильевна // Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. – М.: «Прогресс» – «Традиция» – «Русский путь», 1996. – 570 с.
117. Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает / Под ред. Н.И. Смирнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1986. – 368 с., ил.
118. Колчак В.И., Колчак А.В. Избранные труды / Под ред. В.Д. Доценко. – СПб.: Судостроение, 2001. – 384 с., ил.
119. Милая Химера в адмиральской форме: Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку (18 июля 1916 – 17–16 мая 1917 г.) / Издание подгот. А.В. Смолин и Л.И. Спиридонова. – СПб., 2002. – 240 с.
120. Ларин Д. Последние дни Колчака // Мир новостей: Газета. 1996. № 39 (145). 30 сент.
121. Верховный правитель России: Документы и материалы Следственного дела адмирала А.В. Колчака: Сб. / Под общ. ред. А.Н. Сахарова, В.С. Христофорова, Г.А. Туркана (ред. тома). – М.: Ин-т Российской истории РАН; Центральный архив ФСБ России, 2003. – 702 с.

122. *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – 702 с.
123. *Дроков С.В.* Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. – С. 84–97; № 6. – С. 21–58.
124. *Гинс Г.К.* (George K. Guins). Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Т. 1. Ч. 1; Т. 2. Ч. 1, 2. – Пекин: Типолитография Русской Духовной миссии, 1921. – 325 с. + 606 с.
125. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака // Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и Сибири: Восточный фронт Гражданской войны. Ч. 1. Кн. 19. – Белград: Русская типогр., издат. комиссия, 1930. – 238 с. + I–VII с.; *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: В преддверии диктатуры // Там же. Ч. 2. Кн. 22. – 238 с.; *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: Конституционная диктатура // Там же. Ч. 3. Т. 1. Кн. 23. – 352 с.
126. *Будберг А.Л.* Дневник белогвардейца: Колчаковская эпопея. – Л.: Прибой, 1929. – 302 с.
127. *Устрялов Н.В.* Белый Омск: Дневник колчаковца // Рус. прошлое: Ист.-документ. альманах. 1991. № 2. – С. 283–338.
128. *Перченко Ф.Ф.* О нем, о ней, о них // Милая, обожаемая моя Анна Васильевна / Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. – М.: «Прогресс» – «Традиция» – «Русский путь», 1996. – С. 7–46.
129. *Чудновский С.* Конец Колчака // Годы огневые, годы боевые: Сб. воспоминаний. – Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1961. – 225 с.
130. Разгром Колчака: Воспоминания: Сборник / Сост. и науч. ред. Л.М. Спирин. – М.: Воениздат, 1969. – 296 с.
131. *Шишкин В.И.* К характеристике политических взглядов адмирала А.В. Колчака в 1917–1919 гг. // Известия СО РАН. История, филология и философия. Вып. 3. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 9–13.
132. Карта СССР. Острова Де-Лонга. Масштаб 1:500 000 / Генеральный штаб. – Б.м., 1959. Л. Т-55-В, Г, Т-56-В, Г, Т-57-В. До 1995 г. стоял гриф «Для служебного пользования». На этой карте остров Беннетта с мысом Софии в Восточно-Сибирском море.
133. Карта СССР. Острова Сергея Кирова. Масштаб 1:500 000 / Генеральный штаб. Б.м., 1959. Л. Т-45-В, Г, Т-46-В, Г. До 1995 г. стоял гриф «Секретно». На этой карте остров Софии в Карском море.
134. *Черкашин Н.* Вдова Верховного правителя России // Родина. 1999. № 11. – С. 68–69.
135. *Черкашин Н.* Вдова Верховного правителя России // Родина. 1999. № 3. – С. 60–64.
136. *Черкашин Н.* Красные Колчаки // Родина. 2001. № 10. – С. 22–27.
137. *Книпер А.В.* Фрагменты воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. Т. 1. – М.: Прогресс; Феникс, 1990. – С. 99–190.
138. *Книпер А.В.* «...Не ненавидеть, но любить»: Стихи. Воспоминания / Сост. И.К. Сафонов, Б.А. Горзеев. Издание осуществлено при финансовой поддержке генерального директора объединения ООО «Людмила и К²» Ю.А. Тимошенко. – Кисловодск: Театр-музей «Благодать», 2003. – 248 с.
139. Разгром колчаковщины на Урале: Сб. – Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1939. – 216 с., 4 вкл., 1 портр.

140. Военные деятели эпохи мировой войны: А.В. Колчак // Энциклопедия слов / Гранат. Т. 46. Вып. 1/2. – М., 1926. – С. 427–428.
141. Куняев С. Шпагами последних кондотьеров мы эпохе отдали салют... // День. 1992. 29 марта – 4 апр., № 13(41). – С. 7.
142. Волошин М. Усобица (цикл о терроре). Приложение: Дневник белогвардейца. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. – С. 390–399.
143. Краснов В.Г. Колчак: И жизнь и смерть за Россию: В 2 кн. Кн. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 353 с., ил. – (досье).
144. Корякин В.С. Полярный исследователь А.В. Колчак // Наука в России. 1996. Март–апр. № 2. – С. 79–82.
145. Синюков В.В. Первенец академического флота // Вестн. РАН. 2000. Т. 70, № 12. – С. 1105–1109.
146. Доморощенин С.Н. Наследство // Ист.-краевед. сборник очерков о мезенской жизни в течение ста с лишним лет. – Мезень: Изд-во Архангельской журналистской организации, 1992. – 68 с.
147. Галимов Э.М., Удинцев Г.Б., Шенке Г.В., Шене Т. Геодинамические исследования в Западной Антарктике // Вестн. РАН. 1999. Т. 69, № 2. – С. 111–119.
148. Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. – 3-е изд, перераб и доп. – М.; Л.: Главсевморпуть, 1948. – 416 с.
149. Постников А.В. Русская Америка в географических описаниях и на картах (1741–1867 гг.). – СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 2000. – 472 с., ил., 90 карт.
150. Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / Сост. Г.В. Егоров. – Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1991. – 304 с.
151. Поволяев В.Д. Колчак: Верховный правитель: Роман. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2001. – 512 с., ил. (Белое движение).
152. Александров А. Александр Колчак: Гори, гори, моя звезда // Караван Истории. 2003. № 7. Июнь. – С. 254–270.
153. дю Шатне М. Жан Батист де Траверсе: Министр флота Российского / Авториз. пер. с фр. М.Л. Андреева / Отв. ред. Г.Б. Удинцев. – М.: Наука, 2003. – 412 с.
154. Черкашин Н.А. Командоры полярных морей. – М.: Вече, 2003. – 480 с., ил. (16 с.) (Особый архив)
155. Sinykov V.V. Short Information about Marquis de Traverse's Life // History of Oceanography: Abstracts of the VII International Congress on the History of Oceanography / General Editor V.L. Stryuk. – Kaliningrad: Kaliningrad University Press, 2003. – P. 190–191.
156. Sinykov V.V. The Forgotten Explorer A.V. Kolchak and his Repressed Monograph: «Ice of the Kara and the Siberian Seas» // History of Oceanography: Abstracts of the VII International Congress on the History of Oceanography / General Editor V.L. Stryuk. – Kaliningrad: Kaliningrad University Press, 2003. – P. 191–192.
157. Sinykov V.V., Ushakova M.G. Georgiy Ushakov's Polar «Odyssey» // History of Oceanography: Abstracts of the VII International Congress on the History of Oceanography / General Editor V.L. Stryuk. – Kaliningrad: Kaliningrad University Press, 2003. – P. 193.
158. Sinykov V.V. The Contribution of the Russian Polar Expedition (1900–1903) in Oceanographic Investigation of the Arctic Seas of Russia // History of Oceanography: Abstracts of the VII International Congress on the History of Oceanography / General Editor V.L. Stryuk. – Kaliningrad: Kaliningrad University Press, 2003. – P. 223–224.

159. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: Сб. / Под ред. акад. РАН А.Н. Яковлева / отв. ред. В.И. Шишкин. – М.: МФД, 2003. – 672 с. – (Россия. XX век. Документы).
160. Полярный архив: Сб. Т. I. Труды арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П.В. Боярского. – М.: Российский научно-исследовательский институт культуры и природного наследия им. Д.С. Лихачева; Морская антарктическая комплексная экспедиция, 2003. – 500 с., илл.
161. *Rilly J.P.* Historical introduction / Ed. J.P. Rilly, G. Skirrow. *Chemical Oceanography*. – L.; N.Y.: Academic Press, 1965. V. 1. P. 1–41.
162. Бизертинский мосркой сборник: Избранные страницы / Сост. и науч. ред. В.В. Лобыцын. – М.: Согласие, 2003. – 560 с.
163. *Попов С.* Первопроходец полярных морей // *Море: Морской журнал России*. 1996. № 1. – С. 10–12.
164. *Краснов В.Г.* Колчак: И жизнь и смерть за Россию: В 2 кн. Кн. 1. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 431 с., ил. – (досье).
165. *Ширшова М.П.* Забытый дневник полярного биолога. – М.: АВАНТИ, 2003. – 184 с.

Summary

The book presents for the first time the research activities of A.V. Koltchak in the Arctic. Unique documents testifying participation of lieutenant A.V. Koltchak in Oceanological Polar Expedition of 1900–1903 under command of the well-known Polar geologist E.V. Tolle were discovered in the archives.

Unpublished materials open the unknown pages of Koltchak's life and research activities. The book has a big illustrative material including copies of real documents concerning the early period of Koltchak's work in the Arctic.

The figure of A.V. Koltchak was not an ordinary one. He knew many successes and defeats. He worked as a hidrologist, cartographer, hydrochemist, magnetologist in the Polar Expedition and got a high appraisal of the Empire Academy of Sciences.

Lieutenant A.V. Koltchak was a brave officer with the sence of high duty and greatest decency. He skillfully solved all complicated questions, which he had in severe conditions of the Arctic. In all situations the interests of Motherland and closed friends came first. He was always ready to sacrifice himself for them.

While researching peninsula Taimyr with E.V. Tolle they met with difficulties because of lengthy storm and absence of food. In such extreme conditions A.V. Koltchak turned out to be very worthy. He fulfilled his work in 1900–1902. In 1903 it was necessary to depart to the Bennett's island to find the E.V. Tolle expedition. A.V. Koltchak was the first who suggested his candidacy to that risky matter when the others had refused. With six comrades he managed to get to the Bennett's island in a small boat and found the documents and geologist collection left by E.V. Tolle. Many of documents were delivered to the Peterburg Academy of sciences.

Commanding the risky party A.V. Koltchak showed himself as a courageous and brave man. He was rewarded with the Superior Decorate of the Empire Russian Geographical Society – the Big Konstantin Gold medal for «unusual and important geographical achievements connected with great work and danger».

All the participants of the risky expedition were awarded by gold medals «For zealousness» and Koltchak was awarded by the Saint Vladimir Order of the 4th grade and was unanimously elected a member of the Empire Russian Geographical Society. His colleagues and friends started to call him Koltchak-the Polar.

The unknown monograph on glaciology «The ice of Kara and Siberian seas» by Koltchak is of great interest and importance nowadays. The ships «Vaygach» and «Taimyr» were built on Koltchak's initiative. «Vaygach» sailed to Bering strait under his command in 1910. It was the last voyage of this outstanding polar explorer.

The life and death of Koltchak were full of dramatic events.

V.V. Sinyukov

Об авторе



**Синюков Валерий Васильевич
(1931–2007)**

Окончил химический факультет МГУ им М.В. Ломоносова. Работал в Морском гидрофизическом институте АН СССР в лаборатории гидрохимии, в аппарате Президиума АН СССР, в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эволюция представлений о структуре жидкостей и водных растворов электролитов».

В 1967–1968 гг. работал в Институте океанологии АН Кубы и читал лекции по гидрохимии морских вод, в 1972–1974 гг. был командирован на Высотную Асуанскую плотину в Арабскую Республику Египет для проведения гидрохимиче-

ских исследований, чтения лекций и консультаций. Участвовал в экспедициях на научно-исследовательских судах «Михаил Ломоносов», «Академик Ковалевский», «Академик Курчатов».

Область научных интересов: история химии, физическая и неорганическая химия, химия воды, химическая структура вод Мирового океана.

В.В. Синюков – автор монографий «Структура одноатомных жидкостей, воды и водных растворов электролитов», «Вода известная и неизвестная», а также более 60 научных, научно-популярных статей и художественных очерков.

В монографии «Развитие морских и гидрохимических исследований. Черное, Азовское и арктические моря» В.В. Синюковым впервые в отечественной научной литературе освещены гидрохимические исследования Александра Колчака, участника и одного из руководителей Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг., книга которого «Лед Карского и Сибирского морей» (1909 г.) наконец-то стала предметом широкого научного обсуждения. Более 70 лет в научной литературе на нее не было ни одной ссылки. Три поколения океанологов России не имели понятия об ученом, который внес большой вклад в изучение Русского Севера.

Данная книга является последней из трех книг автора о А.В. Колчаке. Благодаря использованию большого количества уникальных документов из ранее закрытых архивов и материалов, переданных из Франции потомками А.В. Колчака, показана его деятельность как ученого и патриота России.

Оглавление

Предисловие (<i>В.Н. Краснов</i>).....	5
Глава 9	
Вице-адмирал А.В. Колчак – командующий Черноморским флотом. Февральская революция 1917 г.	11
Первые шаги командующего Черноморским флотом	11
Черноморский флот вступает в новую фазу	13
Гибель линкора «Императрица Мария»	16
Отречение Государя. Брожение среди матросов Российского флота	19
Глава 10	
Адмирал А.В. Колчак – Верховный правитель России. Переворот 18 ноября 1918 г.	27
А.В. Колчак устремился с моря на сушу	27
Трагический финал эпопеи адмирала А.В. Колчака	34
Из автобиографии вице-адмирала А.В. Колчака	48
Александр Колчак об Александре Колчаке	53
Глава 11	
Влюбленный адмирал	60
В трагическом финале жизни А.В. Колчака этой женщине суждено было сыграть героическую роль	60
Вспоминая адмирала	64
А.В. Колчак предчувствовал – катастрофа надвигается	66
Быль о тех, кто спасал и кто казнил Анну Васильевну	70
Заключение	74
Послесловие (<i>С.С. Зувев</i>).....	80

Приложения

<i>Приложение 1</i>	
Личный состав, смета, список приборов Русской полярной экспедиции 1900 г.	87

<i>Приложение 2</i>	
Письмо в Лондон о заказе на изготовление оборудования для экспедиции. 20 марта 1900 г.	95
<i>Приложение 3</i>	
Доклад А.В. Колчака «О современном положении Русской полярной экспедиции». Чтение в Иркутском географическом обществе 6/21 фев- раля 1903 г.	98
<i>Приложение 4</i>	
Памятная записка о плавании северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири, от устья р. Енисей до Берингова пролива	103
<i>Приложение 5</i>	
Ю. Шокальский, А. Колчак, Л. Брейтфус, И. Толмачев «Мате- риалы к вопросу об исследовании берегов Сибири»	126
<i>Приложение 6</i>	
Какой нужен России флот	155
<i>Приложение 7</i>	
Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании деле- гатов армии, флота и рабочих в Севастополе (25 апреля 1917 г.)	169
<i>Приложение 8</i>	
Письмо Александра Ростиславича Колчака, внука адмирала	177
<i>Приложение 9</i>	
Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2005 г. № 433 г. Москва «О переименовании географического объекта в Карском море»	185
<i>Приложение 10</i>	
А.В. Колчак в творчестве поэтов	186
<i>Приложение 11</i>	
Лирическая новелла «Две любви как радуга и мираж»	198
<i>Приложение 12</i>	
Вновь открытые публикации о А.В. Колчаке	209
Литература	217
Summary	226
Об авторе	228

Научно-биографическое издание

Синюков Валерий Васильевич

**АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЧАК**

Ученый и патриот

В двух частях

Часть 2

**КОМАНДУЮЩИЙ
ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ
И ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
РОССИИ**

Утверждено к печати

Ученым советом

*Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Зав. редакцией *М.В. Грачева*

Редактор *Л.В. Филиппова*

Художник *Ю.И. Духовская*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Т.А. Резникова*

Корректор *Т.А. Печко*

Подписано к печати 20.07.2009

Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печ.л. 17,8

Усл.кр.-отт. 20,5. Уч.-изд.л. 16,8

Тип. зак. 2156. Тираж 1000 экз.

Издательство «Наука»

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

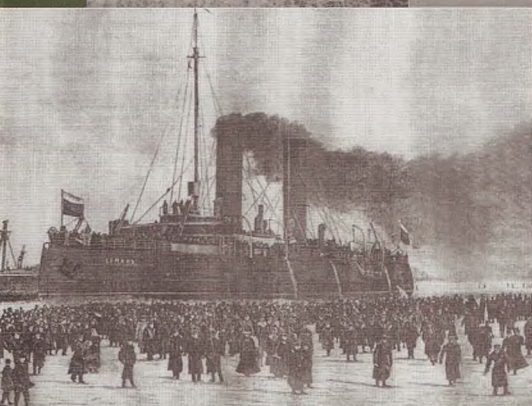
ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пр., 6

В. В. Синюков

Александр Васильевич **КОЛЧАК**

Ученый и патриот



Наука

ISBN 978-5-02-035761-7



9 785020 357617